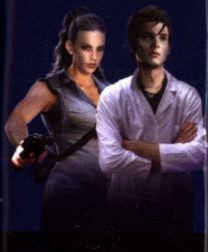

КОНТРОЛЕР
ЮРИЙ
НИКИТИН

На пороге

ЮРИЙ НИКИТИН

На пороге

К О Н Т Р О Л Е Р

—ЮРИЙ
НИКИТИН

—ЮРИЙ
НИКИТИН
К О Н Т Р ● Л Е Р

Книга первая

На пороге

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н62

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Никитин, Юрий Александрович.

Н62   Контролер. Книга первая. На пороге / Юрий Никитин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Контролер. Фантастика Юрия Никитина).

ISBN 978-5-699-88158-1

Владимир Лавронов, доктор наук, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, действует в мире за-втрашних идей, хай-тека, биотехнологий, в стремительном ритме современной жизни с ее идеалами, близостью бессмертия, сингулярности, сетевыми и религиозными войнами, локальными конфликтами и мятежами... и постоянно сталкивается с новыми вызовами глобальных рисков, какие просто не могли существовать раньше.

Обреченный на смерть неизлечимой нейродистрофией, он решается на рискованнейшую операцию. Но никто, кроме нас, читателей, не ожидал, что результат получится неожиданным.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Никитин Ю., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-88158-1

Часть I

Глава 1

Катенька так проголодалась, что набросилась на еду, как проснувшийся после зимней спячки зверек, тощий и ослабевший, почти глотала, разжевывая кое-как, подавилась, начала икать так смешно, что я жизнерадостно заржал.

Она бросала лютые взгляды, но как ни давила икотку, та не унималась, а сказать дурацкое «Икотка-икотка, перейди на Федотка, а с Федота на Якова, а с Якова на всякого» отучали еще в детском садике, дескать, нельзя за свою дурость заставлять расплачиваться других даже в нелепом пожелании диких людей, что дошло из времен не то Петра Грозного, не то вообще питекантропия.

— Чего... ржешь? — просипела она перехваченным горлом.

— Мило, — сказал я в восторге. — Тебя даже подбрасывает! Как игрушечного хомячка!

— Твоя печка... плохо готовит, — выдавила она. — Можно... припаять срок... за... такое... вредительство... народному здоровью.

— Выпей воды, — посоветовал я. — Или дать водки? Что у вас на тусовках сейчас в тренде?

Она набирала воздуха и, раздув щеки, как бурундук на заготовке зерен, терпела, но через несколько секунд ее снова подбрасывало, и она с шумом выпускала воздух, сдуваясь, как проколотый шарик, становясь такой маленькой и жалобной, что хотелось ухватить и сунуть в нагрудный карман, а туда иногда сверху запускать палец и щекотать ей пузо.

Я наслаждался, рассматривая почти с нежностью. Все-таки как ни давят нас женщины своим феминизмом и как мы им ни подыгрываем, чтобы лучше и активнее работали, и вообще чтоб в дурном азарте все делали за нас, а мы полежим на диване, нам надо копить силы для спасения мира, однако же эволюцию не отменишь, в каждую клетку нашего тела вбила свои законы.

Ей уже или все еще двадцать четыре, замужем, но ее пока что еще зовут не Катериной и даже не Катей, а Катенькой, как ребенка. И когда смотришь на милые мелкие черты лица, вздернутый носик, капризно вздернутую верхнюю губу, хотя сама Катенька ничуть не капризная, видишь жалобный вид, узкие женские плечи, а взгляд из-за ее дюймовочности всегда снизу, так что любой мужчина готов ухватить ее на руки и нести через лужи, лаву и минные поля... то да, понимаешь, что это Катенька, Катюнчик и все такое, но никак не Катерина.

— А ты почему не отвечал на звонки?.. По глазам вижу, сбрешешь!..

— Тебя ждал, — великодушно ответил я. — Сидел у окошка, подперши рожу ладошкой, и ждал. А когда уходила утром, платочком махал вслед.

— Свинья, — сообщила она. — Платочком махал!.. А у тебя есть платочек?.. Небось соплями о землю бьешь так, что почва трескается, а в Непале снова землетрясение. Или цунами.

Я добродушно улыбался.

— Не-е-ет, я в этом деле настоящий эстет!.. Как йог, выдуваю по очереди из каждой ноздри, красиво и артистично зажимая другую. Показать?

— Свинья, — повторила она. — Не видишь, я питаюсь? Хотя чего от тебя ждать, такого грубого, будто и не ботаник.

— Я тоже тебя люблю, — сказал я. — Кофе?.. Или сразу в ванну? Я там набрал для тебя воды. С ароматами, как ты любишь.

— Давай кофе, — потребовала она. — Допью в ванной. И бутерброд побольше!

— С салом?

Она округлила глаза.

— Что? Я называю это рыбой!

В ванне нежилась недолго, характер не позволяет разлеживаться, а дома, как призналась однажды, вообще ванну никогда не принимает, довольствуясь душем. А муж ее так вообще не моется, вредно смывать с себя защитный слой, есть такое мнение у физиологов, а он все эти рекомендации выполняет и перевыполняет.

Когда я разделся, смущаясь своего постоянно худеющего тела, она не стала ни отворачиваться, ни говорить что-то утешающее, все равно ложь, сказала просто и небрежно:

— А ты что-то совсем исхудал... Утром я сама завтрак приготовлю. Мужчина должен питаться хорошо!

И ни слова про мою нейродегенерацию, умница и чуткая душа.

— Ты повторила слово в слово, — сказал я, — фразу главной героини в фильме «Красный аквагер»?

Она покачала головой.

— Не помню. Наверное, не смотрела.

— Смотрела, — сказал я уверенно. — Я как раз тогда к тебе заходил! Ты чесалась, как поросенок, прямо перед окном. Голая.

Она отрезала с достоинством:

— Леди не чешутся!..

— Кино сингловое, — подсказал я.

Она фыркнула.

— Да кто сингловые помнит? Я, как и все, запоминаю только сериалы. Когда в каждом сезоне по двадцать четыре серии, то запомнишь не только главного героя, но и парочку второстепенных... А сингловые фильмы кто-то в наше время смотрит?

— Только маргиналы, — согласился я.

— Сумасшедшие.

— И в синглах, — сказал я великодушно, — пока еще бывают находки. Хотя все реже.

— Отмирающий жанр, — согласилась она равнодушно. — Много чего отмерло. Отец говорил, в его детстве все поголовно в шахматы играли. Дети, взрослые, старики. Дома и в парке на скамейках... А сейчас и слова такого нет. В словарях уже с пометкой «устар.» либо «архаизм».

Она заснула, а я, оставшись наедине с собой, ощутил такую дикую тоску, как никогда раньше. Сердце почти перестало стучать, я в испуге пощупал левую сторону груди, надавил мышцу, страшась, что там под нею слабеющий мускул вдруг да перестанет работать именно сейчас.

В детстве не страшился смерти и даже бравировал, доказывая, что нужно умереть красиво, на бегу или, как говорят штатовцы, в своих ботинках.

Все так и было, потому что о бессмертии тогда еще не говорили, по крайней мере в обществе, по-

тому умереть в семьдесят или в семьдесят пять лет... да какая разница? И хотя вроде бы лучше в семьдесят пять, но если для этого нужно всю жизнь отказываться от сладкого и горького, ложиться спать только вовремя, кофе не пить, жирное не употреблять... то прибавка в пять лет того не стоит.

Другое дело, если бы сто лет! А еще лучше, тысячу.

И вот сейчас, когда понял четко и отчетливо, что мог бы дожить до бессмертия, осталось до него всего лет пятьдесят, а мне сейчас двадцать девять, к моим семидесяти девяти годам уже будет открыто, а к восьмидесяти уже создано и введено в практику.

Ну, пусть не получил бы первым и даже вторым, пусть в конце первого миллиона, но успел бы, а потом тело можно модифицировать как угодно, сделать хоть молодым, хоть кремнийорганическим, хоть в виде силового сгустка.

Но, увы, не получится. У меня одна из тех редких болезней, которые становятся в нашем мире более частыми, — нейродистрофия. Никакие физические упражнения не спасут, мышцы постоянно истончаются, а когда перестанет работать сердце, что всего лишь мышца, то все, как у.

В нашей лаборатории, как и в сотне таких же по миру, давно работают с CRISPR, успехи есть, от дрозофил готовимся перейти к мышам, но я не дождусь, склею лапы раньше, и мои коллеги в нашей лаборатории недавно поддались на мои уговоры попробовать рискнуть и провести операцию на моем испорченном гене, что вообще-то строжайше запрещено.

Но человек не мышь, я сам это говорил сотни раз дилетантам, что требовали быстрее переносить

на человека то, что удалось на червях, а то и на бактериях.

У нас основная цель — антиэйджинг, борьба со старением, в идеале — бессмертие, но у червяка один-два выключателя старости, суметь их найти и поставить на нейтралку — уже сделать бессмертными, а вот у человека таких выключателей сотни.

Хуже того, безобидные участки генома взаимодействуют на предмет умерщвления своего носителя так усердно и умело, что все комбинации никакой компьютер пока что не сосчитает.

Попытаться проделать это на человеке, когда получается только на нематодах и дрозофилах, — неоправданный и ничем не подкрепленный риск. Даже к мышам пока подходят только авантюристы, но не серьезные, как это называется, ученые.

Выбор не ахти, но это честный выбор: или через два года неминуемая смерть от нейродистрофии, либо рискованнейшая операция, где шансы один к миллиону, если не к миллиарду. Если не повезет, умру пусть не на столе, там склеивают ласты, а через пару месяцев в собственной постели.

Вообще-то я согласился бы и на шанс один к миллиарду. Прожить всего два месяца — это все равно что не жить, там последний месяц сознание сбоят, а последние недели буду овощем, что срет в постели...

Выныривая из сна, я подумал, что дурной дом спятил: отодвигает тяжелые плотные шторы, приоткрыл окна, врубил музыку, ладно хоть тихо, сейчас еще ночь...

...нет, в окна бьет яркое солнце, Катенька сладко сопит, закинув на меня ногу почти до горла, теплая и мягкая, щека розовая, но когда оранжевый лучик упал на ее нежное лицо, веки тут же затрепетали, щекоча ресницами мне кожу на плече.

— Уже утро? — спросила она хриплым со сна голоском. — Что-то я в твоей постели всегда такая...

— Чудесная?

— Проспальная, — пояснила она сонно. — Давай вставай! Завтрак приготовил? Нет? Какой же ты мужчина...

— Уже готовится, — сообщил я. — У мужчин вкусы стандартные, так что я меню составил три месяца назад, когда купил кухонный комбайн, вот он и готовит, не переспрашивает.

— А я? — спросила она капризно. — Мои вкусы учел?

— Прости, — ответил я виновато, — ты такая редкая гостя. Скажи, когда явишься в следующий раз, я закажу роскошнейший ужин и дивный завтрак!

Она подумала, взглянула на меня оценивающе.

— Извини, не знаю сама. Тут, понимаешь, на работе появился еще и Кирилюк Игорь, статный красавец из отдела маркетинга, сразу на меня глаз положил... В постели хорош, но что-то пока что настораживает. Слишком хорош, где-то подвох.

— Муж, — сказал я, — и теперь еще Кирилюк... Понятно, почему на меня времени все меньше.

— Прости, — сказала она, — но мне, как говорит мама, пора определяться.

— С чего вдруг? — поинтересовался я. — Сроки вроде бы не поджимают.

— Ты о детях? — спросила она. — Да, еще десяток лет есть, а потом, правда, начинаются какие-то сбои в ДНК... Потому надо либо временный брак переводить в постоянный, либо чаще смотреть по сторонам.

— И тогда можно исправлять, — сказал я великодушно. — Правда, пока дорого, но все удешев-

ляется!.. А потом и вообще железячники обещают пересадить нас в тела из металла.

— Я не готова, — сказала она рассудительно, — чтобы свое прекрасное тело... скажи, у меня прекрасное?.. Говори, а то прибью!.. не готова свое прекрасное тело менять на металлическое.

— А из полиметаллов? — спросил я хитро. — Кремнийорганики?... Я вот хоть сейчас!.. Это же так здорово находиться на острие прогресса!..

Она приподнялась на локте.

— Это чем пахнет на кухне?

— Вегетарианское мясо, — ответил я.

Она повела носом.

— Из баранины?

— Это вегетарианская баранина, — пояснил я. — Для вегетарианцев. Этих баранов кормили только растительной пищей. Кроме того, я — сыроед! Сейчас это модно.

Она выскользнула из постели, юркая, как бурундук, в мгновение ока оказалась на кухне. Я видел из постели, как приоткрыла дверцу плиты и понюхала поджаривающееся мясо.

— Пора снимать, вон какая румяная корочка!.. Не пережарь.

— В самый раз, — заверил я. — У меня плита настроена точно. Знает, что я стараюсь продлить жизнь, потому запрограммирована только на здоровую пищу без вредного холестерина, аликелина, батрадокса, гэмэо и даже нейродекста.

Я отшвырнул одеяло, поднялся, но шатнуло, я торопливо ухватился за спинку кровати.

Она сделала вид, что не заметила, прощebetала, как ни в чем не бывало:

— Ты что, уже такой старый?.. А я вот подумала, подсчитала и решила, что по всем прогнозам еще не

буду дряхлой, когда бессмертие создадут. Или изобретут. И даже станет доступным для широких масс.

— Понял, — сказал я, — значит, не стоит сейчас тужиться, продлевать жизнь?

Она кивнула.

— Точно. Какая разница, стану бессмертной в семьдесят лет или в семьдесят пять?.. Пусть даже в восемьдесят! Потом все равно можно будет вернуть молодость...

— И вообще перестроить себя, — закончил я.

Она сказала мечтательно:

— Сперва верну себе свои восемнадцать лет... Или лучше семнадцать? Такая была восхитительная дурочка... Нет, только внешность той юной дурочки, но мозгами нынешнюю стерву...

— Ты не стерва, — возразил я. — Какая из тебя стерва?

— Нет? — спросила она жалобно. — А я так стараюсь!

— Для стервы у тебя базы маловато, — сообщил я. — К тому же стервой надо родиться. А потом, когда станешь молодой и подгонишь организм под моду того времени?

Она сперва не поняла, потом на лице проступило беспокойство, сказала почти жалобно:

— Биологи что-то придумают... У нашего тела еще есть резервы.

Я промолчал, оба знаем, что хотя резервы есть, но уже четко виден край, за который не выйти. Мы будем бессмертными, сможем прыгать на полста метров, поднимать одной рукой автомобили...

...однако даже простая замена биологической ткани на неорганику позволит прыгать на километры, поднимать одним пальцем грузовики, общаться со всем миром, но и то это самый первый

пажок, за которым будет неизбежный полный отказ от привычного тела, конструирование всего организма по своей воле и прихотям, создавая себя по своим чертежам и задумке, добавляя или убирая какие-то эмоции, желания, способности.

Глава 2

Она зябко передернула плечами, плотно-плотно зажмурилась и прижалась ко мне всем телом с такой страстью, словно пыталась втиснуться и спрятаться в нем от надвигающегося опасного мира.

— Не хочу даже думать о таком страшном будущем. Слишком много возможностей! Это меня пугает.

— И не надо, — шепнул я ласково в ее макушку. — Не стоит пугаться заранее.

— Но уже страшно!

— Когда будущее приблизится, — сказал я, — оно не покажется таким страшным.

— Приблизится? — пискнула она. — Налетит! Как ураган... И сметет таких, как я, будто прошлогодние листья.

— Не дам, — заявил я твердо.

— Ты меня спасешь? — спросила она с надеждой.

— Спасу, — пообещал я, — укрою, защищу.

Она пискнула:

— А кормить?

— Кормить тоже буду, — пообещал я великодушно. — Животных мы все любим.

— А я какое животное?

— Хорошее, — ответил я и поцеловал ее в нос. — Мы вообще-то всех зверьков любим, но ты еще и хороший зверек. И почти не кусаешься!

— А ты меня не обижай, — заявила она.

— А когда я тебя обижаю?

— Всегда, — отрезала она победно и чисто по-женски. — Синтия звонила?

Я сказал потускневшим голосом:

— Мне кажется, она меня избегает.

— У нее много работы, — напомнила она. — А еще учеба в бизнес-центре. Уверена, как только у нее появится окошко, тут же примчится к тебе!

— Да ладно тебе...

— Точно, — заверила она. — Мы, женщины, такие. Как только освободились от вашего гнусного рабства, сразу все мысли о саморазвитии, а все любви во вторую очередь. Нам нужно наверстать отставание от мужчин, а потом, когда будем наравне, можно будет и о всяких там лямурах!

— Ты мое золото, — сказал я растроганно, — как бы я без тебя жил.

— Я твой друг, — напомнила она серьезным голосом, — и ты можешь всегда на меня положиться. Всегда!

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала в губы. Я попытался ухватить в объятия, но она увернулась и выскользнула из квартиры. На экране видеонаблюдения хорошо видно, как несется к лифту, вызвав его еще из прихожей, в тесной кабинке смотрит в зеркало, все в порядке, тушь не размазана, помада подобрана яркая, и на улицу выскочила легкая и быстрая, как стрекозка.

У меня еще час в запасе, успел просмотреть заголовки новостей, там в топе видео разрушенного Брюсселя, террористы Халифата нанесли особо мощный удар, оставив на месте столицы НАТО оплавленные руины. Город испарился, в сообщении было сказано, что это месть за посылку армии гяуров в священную Мекку и осквернение Каабы.

Ниже мнение Госдепа, что это дело рук России, но российский МИД заявил, что НАТО уже не представляет для России угрозы и захватить Брюссель Россия могла бы в любой день, потеряв не больше взвода солдат и двух-трех танков.

Там же в топе сенсационное открытие Жабенюка Журавлевского, дескать, предком человека была обезьяна, живущая в норах. Отсюда у нас желание закрываться одеялом с головой и спать в абсолютной темноте.

Кто с кем из знаменитостей спит и от какой у кого дети, я пропустил, посмотрел напоследок сообщение о конгрессе психологов, где подняли тревогу, что преступность снизилась до ничтожного процента, а это недопустимо для развивающегося полноценного общества.

Дескать, пока человек — человек, он должен иметь возможность нарушать законы, воровать, хитрить, изменять жене, иначе постоянное давление моральных устоев взорвет его неврозами, но с человеком вообще-то хрен с ним, но это же грозит и обществу, что намного опаснее.

Общество всегда было компромиссом между желательной правильностью и неизбежной неправильностью, что осталась у нас от животных предков. Потому нельзя ни объявлять сухой закон, ни запрещать казино и прочие азартные игры, даже уличную преступность нельзя уничтожать всю. Это приводит к угрожающему росту неврозов, опасным расстройствам психики, что в лучшем случае ведут к самоубийствам, но это выход для слабых, но в обществе есть и сильные, эти убивать будут уже не себя.

От двери донесся мелодичный голос:

— Сахиб, через десять минут нужно выйти.

— Спасибо, раб, — ответил я. — Карета подана?

— Паланкин, — ответил электронный секретарь. — С четырьмя колесами. Кстати, сегодня я не раб, а рабыня.

— Это лучше, — сказал я и тут же спохватился, сказал громко, — хотя мне все равно, как правильному и законопослушному гражданину. Да здравствуют демократические свободы! Слава героям!

— Героям слава, — ответил голос.

Либерализация на марше: сейчас если совокупаешься только с женщинами, могут впасть штраф за нетолерантность и сексизм. И хотя случаев штрафов пока еще не замечено, однако несколько особо злостных нарушителей на Западе, открыто заявивших, что копулироваться будут только с женщинами, по суду привлечены к принудительным работам, а двое или трое и вовсе оказались в тюрьмах смешанного содержания.

Правда, сейчас все тюрьмы по закону о равноправии и толерантности перевели на смешанное, и никого уже не удивляют мужчины и женщины как в общих камерах, так и в камерах на двоих.

У нас пока еще только разговоры, но Россия — часть общего культурного пространства Европы, так что и здесь будут действовать те же законы, хоть и с запозданием.

Автомобиль по команде моего продвинутого секретаря подъехал точно в ту секунду, как я вышел из подъезда, распахнул дверцу справа и, едва я сел, торопливо шуганул в сторону, давая место другому.

Он у меня еще старой конструкции, с рулем, а с прошлого года все фирмы торопливо перешли на выпуск без этого анахронизма, но я не комплекую, сейчас все ускорилося, никому не удастся быть долго в окружении самых навороченных гаджетов.

Даже на городских улицах скорость не меньше сотни, а за городом так и вовсе за сто пятьдесят, но автоматическая система следит, чтобы нигде не возникали пробки, километры наматываются шустро, я начал слушать последний выпуск новостей.

Авто подкатил на большой скорости к подъезду здания нашего центра. Не дослушав, я торопливо вышел, чтобы не задерживать следующие, а машина ринулась к стоянке, спеша захватить место, где будет ждать конца моего рабочего дня, скачивать апгрейды, слушать музыку, играть в простенькие игры, старательно повышая свой электронный интеллект.

По ступенькам я поднимался, хватаясь за перила. С дверью пришлось побороться, тугая пружина, охранник увидел и поспешил на помощь. Уже знает, что я дистрофик и не жилец.

В холле меня обогнали Щербатко и Гуцулов, сотрудники соседней лаборатории. Щербатко, хотя он всегда пишет свою фамилию как «Щербатько» и объясняет всякий раз, что ведет свой род от знаменитого Щербаня, того самого, который в Запорожской Сечи однажды что-то там, а Гуцулов просто Гуцулов, оба бодрые и шумные, даже не подумали ждать лифта, сразу ринулись по лестнице, так модно и рекомендуемо медиками.

Увы, мои мышцы слабеют уже не год от года, а начали сдавать по месяцам, а то и неделям. За спиной приближающиеся голоса Лелекина и Косенкова, вдруг шаги ускорились, это лифт высадил порцию пассажиров сверху, но, взяв одного внизу, тут же захлопнул двери.

Слышно было, как понесся по трубе ввысь. Лелекин посмотрел на дверь с укором.

— Косьян, — спросил он, — говорят, переходишь на другую работу?

— Нет, — сообщил Косенков, — вообще в другую фирму. Буду переучивать пожилых!

Лелекин хохотнул.

— Чего? Да сейчас и молодым работы не хватает! Косенков сказал почти шепотом:

— Ты не заметил, что профессии исчезают одна за другой? И процесс ускоряется?.. В этом году исчезнут последние переводчики, почтальоны, библиотекари, аптекари, продавцы, а к концу года начнут исчезать бизнес-аналитики, прорабы, операционистки, стюардессы... Их уже заменяют роботами, а людей куда?

— Думаешь, — спросил Лелекин скептически, — старики могут переучиться?

— Есть новые методики, — заверил Косенков таинственным голосом. — Обезьян даже выучивают!

Двери второй шахты открылись, приглашая в просторный лифт, Лелекин и Косенков заспешили к нему, я слышал, как Лелекин ответил беспечно:

— Когда мое место сократят, лучше буду жить на пособие.

Я дождался лифта, без него на двадцать четвертый этаж не поднялся бы все равно, будь даже совершенно здоровым. В тесной кабинке почему-то вспомнил Катеньку, она мой лучший и вообще единственный друг, без нее хреново. Особенно, когда процесс моей нейродегенерации начал ускоряться, только она осталась у меня опорой. Завидую ее мужу, а также бойфренду Кирилюку хорошей белой завистью.

Моя невеста, Синтия, в последнее время начала от меня осторожно отодвигаться. Не хочется о ней такое думать, но, видимо, потому так, что люди с моим редким заболеванием в среднем дожи-

вают до двадцати пяти, а мне уже двадцать девять, но методов лечения на горизонте не видно и не предвидится.

Мы были прекрасной парой, так все говорили, я — молодой ученый, нейрофизиолог, доктор наук, перспективный, в нашем научном центре меня считают восходящей звездой, но, возможно, мои мыслительные способности усилены как раз за счет того, что у меня серьезный сбой в генах. Даже не в генах, в одном-единственном... хотя от этого не легче.

Да и последнее время больше времени провожу в лаборатории, а Синтия все-таки из мира гламурного дизайна, потому последнее время просто приходила ко мне сразу домой, на ночь теперь не остается, а я с горечью чувствую, как медленно отдаляется, и ничего не могу сделать.

В нашем научно-исследовательском центре с полсотни лабораторий, в которых с разных сторон и с помощью разных методов атакуем самую главную твердыню биологии: антиэйджинг, то есть резкое продление жизни, а за ним и бессмертие.

Я тяжело опустился за стол, где половину площади занимает хай-тековый микроскоп, по мощи превосходит электронный, но не убивает живое излучением, что для моей работы критически важно.

Неделю тому вот в этом кресле я и сидел, сжимаясь в комок, когда грузный и неповоротливый Медведев, которому как никому идет его фамилия, приблизился ко мне со шприцем в руке. Как сейчас помню, шприц показался огромным, хотя на самом деле совсем крохотный, мне всего лишь запустят белок, что отыщет поврежденный ген, а там особый фермент в белке разрежет мутантную ДНК пополам, после чего начнется регенерация, точнее — реком-

бинация, при котором клетка восстановится целиком уже с правильной комбинацией генов.

Меня потряхивало, такие опыты пока проделывали на нематодах и дрозофилах, но если мне все равно вот-вот склеивать ласты, то что я теряю?

Лазаренко, зам зава лаборатории, вошел тогда за Медведевым следом и, жутко нервничая, встал у двери, чтобы никто случайно не заглянул.

Как сейчас помню вкрадчивый шепот Медведева:

— Можешь закрыть глаза. Я, правда, не уверен, что не перепутал шприц...

Лазаренко прошипел от двери:

— Давай быстрее!.. Я неделю составлял, все точно!

— Знаю, — сказал Медведев серьезным голосом. — То-то раствор мутный, вижу капли твоего пота...

— Давай быстрее, — повторил и я за Лазаренко вздрагивающим голосом. — Не наслаждайся моментом...

Он ухмыльнулся.

— А это, кстати, момент исторический. Так пока избавляют только от СПИДа, гемофилии, еще чего-то редкого, а через пару лет сможем навсегда убирать гены, что приводят к раку, сахарному диабету и даже к насморку...

В шею кольнуло, я замер, а Медведев, подержав иглу в вене, медленно потянул обратно.

— Все, — сказал он. — Теперь только ждать, когда залатает. Думаю, через недельку уже можно просмотреть геном заново.

Лазаренко сказал с изумлением:

— Почему через недельку? Уже завтра можно!

Медведев сказал со злорадством:

— А это чтоб помучался. Должен же я отомстить, что третий раз обгоняет меня на драконе?.. А мед-

ведь, который его носит под мышкой? И легендарный меч у него не то краденый, не то считеренный... У меня такого все еще нет, хотя я в байме уже третий год!

Глава 3

Громко хлопнула дверь, я вздрогнул, выныривая из воспоминаний. В лабораторию вдвинулся всей тушей Медведев, могучий, толстый и косолапый от собственной неуклюжей могучести. Вес у него зашкаливает за двести килограммов, но особенно толстым не выглядит из-за природной ловкости и грохочущего жизнелюбия, к тому же у него действительно толстая и широкая кость, широкая морда, жопа и плечи, так что объемистый живот как бы и не совсем живот, вон на боках отложения еще мощнее.

Сейчас он веселый и бодрый, даже напевает что-то бравурное, лучшее из доказательств, что мои дела хреннее некуда..

— Привет, дистрофик, — сказал он громко. — Хорошо выглядишь! Цвет лица такой свежий, зеленый!.. Как у муромского огурчика. Или корнишона, как теперь говорят все чаще.

— Ну да, — ответил я слабо, — конечно...

Улыбаюсь ему жалко, он мне в ответ натужно весело, оба брешем, но мы же в обществе, так что брехать надо, мы же люди воспитанные.

— Все проверили, — сообщил он бодро. — Срослось хорошо!.. У тебя сильное воспаление, так что заживление на высоте, поздравляю. Правда, случилась небольшая... В общем, непредвиденное. Обычно, как сам знаешь, после операции порченная по-

ловинка дохнет и рассасывается, а здоровая разрастается и принимает на себя те функции, которые раньше были у неправильной...

— А что у меня?

Он развел руками.

— У тебя отмерла здоровая, а испорченная начала разрастаться. Так еще ни разу не случалось, но вообще-то статистики у нас пока что нет... Знаешь, получилась не совсем искусственная ДНК, она твоя родная, но такие в природе не встречаются. Сейчас спешно ищем вариант, как остановить ее преступную деятельность... Думаю, через недельку операцию можно будет повторить.

— Да я хоть сейчас, — ответил я жалко. — Чувствую себя так же хреново, но не хуже, чем было.

Он помялся, ответил, отводя взгляд:

— Сейчас мы сами не готовы, дружище. Ты же знаешь, сколько надо сделать до того, как. Куда там ювелирам и всяким там золотокузнецам до нашего левиа!

— Блин, — прошептал я, — ну что за хрень... Почему это со мной...

Он сказал веско:

— Природа мудра, друг мой. Мы — последние в многомиллиардной цепи существ, абсолютное большинство которых погибло в самом начале пути, еще не добравшись даже до половой зрелости. Ты и дожил до этого возраста только потому, что природа мудро заблокировала этот ген.

Я спросил настороженно:

— Тогда почему сразу не убрала?

Он мягко улыбнулся.

— Сам догадайся. Это же просто. Природа все делает правильно, но... очень медленно, перебирая варианты методом тыка... Этот ген у людей убрала

и продолжает убирать, как только он где-то выныривает. Возможно, ты единственный, добравшийся с таким дефектом до нашего времени? Сейчас его можно сравнить с предохранителем на кнопке форсажа, запуск которого тебя быстро сожжет. Или столкнет с обществом.

— Колдун древних времен? — спросил я. — Таких сжигали?

— Или погибали сами, — ответил он. — Это ж такая нагрузка на мозг... Да и сам человек, не понимая, что с ним, мог либо сойти с ума, либо прыгнуть в пропасть, считая себя одержимым дьяволом. Со временем природа выработала защиту, наложив на этот ген заплатку.

Я пробормотал невесело:

— Которая все равно быстро изнашивается.

— Да, — согласился он, — но природа продолжает накладывать все более прочные. Думаю, сперва изнашивались за сутки, это ни на чем не основанное предположение, потом за неделю, месяц, год... За несколько десятков тысяч лет срок возрос, как видишь, до двадцати девяти лет, что просто здорово!

Я буркнул:

— Природа не торопится.

— Это ее стиль работы, — согласился он. — К счастью для тебя. Лазаренко уже прочесал миллионы букв твоей ДНК в поисках двадцатичетырехбуквенной последовательности, входящей в состав патологического гена. Бодрись. Ребята по его результатам спешно готовят новую, ну просто бронбойную заплатку!.. Как только будет готова, тут же тебе и вколю... Ну разве что буду пьяным или на футболе... Или уеду на рыбалку...

Я спросил с надеждой:

— А они успеют?

— Ребята и спят в лаборатории, — ответил он с мягким упреком. — Думаю, за неделю все сделают. И повторим. Мы не дадим тебе отбросить копыта! Кто же будет бегать за кофе?

Дверь открылась, Лазаренко вошел на цыпочках и воровато огляделся.

— Только поменьше болтайте, — сказал он свистящим шепотом. — Это и противозаконно, и даже... аморально.

Медведев громко хрюкнул, вытаращил глаза.

— Чего? Какая-такая мораль? Па-а-адумаешь... Лет через десять о ней вообще забудут.

Лазаренко, как более консервативный, а еще и администратор, что обязан стоять на страже законов и морали, проворчал:

— Какая-то мораль да будет. Изменится, но совсем без нее как жить?

— Ха, — сказал Медведев. — Сейчас какой год?.. Две тысячи двадцатый!.. Помните? Курцвейл на две тысячи тридцатый предсказывал бессмертие, но потом сдвинул на две тысячи сорок пятый. Еще через год посчитал лучше и назвал две тысяча семидесятый год. На этот раз с ним согласились все эксперты. Да, в семидесятом станем бессмертными. Это всего через пятьдесят лет!.. Вы хоть представляете, что начнется, когда приблизимся?.. Сейчас никто об этом не думает, а когда до бессмертия останется год-два?.. Да человек на любое преступление пойдет, чтобы заполучить бессмертие! Какая мораль?..

На нас пахнуло космическим холодом. Лазаренко беспокойно подвигал плечами, впереди поднимается в кровавом закате пожаров страшноватое время переходного периода. Да, когда все будут бессмертными — это одно, но страшное время, когда станет понятно, что все люди бессмертие получить не могут.

Хлопнула дверь, осторожно вошла Моника, держа перед собой картонную коробку с десятком чашек ай-петри. Подчеркнуто модная, вся расцвечена татуировкой, и хотя теперь это не только у эзков, но в моих глазах еще при первом появлении передвинуло ее в разряд дешевых шлюх. Дешевых не в том смысле, что роются в помойках, дешевыми могут быть и бабищи, щеголяющие бриллиантами в миллионы долларов, а дешевых в том, правильно понимаемом.

Вообще-то не могу себе представить леди, которая украсила бы себя татуировкой, а вот актрису — да, особенно, если взяли с помойки Детройта.

Она ощутила с моей стороны нечто, женщины все-таки близки к животным, что лучше нас, людей, чувствуют колебание атмосферы, магнитные и солнечные бури, а также приближение землетрясений.

— Не нравлюсь? — поинтересовалась она с холодной неприязнью.

— Напротив, — ответил я галантно, — восторгаюсь женщинами, у которых настолько развита интуиция...

— ...что мозги таким незачем? — договорила она. — Ладно-ладно, тысячу раз такое слышала. Вы мне тоже не нравитесь, так что квиты.

— Убьюсь ап стену, — пообещал я.

Медведев жизнерадостно заржал.

— Вы чего? Такая конфронтация говорит, что скоро окажетесь в одной постели!

Она фыркнула, взяла приготовленный для нее набор инструментов и ушла, не удостоив нас ответом.

— Хороша, — сказал Медведев оценивающе. — Так и тянет к плохим девочкам... но все же я их боюсь. А вот тебе все равно, так что вперед!

— Свинья, — сказал я беззлобно.

— А что, — ответил он. — Умереть в ее постели романтичнее, чем...

Он заржал еще громче и тоже удалился, колыхая животом и объемными боками.

Через полчаса явился еще один из наших, Краснокутский, деликатнейший и мягкий, он вздыхал и мялся, даже краснел как-то пятнами, наконец проговорил, глядя в сторону:

— Володя, придется повторить...

Я спросил вяло, уже зная от Медведева, что случилось не совсем то, на что надеялись, несмотря на мизерные шансы:

— А что не так? Белок не отыскал поврежденный ген?

— Отыскал, — ответил он хмуро. — И разрезал...

— И что? Не удалось регенерировать?

Он вздохнул.

— Понимаешь... должна была регенерировать та половина, что со здоровыми генами...

Я проговорил:

— Знаю, рекомбинировалась мутантная. Медведев тебя выдал с потрохами.

Он сказал быстро:

— Ты какая-то странная дрозофила! У тебя все не так. У них так, а у тебя не так. Но ты не волнуйся. Мы ищем варианты!

— Какие? — сказал я с тоской. — Теперь если разрезать, то какая бы половинка ни восстановилась, будет та же мутантная.

— Лазаренко сейчас работает над цельной заплаткой, — сказал он торопливо. — Просто наложим сверху на весь участок. И все!

Я смолчал, да и он отводит взгляд, заплатка закроет часть генов, то есть выведет их из строя.

Фактически уничтожит. А все гены, даже так называемые мусорные, со временем оказываются для чего-то просто необходимы. Отсутствие их открывает дорогу всяким разным и неизлечимым болезням, так называемым генетического происхождения.

— Хорошо, — сказал я, — самую скучную работу сбрасывайте мне. Я теперь сплю плохо, могу поработать и ночью.

Он кивнул и торопливо ушел, а я подумал, что не везло всегда именно мне. И даже сейчас, когда у всех в подобных случаях здоровая половинка ДНК разрастается и на другую половину, у меня почему-то больная повела себя, как доминант, вытеснив здоровую полностью.

Хотя, конечно, «у всех», сказано громко, пока что только пятерым дрозофилам сумели исправить испорченную ДНК. Слишком уж долгий и трудный процесс, только-только отдельные энтузиасты начинают переходить к опытам на мышах; но там и труднее, да и ждать приходится намного дольше, потому что мыши живут два года, а дрозофила считанные дни.

Перед обедом распахнулась дверь, через порог грузно переступил Медведев, привычно бодрый, толстый, румяный и со щеками на плечах, в руке гигантский гамбургер.

Зав. сектором по приборам и оборудованию, чуть ли не администратор, что не мешает ему оставаться кандидатом наук в едва ли не самом перспективном направлении исследований, генное модифицирование, особенно в CRISPR, а также самым толстым во всем нашем центре.

— Будешь? — спросил он и сделал вид, что в самом деле предлагает мне бутерброд. — Правильно, тебе вредно... А мне можно. Слушай, я вот что

подумал... Та заплатка, что тебе хотят поставить на дырку в геноме, очень подавит твой иммунитет...

— Еще и это, — сказал я вяло. — А что-нибудь хорошее брякнуть можешь?

— Да, — ответил он счастливо. — Ты будешь еще и уязвим для любого вируса! Это же здорово, понимаешь? А их, представляешь, сотни миллиардов только в этой комнате. Тебе придется всю жизнь принимать препараты сенгердил и акваперд.

— Блин, — сказал я. — Дорогие штуки... Обе.

— А мы их тут и синтезируем, — заверил он и подмигнул. — Все путем. Зато есть и замечательные возможности!

— Ну-ну?

— Если тебе вдруг понадобится, — сообщил он, — пересадить сердце или печень, то твой ослабленный организм не станет их отторгать, как поступает любой здоровый, а просто смиритсЯ.

Я сказал безнадежным голосом:

— У меня все вроде бы в порядке, пересадки не нужны. Блин, что у нас за жизнь, от одного не удастся спастись, как прыгаешь прямо в пасть чему-то еще более страшному.

Он повздыхал, развел руками.

— Эта странная матрица называется жизнь.

Я сказал сварливо:

— Но ты же не так просто пришел?

Он сказал виновато:

— Знаешь, я тут подумал, тебе же теперь все равно...

— Ну спасибо, — сказал я саркастически.

— Прости, — быстро сказал он, но по виду не заметно, что извиняется, настоящие ученые думают прежде всего о деле, он ожидает, что и я таков даже на пороге смерти, — я имел в виду, что у тебя эти...

сроки. Есть одна революционная идея... Думаю, мир перевернет! Даже если не получится. Ну, не перевернет, так тряхнет. Или трахнет. Если ты, конечно, согласен. Что-то да успеем понять. А если все сложится, то может быть и вообще...

Я сказал с тяжелым сарказмом:

— Ну спасибо за «успеем понять». Мне так приятно, что успею помочь с набором материала для твоей докторской.

— Ты настоящий друг, — сказал он с жаром. — А на титульной я напишу что-то вроде благодарности безвременно почившему другу, который помог личным вкладом в мое гениальное открытие.

— Гад ты, — сказал я беззлобно. — Как можно смеяться над вопросами жизни и смерти, над которыми ломали головы Карл Маркс и Ларошфуко?

Он спросил:

— А кто такой Ларошфуко?

— Не знаю, — ответил я, — но фамилия такая яркая, запоминается.

— Это имя, — предположил он. — Ларош — по-венгерски Иван, а Фуко — французский министр тайной полиции. Тоже имя... наверное. Хорошо, я тут кое-что подготовил, давай сразу и начнем? Вот только бутерброд дожру.

Он не бессердечный, просто нормальный ученый, а в нашем мире нормальность то, что в широком мире называется сдвинутостью. Мне считаную пару месяцев топтать зеленый ряс, и он рассчитывает, что я такой же фанат, как и он, потому и. Вообще-то я в самом деле малость фанат, но все-таки было бы легче, если бы свои эксперименты проводил не на мне под бодрым лозунгом «Тебе же все равно!».

Дескать, ни червяк, ни даже мышь не расскажет, что чувствует, а ты сможешь, дружище, перед тем, как склеить ласты, ты же разговорчивый.

Глава 4

При той слабости, что одолевает в последнее время, я начал оставаться в лаборатории и на ночь. Никого не удивило, многие время от времени, заигравшись с митохондриями и аксонами, не успевают к ночи вернуться домой, звонят, объясняются с родными и женами, а потом с облегчением поработав еще, обустроиваются на короткий сон где-нибудь на диване, если повезет, или в одном из кресел в холле.

Вокруг меня и группы моего сектора повисла завеса молчания. Никто официально вроде бы не знает, что со мной была операция на CRISPR, опыты над людьми запрещены, умирать нам можно, но пытаться спасти вот такими методами низзя.

В лаборатории все понимают, что переступаем границы не морали, она за нас, а закона, потому делают вид, что вообще нас почти не видят, и не интересуются, как там у нас дела. И тут тоже.

Стресс вроде бы полезен, так утверждают специалисты, а вот сильный стресс может как убить, так и сдвинуть что-то на пользу. В теории, конечно, пока еще не было случая, чтобы стресс что-то сделал заметно полезное, кроме случаев исцеления от рака, но рак вообще-то пустяки, нейродегенерация звучит не так страшно, но средства от нее пока нет, хотя вроде совсем ерунда: изменить всего лишь один ген...

Сперва я чувствовал только жар и нарастающую усталость, потом как-то отключился вовсе прямо за

столом в лаборатории, бредил, очнувшись уже на диване, встревоженное лицо Лазаренко нависало надо мной частенько, что-то выпытывал, я отвечал в полузабытьи, снова отрубался.

Когда наконец пришел в себя, надо мной стояли Лазаренко, Лелекин и Медведев, встревоженные и почти осунувшиеся.

Лазаренко первым увидел, что я очнулся, сказал с облечением:

— Ты как? Есть хорошая новость, воспаление сняли... Вроде бы. По показаниям. Представляешь, у тебя воспалилась вся кора головного мозга!.. Ну, почти вся. Может быть, и не только головного, но я не проктолог, это ты мне скажи, как там глубже по ощущениям... наверное, интересно? Знаешь, вроде бы гепатоцеребральная дистрофия идет на убыль, но общую нейродегенерацию пока остановить не удалось... пока, конечно.

— Дай прийти в себя, — проговорил я слабым, как у мелкой мыши голосом. — Меня не кормили, да?

— Голод полезен, — заявил он. — У тебя как бы лечебное голодание!

— Посмотри в зеркало, — посоветовал я. — А теперь возьми у Медведева и неси сюда всю его корзинку с бутербродами.

Медведев сказал встревоженно:

— А ты что, их есть будешь?.. Нет, не дам уничтожать продукты. Тебе же все равно, зачем еще и продукты переводить?

— А тебе жрать можно?

— Я не жру, — ответил он с достоинством, — и даже не ем. Есть — это грубо. Я смакую, тем самым выказывая им высшую степень восторга и восхищения.

— Жадина ты, — сказал я. — Ладно, вызови мне такси. Чувствую, на своей не смогу.

Лазаренко кашлянул и сказал с сочувствием:

— Я довезу. Нам же почти по дороге! Завезу тебя, а потом на магистраль и через полчаса уже у себя дома.

— Нет, — возразил Медведев, — я отвезу. Он живой материал для моей диссертации!.. Давай поднимайся, дохлячок... Какие у тебя верхние конечности тоненькие... Наверное, задние вообще...

Он поддерживал меня все дорогу до лифта, в самой кабинке и чуть ли не на руках вынес к машине. Охранник проводил меня тем особым взглядом, что, дескать, больше не увидимся, на кладбище придут самые близкие, а он в их число не входит. К счастью.

Медведев бережно усадил меня на соседнее кресло, захлопнул дверцу и, обойдя машину спереди, сел за руль.

— Пристегнуться сможешь? А то рассыплешься при резком торможении... Нет, давай я сам тебя... Может быть, ремень сразу на горло?

— Добрый ты, — ответил я слабым голосом. — Фаталити...

Он хохотнул.

— И гуманный!.. Прямо с ног до головы. Весь из себя гуманист. Всех бы перебил, лишь бы войны не было... Упрись ногами, впереди крутой поворот.

— Зачем? — спросил я.

— Люблю крутые повороты, — заявил он с лихостью в голосе. — Жить надо лихо!..

— Лихо, — сказал я слабо, — это плохо. Не буди лихо, пока спит...

Он хохотнул снова.

— Интересная штука жизнь? Лихо — плохо, а лихой — хорошо!.. Вот так и живем на противоречиях.

Он гнал автомобиль на большой скорости, но в центре компьютер перехватил управление, повел

авто почти так же быстро, но математически точно просчитывая дорогу, препятствия, скорость и массу соседних машин, а когда проскочили запруженные улицы, позволил человеку снова взять управление на себя.

Я вздохнул, Медведев покосился на меня с живейшим интересом.

— Не знаю, — сказал он наконец, — насколько это сработало, но ты чуть не склеил ласты, а сейчас вон уже румянец во всю щеку!.. Или это моя езда тебя так взбодрила?

— Лихорадка, — ответил я вяло.

— Лихорадка, — заявил он, — это хорошо. Это здорово! Выздоровливаешь, вот что. Организм борется. Чувствует, что надо, иначе потеряет все. Достоевский с азартом делал бомбу, чтобы убить царя, и не думал о ценности жизни ни своей, ни чужой, но когда стоял на виселице с петлей на шее и до смерти оставались секунды, понял, насколько много теряет!..

Я пробормотал:

— Да теперь это многие понимают. Не так остро, как Достоевский, но достаточно отчетливо, чтобы стараться продлить себе жизнь. Даже ценой отказа от сладкого, жирного, поджаренного...

— Но-но, — сказал он предостерегающе. — И не начинай. Не стану отказываться от сладкого, жирного, поджаренного, печеного, вареного и тушеного... А также соленого и перченого. Да, а еще со специями! Знаешь, я такой себе вчера аэрогриль купил!.. Курицу за четыре минуты готовит! И такая нежная, сочная, в своем соку, корочка хрустящая, коричневая, тает во рту...

— Заткнись, — прервал я, — уже слюнями захлебываюсь. Но все равно к тебе не поеду.

— Что так?

— В прошлый раз чуть не лопнул! — сказал я обвиняюще. — Мне у тебя питаться вредно. Я на твоей диете за месяц бы двести килограммов добавил сверху.

Он довольно заржал, крупный и чем-то похожий на профессора Челленджера.

— А я вот больше не набираю, — добавил он победно. — Сколько ни жру, а все те же двести кило!.. Организм понимает, что для красоты больше и не надо.

Дома пришлось отключить рободока, дурень дважды вызывал «Скорую», а что могут сделать простые и очень простые врачи? Я извинялся за дурака, что реагирует на скачки давления и резкое учащение пульса, что всего лишь эхо процессов, происходящих в моем мозгу.

А ночью ближе к утру пришла странная ясность, ушла тупая давящая боль, что достает уже несколько месяцев, я ощутил, как начинаю вспоминать всякую давно позабытую хрень, вроде того как ходил в детский сад, как ловил в детстве пескариков...

Вообще-то у меня дисциплинированный мозг, и немногими ресурсами, все еще оставшимися у меня, распоряжался экономно, воспоминания детства давно стерты, так что даже и не знаю, что сейчас за воспаление, сумевшее воскресить из глубин памяти старые образы.

Пролежал все утро, наслаждаясь странным состоянием, когда мозг восстанавливает угасшие было нейроны, воскрешает даже бесполезные мелочи. В самом мощном компе, установленном в Аризоне, сто триллионов байт, это единица с четырнадцатью нулями, в мозгу же легко размещается столько байт,

что понадобится единица с восемью тысячами четыреста тридцатью двумя нулями.

Конечно, почти все заполнено такой хренью, что даже дураку было бы стыдно хранить подобное, но в мозг записывается без нашего разрешения, а сейчас, как я ощущаю в каком-то странном озарении, вроде бы пошел рост аксонов, дендриты начнут просыпаться чуть позже, даже нейроны восстанавливаются, утолщаются...

Ничем другим не могу объяснить свое состояние, но этот неконтролируемый рост может как остановиться в любой момент, так и привести к гипертрофии, что гораздо вероятнее, и я кончусь гораздо раньше, чем получилось бы при дистрофии нейронов.

Голова внезапно разболелась так сильно и неожиданно, что я попытался встать, у меня в столе наготове сильные обезболивающие, но перед глазами все поплыло, ноги подкосились, и рухнул рядом с кроватью.

Пробуждение было тяжелым, голова налита горячим свинцом, но мозг работает. Я попытался мысленно прогнать пару простеньких тестов, получилось, вспомнил посложнее, тоже получилось.

— Еще не маразматик, — пробормотал я. — Еще человек...

Инет врубился по взмаху руки, движением пальцев в воздухе быстро отыскал тесты посложнее, с трепетом в груди начал проходить... Легко, а этот еще легче, тоже простенький...

Голод заставил двинуться к холодильнику, я сам не ожидал от себя, что начну не есть, а именно жрать, как дикая свинья, которую не кормили неделю.

Вообще-то мозг потребляет четверть всей энергии организма, так что моему еды сейчас нужно даже больше, а лучше еще больше. Как же все-таки

хорошо чувствовать себя с полноценным, надеюсь, мозгом! Раньше приходилось для активной работы буквально отключать в себе все отделы, чтобы хотя бы один мог в полную силу...

После еды навалилась дикая сонливость, я дотащился до постели, все верно, спать необходимо, во сне мозг восстанавливается, наращивает новые нейроны или хотя бы восстанавливает связи между существующими.

Еще два дня я ел, спал, снова ел, продукты заказывал в службе доставки, снова ел и все так же, лежа в постели, шарил по инету. Вообще-то технический прогресс ускоряется уже так, что даже я не успеваю следить за новинками. Не только вообще, а за прорывами в медицине, биотехнологиях, где мое поле, а железячники вообще в раже, каждый день создают что-то апгрейденное, улучшенное, мощное, компактное.

Словно ветерком пахнуло в лицо, на экране начали сменяться страницы с новостями хай-тека в биологии. Я задержал дыхание, страница с описанием, как ускорить рост аксонов, застыла, но едва я выпустил воздух, как тут же сменилась другой.

— Да что же за хрень, — проговорил я охрипшим голосом, — я не шевелил и пальцем...

У меня тренированный мозг, все-таки доктор наук, но сейчас с трудом поверил, что перелистываю не движениями пальцев, не гримасами или морганием, как делал раньше, а именно мысленно, что умеют делать самые чуткие из добровольцев после недель тренировок.

Передохнул, сходил на кухню, поел, напился горячего кофе и снова принялся экспериментировать. Да, перелистываю с легкостью. И не только перелистываю, а нахожу все быстрее и быстрее

информацию по своей теме церебральной атрофии головного мозга.

Правда, могу и другие темы, просто по своим темам проще, многие адреса мозг запомнил и сразу же выдает страницы научных журналов и специализированных изданий.

Поздно вечером тихо звякнул сигнал вызова, нарочито приглушенный на тот случай, если вдруг сплю, я же тяжело больной.

Я чиркнул по воздуху справа налево указательным, экран засветился, там озабоченное лицо Лазаренко, но пока меня не видит, связь работает только в одну сторону на случай, если общаться не возжелаю.

Согнув указательный, я включил соединение, Лазаренко всмотрелся в меня и сказал бодро:

— О, хорошо выглядишь!..

— Желтый, — поинтересовался я, — или уже зеленый?

Он хохотнул.

— Еще и шутишь!.. Прекрасно. Завтра придешь?

Я проговорил вяло:

— Наверное, у меня депрессия... Никогда даже не знал, что это такое, а вот сейчас... Лежу и думаю, а нужна ли наша мокрехвостая работа вообще...

Он охнул, вытаращил глаза.

— Ты что?.. Мы спасаем людям жизни! Через десяток лет сможем выращивать не просто внутренности, как уже начали, а с легкостью руки и ноги целиком!..

Я пробормотал:

— Но железячники уже почти догнали. Там Ицков их кнутом и пряником... Потом пойдут с нами ноздря в ноздю. Только вот, если честно, у них перспективнее.

Он поморщился.

— Рука человека — целая вселенная!.. А заменить ее простой железкой?

— Если честно, — ответил я, — простому человеку как-то без разницы, сколько сотен миллиардов там клеток, какие нервы... Ему нужно, чтобы работала и не капризничала... Но ты прав, что-то я какой-то не такой. На всякие депрессии мы права не имеем. Приду! Работать все равно надо.

— Ждем, — сказал он. — Значит, пока отменить сбор денег? А то Медведев уже ходит с шапкой по лаборатории и собирает тебе на венок.. Скотина, точно отщипнет половину в свой карман.

— Отменить, — ответил я. — Временно. До прояснения.

— Хорошо, — сказал он, — хотя, конечно, уже и надпись прочувствованную придумали!

— Приду, — пообещал я, — отредактирую.

— А Лелекин голову ломает над пышным некрологом... Сколько работы зря сделано... Ну да ладно, живой так живой... Ждем!

Экран погас, я вздохнул и вышел на балкон, чего уже давно не делал. Шуточки грубые, но как раз они к месту больше, чем жалостливые взгляды и перешептывания за спиной на тему, как ужасно выгляжу.

Мой дом считается высотным, а квартиру снимаю под самой крышей, так что взгляд скользит над постройками вдаль. Там еще один спальный район, за которым такой древний лес, что вот-вот из него выйдут древние славяне или еще более древние тевтоны.

Свежий ветерок со стороны леса, всю западную часть неба охватил красочный закат. Я поймал себя на мысли, что вот мазнул взглядом и через мгновение думаю о другом. А сперва, когда сюда переехал, каждый вечер любовался в диком восторге, щелкал

фотоаппаратом, снимал на видео, отбирал лучшие моменты и постил в фейсбуке, инстаграмме, помещал в дропбокс и другие хранилища, чтобы не потерять такую дивную красоту.

Но закаты ладно, привык, потерялась острота ощущений, зато и помимо них много интересного, но... если жизнь будет все удлиняться, новинок не остается, и неужели мир станет таким же безразличным, как вот сейчас эти закаты?

А когда люди станут бессмертными, то и вовсе... Или смогут любоваться дивным зрелищем расщепления бозонов?

Глава 5

Среди ночи проснулся от дикой боли в черепе. Перед глазами дрожит и трясется какая-то мерцающая пелена, в висках стучат молотки, сердце колотится так, что вот-вот выпрыгнет.

Сполз с кровати, чувствуя, что задыхаюсь в душной комнате, толкнул дверь на балкон. Внизу панорама ночного города, везде огни, но перед глазами поплыло, я торопливо ухватился за перила.

Голова все еще кружится, глаза плотно закрыл, однако там продолжает мельгешить калейдоскоп из цифр, строк, графиков, наложенных одно на другое фото, и все в таком жутком темпе, что вижу только призрачный и трепещущий блюр.

— Спокойно, — проговорил я с бешено стучащим сердцем, — это же дополненная реальность сообщает обо всем на свете, хотя я эту заразу и не спрашивал... Заткнись... отключись, дура!.. Фу, плюнь!

Мельгешение исчезло, только кровь продолжает шуметь в ушах, успокаиваясь настолько медленно,

что продрог на продуваемом всеми ветрами балконе и начал стучать зубами.

Наконец все как-то замедлилось, и тогда только попытался взять весь этот хаос под контроль могучего мозга, единственного, что у меня еще не затронуто нейродегенерацией, так как мозг сдается последним.

С одной стороны, как же здорово, что не требуется экран дисплея или телевизора, все картинки прут неорганизованным стадом сразу в мозг, с другой стороны — дисплей выключаю, когда изволю, а в мозг прет и прет, его можно выключить только, если разогнаться и головой в стену.

— Возьми себя в тощие руки, — велел я зло. — Организм борется, а ты на закаты смотришь, дурак?.. Давай, пока не рехнулся!..

Отключив в квартире все, даже свет, я с закрытыми глазами пытался так и эдак управлять тем, что сейчас творится в моем черепе. Пару раз удалось отключить этот белый шум, уцепился за ниточку, пошел по ней, еще и еще попытки, наконец отрубил его окончательно...

...но все равно получаю полную информацию о том, на что смотрю, будь это скользящие далеко внизу автомобили, стена балкона или звездное небо.

Конечно, всего лишь ту скудную информацию, что размещена в сетях, инете, от правдивой картины мира вообще бы рехнулся. Некомфортно даже на секунду представить себе, что состою практически из пустоты, в которой размещены на огромных расстояниях друг от друга атомы, что как бы и создают то, что называется «я».

Потащился, усталый и трепещущий, на кухню, сварил себе чашку кофе, но с первым же глотком

у мозгов сорвало башню, хотя как у них может сорвать башню, ну тогда слетели все заглушки, фильтры, запоры, и теперь мозг сам по себе начал подключаться не только к инету, но вообще к электрическим сетям, если правильно понял эти странные ощущения, а в мозгу снова пошел шум от тысяч смешавшихся в кучу телефонных разговоров.

— Стоп, — велел я и с силой сжал голову обеими ладонями. — Стоп!.. Пока не лопнула. Стоп!.. Прекрати!.. Мало ли что дорвалась!.. Потом разрешу. Но понемногу...

Однако изголодавшийся по информации мозг упорно сопротивляется, я так и эдак пытался установить над ним контроль, вроде бы удалось, но как же много, оказывается, всего в инете! Вот посмотрел на стул, и тут же перед глазами сотни и даже тысячи статей: стулья офисные, барные, рабочие, кофейные, обеденные, кабинетные, компьютерные, от разных фирм, разных моделей и фасонов, разброс цен, различная обивка, деревянные, пластиковые, металлические и даже керамические, простенькие, как табуретки, и роскошные, как королевские троны...

— Возьми себя в руки, — велел я вслух. — Издохнешь, дурак, если вот так позволишь нести себя по течению.

Но все-таки я в самом деле научный сотрудник с великолепным дисциплинированным мозгом, который приучен работать, выполнять команды и добиваться результата, это доказал сам себе, когда к рассвету, истерзав себя усиленной дрессировкой, заставил мозг выдавать себе только ту информацию, которую запрашиваю, а с кем спит Аня Межелайтис в этом сезоне, пусть даже не ищет, не то что не показывает.

То ли потому, что ночь не спал, то ли из-за нервов, но сожрав обычный диетический завтрак, ощутил себя как пес, что поймал на лету и слопал муху, вроде бы мясо, но как-то не впечатлила такая добыча.

В холодильнике обнаружились рыба, икра и три куриные тушки. Пара кур сразу отправились в духовку, какие это куры, просто крупные цыплята, да и не такие уж и крупные, а пока готовились, намазал на большой ломоть хлеба икру слоем потолще и сожрал, а потом сделал еще такой же бутерброд, только побольше и поувесистее, сожрал и поймал себя на том, что шарю на нижних полках, где с ликованием обнаружил расфасованный тонкими ломтиками сыр.

Пока расправлялся с сыром, духовка пропикала и доложила, что цыплята прожарились, все готово, можно доставать.

Я открыл дверцу и чуть не задохнулся от одуряюще смачного аромата, нет, мощного запаха, аромат всего лишь аромат, а запах это запах, я торопливо перебростил обе обжигающие пальцы коричневые тушки на тарелки, себе и тому парню, дрожащими руками ухватил нож и вилку, пальцами не сцапать такое горячее, а вот жевать и глотать почему-то можем, хотя в ладони ни за что не удержим...

После завтрака оделся достаточно бодро, даже голова не кружилась, когда наклонялся и завязывал шнурки на кроссовках.

Звякнул сигнал вызова, на стене появилось лицо Синтии, прекрасное и одухотворенное, я сам делал снимки, выбрал лучший, все-таки во мне где-то живет художник.

Я кивнул, экран ожил, Синтия отыскиала меня взглядом.

— О, ты выходишь?

— На работу пора, — ответил я.

Она прошебетала легким голосом:

— Тогда я как раз тебя перехвачу. Я уже почти рядом, в двух минутах.

Связь оборвалась, я перевел дыхание и поднялся, к своему удивлению, легко, даже не хватаясь за спинку стула.

Когда вышел из лифта вниз, чувствовал себя практически в норме, нужно только стараться ни с кем не сталкиваться, потому что чувствовать одно, а быть — другое.

Консьержка, заведя меня в окошко, сказала участливо:

— Здравствуйте, Володя. Вы хорошо смотрите. Вам эту нейродегенерацию вылечили?

Я покачал головой.

— Нет. Только не надо вот так лицом, я еще не покойник. Вылечить не вылечили, но остановили. Если болезнь не развивается, то ее как бы и нет. Если рак остановить на первой или второй стадии, то можно прожить всю жизнь и не знать о нем.

В ее глазах все-таки глубокое сочувствие, словно в самом деле знает, что такое нейродегенерация, а не только слышала и запомнила.

— Может быть, — проговорила она с сомнением, — вам нельзя... я имею в виду, нужно постельный режим и все такое?

— Все такое, — сказал я, — это клизмы, судя по выражению вашего лица?

— Ну что вы, — возразила она с достоинством, — я вовсе не их имела в виду.

Я улыбнулся, мимо нас прошла, вежливо поздоровавшись, Валентина Петровна, милая женщина с бесконечно добрым лицом из соседней квартиры. Я поспешил вперед и придержал для нее дверь, Ва-

лентина Петровна смущенно улыбнулась, понимает, что это она должна помочь мне открыть дверь, я же слабый, все в доме знают, да и по мне видно.

— Ой, спасибо...

— Рад, — ответил я и ощутил, что в самом деле рад, все-таки справился с тугой дверью, хотя в доме пружина не такая зверская, как на входе в корпус нашего института. — Все в порядке.

Призрачная картинка сразу выдала о ней текст в десятки миллионов слов, но мозг вмешался и моментально выделил самое главное: имя и фамилию, замужем, адрес, телефон, все ники в сетях, аватары, медицинскую справку, банковские карточки, права на управление автомобилем, счет в банке... а все остальное едва заметно мерцает на заднем фоне, готовое сорваться с места и подбежать, едва изволю.

Молодец я, мелькнула мысль. Сенсоры — тупые, гребут все, а мозг, спасая меня от безумия, на сумасшедшей скорости сортирует, выдает только то, что может пригодиться, как знает по опыту прошедшей жизни.

— Кстати, — сказал я, — поздравляю вас, Валентина Петровна. У вас будет мальчик, хорошенький такой и здоровый!

Она мягко улыбнулась.

— Спасибо. Я не знала, что это уже известно.

— Десять минут тому получен анализ, — сообщил я.

Ее глаза округлились в запоздалом изумлении.

— А вы... откуда узнали?

— Та больница под управлением нашего филиала, — сказал я, — иногда нам присылают не совсем те данные, что запрашиваем.

— Спасибо, — повторила она и прошла дальше, довольная и счастливая, и я напомнил себе, что не

стоит свои возможности вот так явно засвечивать, хотя бы до тех пор, пока не разберусь с ними сам.

У всех есть какие-то тайны не тайны, но такое, что напоказ выставлять не хочется, а это значит, и я не должен как бы знать о них.

С крыльца я спустился, впервые за последние недели не прикасаясь к перилам вовсе, хотя рука пару раз дернулась, намереваясь хотя бы опереться о поручень.

Дорожка повела в сторону шоссе, к нему прилегает и стоянка автомашин нашего дома.

У обочины остановился яркий нарядный автомобильчик, Синтия выпрыгнула такая же нарядно праздничная, улыбнулась мне еще издали.

Я смотрел на нее, и горькая печаль стиснула сердце. Как-то надо закрываться от всех сведений, даже полезных, что подсовывает мозг, для меня же старается, но еще классик сказал, «обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Не хочу видеть, сколько абортот делала и от кого, почему время от времени уезжает «помогать бабушке», почему два дня назад не пришла ко мне, хотя позвонила и предупредила, дескать, уже выезжает...

— Привет, — сказала она задорно. — Ты что смотришь так как-то не так?

— Все так, — ответил я деревянным голосом, — устал просто... Да и вообще, ты же знаешь...

Она спросила с участием:

— Как идет лечение?

— Норм, — ответил я. — Переносу хорошо, побочки пока особо не доставают. А насколько успешная... узнаем скоро. Только ты о моем лечении никому не говори. Людям либо все равно, а другие знают, что его пока нет.

Она вздохнула.

— Тебе нужно больше отдыхать, выглядишь жутко уставшим. Отоспись хорошенько! Тебе это важно. А потом звякни, хорошо?

— Ловлю на слове, — сказал я.

Она улыбнулась на прощание, оба знаем, что ловить ее на слове бесполезно, держит слово только в случаях, когда это нужно ей, этим отличается от Оксаны, ее лучшей подруги, та работает на репутацию, пригодится в будущем, как заверили родители.

Я смотрел, как она села в автомобильчик, он поспешно вырулил на дорогу, а она вытащила смартфон и поднесла к уху. Я не хотел, но мозг мгновенно синтезировал ее перехваченный голос:

— Генка, я освободилась от лекций. Ты ко мне или я к тебе?

И голос Генки, толстого бугая, работающего в сфере сбыта:

— Я уже иду к машине. Через двадцать минут буду. Закажи шампанского и коньячка, я оплачу... Ты отделилась от своего бойфренда?... Насовсем?

Она ответила тихо:

— Я ему ничего не смогла сказать. Не сумела... Но, судя по его лицу, он все понял.

Я поспешно перевел взгляд в сторону, и разговор прервался на полуслове.

Мой автомобиль, поймав запрос, торопливо вырулил с тесной стоянки, проскочил между двумя рядами припаркованных у дороги и остановился передо мной, чуть ли не виляя задом, как делают боксеры из-за отсутствия хвоста.

Я опустил за руль, вообще-то это нечто, когда смотришь на человека, а мозг моментально собирает о нем всю информацию, какую только может надыбать в Сети, где есть все: от медицинской карточки до секретных закладок на порносайты.

Но радостно тревожит другое: уже смутно чувствую, как количество непонятым образом переходит в некое иное состояние, качество, что ли, если можно дать такое житейское определение. В том смысле, что мозг начинает додумывать недостающее и порой выдает такое, чего точно нет ни в инете, ни в видеофайлах установленных на улице камер. Хотя откуда-то же берет, гад, не зря хватаемся за голову, что о мозге, сколько ни изучай, знаем все еще почти ничего...

Пока автомобиль несся по шоссе, новостной сайт в темпе выбрасывал на лобовое стекло, превратив его в дисплей, сообщения о новых бомбежках позиций Халифата, об ответных террористических ударах смертников, сметающих целые кварталы городов, о мятеже арабов, захвативших Нормандию и требующих признания самостоятельности. Правительство Франции ведет переговоры, обещая автономию в составе Франции и настаивая на сохранении за Нормандией прежнего названия, в Испании части Халифата подступили к Мадриду и просочились на его окраины, в ответ на это военно-воздушные силы США снесли Мадрид с лица земли, что взбесило испанцев...

Дальше я не слушал, да и новости не блистают новизной, эти локальные войны гремят на Востоке, постепенно распространяясь и по Европе, уже не первый год. Для народа куда интереснее бои тяжеловесов и футбол, а еще вот новость о новом боевике, в котором престарелый Шварценеггер все еще играет героя, с помощью кулаков и помпового ружья восстанавливающего справедливость.

Я скривился, убавил звук и полностью отключил тизер. Герой нового мира вовсе не Шварценеггер, с каменной рожей раздающий удары направо и на-

лево, а высоколобый ученый, что реально меняет мир. В том числе и шварценегтеров.

Но простой народец, а он весь простой, от дворников до президента, этого еще не понимает... Да и понять не успеет. К счастью.

Наконец автомобиль с разгону влетел на стоянку нашего Центра и ювелирно вписался между «Калиной» Лелекина и «Лендровером» Лазаренко, узнаю по номерам, а так у нас в лаборатории у большинства «Лады» и «Пекинессы», мы же среднеоплачиваемый класс, машины у нас тоже такие, средние.

На другом конце стоянки из «Крайслера» выдвинулся Медведев, с утра еще громаднее и толще, похожий на православного священника из глубинки, где хорошо покушать чуть ли не единственная радость в жизни.

Я подумал, что помимо все прочих разделительных линий мир расслоился еще и на безобразно толстых и спортивно подтянутых. Толстые — это люди из сидящих на пособии, у них достаточно средств, чтобы жрать от пуза, одеваться в модные одежды, ездить трижды в год отдыхать на южные острова и каждый год покупать новую машину.

Спортивные — это бизнесмены, ученые, миллиардеры, этим некогда отдыхать, даже вместо юга предпочитают пять минут прожариться в солярии и говорить коллегам, что вот отдохнул месяц на море в собственном дворце. Эти спортивные ограничивают себя в еде, каторжанят на тренажерах, принимают мощные ноотропы и работают, работают, работают без выходных и отпусков.

Медведев из числа толстых: но не совсем уж необъятно толстых, а так, полутолстых, хотя и толстых. У него хорошая работа, однако, отбыв на ней свои шесть часов, устремляется к выходу, уже

забывши, где был и что делал. Мысленно он уже в пивбаре, откуда и домой захватит ящик баночного, дома во дворе уже разложен мангал, шашлычки из баранины, отбивная, хамон, а на десерт груды восточных сладостей, никаких тренажеров и ограничений в еде, пусть миллиардеры себя мучают, а мы, простые и честные, нам жизнь не дорога, жрали от пуза и жрать будем...

Блин, и такой тоже работает в лаборатории, где все стремятся как можно быстрее создать антиэйджинговый препарат нового поколения!

Мы встретились у входа в здание, он остановился, вежливо пропуская меня вперед, я тоже остановился, пропуская его, в свою очередь.

Он хохотнул:

— Ты чего?.. Ты же больной!

— А ты... внушительнее, — ответил я. — Солиднее.

— Но ты доктор, — напомнил он, — а я всего лишь бакалавр. Хоть и толстый.

— А-а-а, — сказал я, — вообще-то да, худой доктор старше толстого бакалавра, а вот насчет кандидата не уверен...

И важно прошел в здание, пока Медведев придерживал для меня дверь, чуть-чуть двигая ею взад-вперед, делая вид, что вот-вот с силой прихлопнет.

Глава 6

Здание нашего великолепного научно-исследовательского центра входит в корпорацию Игоря Мацанюка, хотя самого Мацанюка никто у нас не видел, что и понятно: таких центров у него десятки, если не сотни.

Сама корпорация Мацанюка не занимается ни бизнесом, ни наукой; ее область — стратегия развития, разработка правил, а также поиск инноваций, в которых, как говорят, Мацанюк особенно силен, у него нюх на перспективные новинки, благодаря которым и построил с нуля свою многомиллиардную империю.

Еще корпорация, как мы слышали, планирует долгосрочные освоения каких-то новых рынков, глобальных, вырабатывает и совершенствует философию корпоративного духа, общей цементирующей деятельности, что для нас совершенно непонятно, вроде марсианского языка.

У корпорации по всему миру есть подразделения, но даже для них мы — низшее звено, что занимается всего лишь работой и бизнесом непосредственно, как и всякие там совсем примитивные заводы и фабрики. Для корпорации они то же самое, что и наш НИИ, работаем сами по себе и по своим планам, однако же и мы, как муравьи, тащим свои песчинки в огромное здание продолжающей расти и укрепляться корпорации.

Медведев поглядывал на меня испытующе, пока лифт возносил нас наверх, обронил вроде небрежно:

— Шеф говорит, наметился путь к разработке некой уникальной вакцины... ну, не вакцины, а метода, что вылечит и самых неизлечимых?

— Такого не бывает, — ответил я.

Он ухмыльнулся.

— Это я журналигствую. Они всегда так преподносят.

— Пока очень дорого, — сообщил я, — и сложно. Но да, удалось, теперь нужно упрощать и удешевлять.

— То-то все всколыхнулись, — сказал он со странной интонацией. — Бросить мне свои митохондрии, перебежать к вам, что ли?

— Не опоздал? — поинтересовался я. — Долго оценивал... К нам четверо прибились, что обрадовало нашего шефа и вроде бы огорчило Виншекина и Уварова.

— Придется подвинуться, — сказал он с пониманием, — а то и поделиться славой?

— Вот-вот, — согласился я. — Теперь все вместе кричат: «Понаехали тут!»

Лифт начал замедлять скорость, что значит, осталось два пролета, Медведев сказал зловеще:

— Ничего, скоро железячники всех нас поставят... Гады. Сегодня мы еще обходим их на полкорпуса, но у них дорога длиннее, а у нас уже тупик бежит навстречу.

Двери распахнулись, он вышел первым, уже как всегда брызжащий энергией и уверенностью, я ощутил, как мои плечи опускаются сами по себе, как под незримой тяжестью.

Все верно, на финишную прямую вышли, как био, так и нанотехнологии, или железячники и мокрохвосты, как мы обзываем друг друга. Там и здесь уже определились с дорожной картой, как именно пройдем к бессмертию, но кто из нас первым даст человеку излечение от всех болезней и даже бессмертие... пока не скажет ни один футуролог.

Едва я вышел из лифта на двадцать четвертом, где среди десятка лабораторий и моя, на площадку навстречу выскочил Лазаренко, весь взъерошенный и таинственный, сказал страшным шепотом:

— Стой, стреляю!.. Нет, не сигарету стреляю, а стреляю на упреждение. Или предупреждение?

В общем, иди тихо, не ори, руками не размахивай, а то застрелят. У шефа в кабинете полиция!

Я охнул.

— Что стряслось?

— Никто не знает, — сообщил он.

— Совсем ничего?

Он покачал головой.

— Нагрянули, все закрыли, я не могу даже свой личный ноут взять!.. Так и лежит на столе, а там меня уже могли завалить, когда я на автомате повез паки через море на углой шхуне... там же пираты и морские драконы!.. Ты вообще-то как?.. Может, тебе все-таки лучше постельный режим?.. Через недельку, даже раньше, можем повторить попытку!

— Знаешь, — сказал я, — давай пока не спешить. Я еще не чувствую, что вот-вот склею ласты.

Мне показалось, что он хотел вздохнуть с облегчением, но удержался, все-таки я и друг, и хороший работник, хотя, конечно, сделай такую операцию олигарху, содрали бы с него несколько миллионов долларов.

— Ну ты смотри, — сказал он, — если что, сразу свистни.

— Сразу, — пообещал я. — Сам знаешь, жить охота... Особенно, когда до бессмертия прям рукой дотянуться.

— Дотянемся, — пообещал он, но прозвучало так, что они дотянутся, но меня среди них уже не будет. — Сейчас идет такой мощнейший рывок!

— Не успеваем понять, — согласился я, — что в соседних отделах создают.

— Надо продержаться, — сказал он. — Ты сильный, продержишься. У тебя мотивация!

— Мотивация, — согласился я, — это да. Если бы она что-то решала...

Хрен я сильный, сказал я себе. Это другим еще могу показаться таким, да и то своих не обманешь, это разве что на улице, где видели только мой рост и когда-то умело подкачанную мускулатуру, теперь начисто сдую.

Он проводил меня на мое рабочее место, услужливо придвинул поближе к микроскопу чашечки с культурами, потоптался за спиной, но ничего сказать не успел, дверь распахнулась так, словно с той стороны пнули.

Через порог ступили трое в гражданской, как говорят, одежде, но я сразу ощутил представителей власти, причем не чиновников, а тех, кого называют правоохранительными структурами, а чаще просто силовыми, вежливо намекая, что где сила, там ума искать не стоит.

Двое мужчин и женщина, это синоним заокеанских белого, бронзового и черного, но у нас негров все еще нет, а женщина, издавна считавшаяся домашним негром, уже по правам и свободам белее белого, это мы, самцы в когда-то созданном нами мире, негры.

Мужчина крепок и высок, женщина почти не уступает в росте и вообще производит впечатление самки, что занимается не фитнесом, а бодибилдингом, слишком широкие плечи, вздутые бицепсы, черные блестящие волосы собраны в небрежный пучок на затылке, но все не поместились, и на спину падает роскошный конский хвост.

На мой взгляд, лицо у нее такое, словно пыталась пролезть между железными прутьями решетки в зоопарке: назад отодвинуты не только уши, но и все оттянуто в сторону затылка, лицо заострено, как топор, нос с горбинкой, даже глаза навывкате, словно все еще старается протиснуться между прутья-

ми, такие круглые глаза называют ястребиными или орлиными

Кожа натянута так туго, что ее и нет как бы вообще, а упрямо выдвинутый вперед подбородок и четко очерченные высокие скулы, как принято считать, говорят о силе характера.

Она скользнула по мне пренебрежительным взглядом — я же с головы до ног ботаник, — а я, в свою очередь, дал ей понять всем видом, что она хотя женщиной уже быть перестала, но до человека ей еще далеко.

Обернувшись к Геращенко, нашему заву лабораторий, что покорно идет следом, словно коза на базар, она сказала таким властным голосом, что всех нас окатило волной арктического холода:

— Всем сотрудникам до обеда запрещено покидать здание! Еще лучше, если все останутся на своих рабочих местах.

Лазаренко шепнул испуганно-восторженно:

— Ого!.. У нас что, где-то обнаружили трупы?

Женщина не повела на него даже глазом, а я сказал достаточно громко:

— Нет, они по хищениям.

Она тут же развернулась в нашу сторону, острый взгляд вонзился в меня, как сверло ультразвуковой дрели. Глаза у нее, как я разглядел наконец, холодно-синие, в когнитивном для меня диссонансе с пышными восточными волосами и смугловатой кожей.

— Хищениям? — повторила она, и я ощутил холод приближения айсберга, потопившего «Титаник». — Почему вы так решили?

— У вас лицо хищное, — ответил я вежливо. — Это профессиональное, да?

Она продолжала всматриваться в меня, словно психиатр в нового пациента.

— У вас в самом деле хищение, — произнесла она медленно. — И никто еще не знает... даже ваш директор узнал только сейчас. Может быть, признаетесь сразу?.. Обещаю, бить не будем даже по дороге в полицию.

— Правда? — спросил я с огорчением. — А я уж размечтался. Показывал бы журналистам потом кровоподтеки после общения с представителями кровавого режима.

Она сказала резко:

— Сюда едет бригада криминалистов, а с вами я хотела бы поговорить отдельно.

— А правда бить не будете? — спросил я. — Странно, а у вас такая репутация... Да и лицо у вас очень уж... милое. Но я все-таки посоветовал бы принять фосфогливнекст, это успокоит вашу печень.

В ее глазах что-то неуловимо изменилось, а высокий полицейский оглянулся и посмотрел на меня с оценивающим интересом.

— Печень? — переспросила она. — Что с моей печенью?

— У вас она и сейчас болит, — уличил я. — Спазмами. С утра. Да, успокоится к вечеру сама по себе, но только если не переборщите с жареным чесноком, до которого вы охотница... как только запах перебиваете?.. Но лучше одну таблетку сейчас. Лазарь, поделись, у тебя в блистере еще двенадцать штук.

Лазаренко ошалело вытащил из нагрудного кармана наполовину опустошенную пластинку с белыми капсулками фосфогливнекста, неуверенно протянул мне.

Я кивком указал на силовую женщину. Она медленно взяла, не отводя от меня взгляда, потом опустила его на блистер. Выражение на лице такое,

что старательно пересчитывает, мысленно тыкая пальцем, чтобы не сбиться, это же милиция, снова посмотрела на меня.

— Вы всегда замечаете, сколько он употребил это вот... средство и сколько осталось?

Я сдвинул плечами.

— Элементарно, детектив... Такое запоминается само. Это так же верно, что вы позавтракали хамоном с аджичным соусом. Не понимаю, что вы в этом гребаном вяленом мясе находите? Детектив, не надо изумляться, мы же биологи! Распознавание симптомов нездоровья входит в нашу базовую профессию. Все видно по глазам и лицам пациентов... что не пациенты, конечно, а так... чашечки ай-петри.

Она нахмурилась.

— Я не ваш пациент. Остап Шухевич, вы позволите?

Герщенко торопливо кивнул.

— Да-да, берите. Все что потребуется, чтобы выяснить все и вернуть деньги!.. У нас без них работа рухнет!

Она посмотрела в мое лицо, обдав холодом синих глаз.

— Вы пойдете со мной.

— Хорошо, старший детектив Ингрид Вервольфова, — ответил я. Она дернулась, взглянула остро.

— Что, и мое имя на мне написано? Кстати, Ингрид Волкова без всякого «вер». У вас какие-то странные слуховые галлюцинации. У психиатра проверялись?

Я ответил скромно:

— Мы сами психиатры. Простите, хотя вы, как и принято почему-то в России, не назвались и не представились, что во всех остальных недоразвитых и отсталых странах Запада считается хамством,

но у нас собственная гордость, на буржуев смотрим свысока... в общем, мне показалось, что я его где-то услышал... как обычно у нас в России. Ингрид и даже Вервольф, уж и не знаю, почему так послышалось... и даже сейчас слышится. А когда смотрю на вас, так и вовсе как бы вот наяву и зримо...

Лазаренко сказал быстро:

— Дверь кабинета была плохо прикрыта. А мы свои уши чистим! Ватными шариками, чтобы вы чего-то не подумали. Купленными на свои, не на государственные. Хоть и по гранту.

Она спросила:

— А что, могу подумать?

— Не знаю, — ответил он испуганно. — Вы же полиция, у вас мозги не такие, как у людей. Вы и думаете как-то по-особенному.

— Что, наверное, хорошо, — сказал Геращенко и посмотрел на нас с Лазаренко строго. — У милиции собственное мышление, полицейское!

Детективщица перевела взгляд на меня, несколько мгновений всматривалась, лицо такое, словно старается и не может вспомнить, когда именно прозвучало ее имя и вообще в какой тюрьме меня видела.

Я скромно помалкивал, наконец она поморщилась и сказала резко:

— Посмотрим, что в ваших мозгах. Остап Шухе-вович, вы позволите вашего сотрудника отвлечь от великой науки на несколько минут? Здесь найдется свободная комнатка?

Геращенко в испуге замахал обеими руками.

— Да забирайте, забирайте!.. Все равно работать не даете... Вон там пустая...

Ситуация, несмотря на абсурдность, меня странно веселила. Впервые я, человек не слишком общительный и даже закомплексованный, чувствую

себя вольно и свободно. Хочется держаться нагло, все-таки не часто удается оказываться с людьми, над которыми чувствуешь абсолютное интеллектуальное преимущество.

Она почти втолкнула меня в указанную Геращенко комнату, где у нас свалено старое оборудование, выбрасывать жалко, а вдруг пригодится, указала властным жестом на свободный стул у запыленного лабораторного стола допотопной конструкции.

Глава 7

Я сел, продолжая рассматривать ее с интересом. Рослая, с широкими прямыми плечами, что придает ей еще более уверенный и бойцовский вид, изумительная фигура, слишком даже, с такой разве что под куполом цирка прыгать и ловить друг друга в последнюю секунду, да еще фитнес-конкурсы выигрывать.

Лицо тоже такое, что смотришь и стараешься вспомнить, в каком же боевике ее видел, очень уж киногеничное, характерное, но, на мой взгляд, вся слишком: крупная, рослая и накачанная, хотя и с четко очерченной грудью, что плюс, но чересчур рельефной и мускулистой, что минус. Явно много проводит времени в спортзале, где балдеет, побеждая мужчин.

Она села напротив и вперила в меня острый взгляд. Я поинтересовался мирно:

— Чем мне удалось привлечь внимание полиции? Шириной своей впуклой грудной клетки?

Она поморщилась.

— Из вашего центра исчезла кругленькая сумма. Сейчас ваших сотрудников опрашивают.

Я фыркнул.

— Да никто из них не в состоянии украсть даже бутерброд со стола соседа!

— А вы можете?

— Что?

— Украсть, — ответила она. — Бутерброд. Вижу, можете. А что еще можете?

— Митохондрию из аксона, — ответил я, — а еще дендрит из денты с помощью лазерного дентоскопера.

Она обронила холодно:

— Меня интересует, кто и как украл двенадцать миллионов долларов со счета вашего института.

Я охнул.

— Двенадцать... миллионов?

— Хорошая сумма, — сказала она неумолимо и продолжила тем же обвиняющим голосом: — Возможно, для Мацанюка это копейки, однако кража есть кража. И, думаю, теперь он дважды подумает над переводом на ваш счет следующего платежа, если с него исчезают деньги так легко!.. Я еще не ответила или вы просто не поняли? Вы со мной потому, что больше других похожи на человека, который... может быть замешан. Это я сказала очень мягко, заметили?

— Ну спасибо, — сказал я саркастически. — Пальцы ломать будете?.. Или бить по ребрам?

— Вообще-то могу, — сообщила она холодно. — Но вы интеллигент, вас физической болью не сломить. Это простые мужики раскалываются сразу. С яйцеголовыми нужно иначе.

— А сможете? — спросил я с любопытством. — Все-таки больше привычны к дубинке... Кстати, фамилия вам очень даже идет. Прямо волчица!.. Вервольфша.

Она сказала с отвращением.

— Зато у вас фамилия гадостная.

Я изумился.

— Моя?.. Почему?

— Лавронов, — повторила она с отвращением. — Хотя бы Лавров...

Я фыркнул.

— Лавров — от лаврового листа?.. Который на похоронных венках?

— И на венках победителей, — отрезала она. — А лавронами у нас звали самцов жаб. Нет, лягух!.. Их звали шкреками, потому что они кричат «шкре-ке-ке, шкре-ке-ке», а их самцов — лавронами!

— Правда? — переспросил я. — Буду гордиться. В общем, если придется обходиться без дубинки, то даже не представляю, как вы с нами сможете общаться...

— Почему не представляете?

Я сказал с победной ноткой:

— У меня докторская по... в общем, по биологии, а то все равно не поймете. Это, конечно, не разряд по желто-блакитному поясу с вышиванкой.

— Я защитила кандидатскую по спортивной медицине, — прервала она.

Я посмотрел на нее, стараясь не показывать, что смотрю ее данные в инете, в изумлении покрутил головой.

— Вот уж не думал... Мне казалось, ваш профиль — специализация по девиациям вуайеристов?

Она посмотрела в удивлении.

— Откуда такое видно?

— Угадал? — спросил я. — Мне показалось, это ваш профиль. Да и накладывает отпечаток на человека.

Она проговорила замедленно:

— Вы очень... проницательный человек. Очень.

— Я ученый, — сказал я скромно. — Положено. У нас тоже преступники есть, но ме-е-е-лкие. Вирусами зовутся.

— А деньги утащили не вирусы?

— Вирусы?.. Ах да, вот вы о чем... У нас настоящие вирусы. Живые. А то, о чем говорите вы, специалист по вуайеризму, всего лишь компьютерные программы. Обычно мелкие, чтобы можно было...

Она прервала:

— Я знаю, что такое вирусы. И как вы внедрили такой вирус, что он утащил двенадцать миллионов? Или другой вопрос: куда так утащил, что не осталось следов? Не успели же проиграть в карты?

— Следы всегда остаются, — возразил я. — Нужно только быть хорошим следопытом. Или вуайеристом.

Она поморщилась.

— А вы хороший?

— Как вуайерист? — спросил я. — Вряд ли. Но по вирусам вполне. Разумеется, по живым.

Она спросила резко:

— Уверены, что у них нет ничего общего?

Я подумал, кивнул.

— Знаете ли... хоть у вас и бицепсы, но вы с виду не совсем окончательная дура. Правда, диссертацию вам купили, не зря же отец олигарх, но сейчас брякнули интересную мысль... Надо просмотреть хорошенько Сеть на предмет заметенных следов. В Интернете следы прячут примерно так же, как и в реале.

Она посмотрела остро, когда я упомянул об ее отце, но не спросила, откуда такие данные, поинтересовалась:

— Вы в своем коллективе работаете давно? Можете дать коллегам и вообще окружению характеристики?

— Могу.

— Дайте.

— Хороший коллектив, — ответил я.

Она поморщилась.

— А подробнее? Каждому в отдельности. Кстати, почему это мой отец олигарх?

Я улыбнулся.

— Разве не он ухитрился захватить пару жирнющих кусков, когда страну растаскивали стервятники?.. Вся судоходная промышленность в его руках! А золотые прииски?.. А четыре строительные компании?.. А дворец в Лондоне, что купил полгода назад, у королевы из-за него истерика...

Она откинулась на спинку стула, но не прекратила сверлить меня злым взглядом.

— Похоже, вы что-то знаете о моей семье, но тут промахнулись. Это не отец, а мой дядя миллиардер. Он и живет то в Лондоне, то в Баден-Бадене, я его видела только в детстве. А как заметно, что я из того дерева?

— У вас фамильное лицо, — ответил я. Она нахмурилась, я уточнил: — С поправкой на некоторую женственность. Относительную. Пластическая хирургия может подправить мясо и кожу, что вы и сделали, но мы, ученые, приучены зреть в корень, как учил великий наставник простого народа интеллигентов первого уровня Козьма. Хотя не понял, если дядя родной, то... у них что, одинаковые имена?

Она ответила неохотно:

— У дедушки странное чувство юмора. Старшего назвал Данилом, а младшего Даниилом. Потому их часто путали в документах, что дедушку забавляло... Я похожа и на отца, и на дядю. Мы все похожи, даже дедушка и прадедушка!

— Значит, — сказал я скромно, — я угадал.

— Угадали, — согласилась она все еще удивленно, — жаль, что это неприменимо в нашем деле. Хотя, конечно, в поиске преступника такая наблюдательность пригодилась бы... Найти по догадке, а потом собрать доказательства... Думаю, вы заинтересованы, чтобы у вас там сорвали с дверей лабораторий печати и снова началась работа?

Я покачал головой.

— Все так серьезно? Все опечатано? В самом деле не позволяют людям работать и как бы приносить стране и отечеству отдаленную пользу? Пусть и непонятную простому народу?

— Это место преступления, — напомнила она.

— Вы серьезно? — переспросил я. — Я думал, это когда труп в луже крови... тогда только все оцеплено! И с этими, как их, видел в кино... желтыми лентами.

— У вас устарелые представления, — сообщила она с надменностью в голосе и взгляде. — Сейчас труп в крови большая редкость.

Я пробормотал:

— Мне казалось, при нынешней прозрачности банковских операций подобные хищения невозможны.

— Хищения возможны, — возразила она, — но они нерациональны, так как сразу же раскрываются. Сейчас почти все банки мира в такой плотной связке, что ни один банковский перевод не утаить, если он пройдет хотя бы два-три банка.

— То есть ловят сразу?

— Да.

— И что с нашим хищением случилось?

— Он нигде не засветился, — пояснила она. — Обычно ворованные деньги стараются провести через длинную цепочку банков. Иногда через сотни, чтобы затерялся след... Правда, сейчас уже не

теряется, служба мониторинга все равно находит и деньги, и похитителей. Но этот случай уникальный! Деньги нигде не всплыли.

Я подумал, бросил взгляд на ее спортивную фигуру. Широкие плечи, резко обрисованная грудь под тонкой тканью, словно выточенные из дерева перевернутые чаши, но с острыми кончиками.

— Кофе пьете? Или вам можно только чай?

Она поморщилась.

— Чай? А что это?

Я поднялся.

— Сейчас принесу, тут рядом, сразу за дверью. Я в это время дня всегда пью, а иначе такой когнитивный диссонанс, что даже и не знаю... Вот смотрю на вас, а он все когнитивнее и когнитивнее... Тьфу, диссонанснее и диссонанснее! Видите, уже заговариваюсь, а всего лишь с вами пообщался!.. Вам с сахаром или заменителем?

Желваки вздулись под ее тонкой кожей, как рифленые кастеты, в глазах блеснула злость, но ответила почти сдержанно:

— Только быстро!

Кофейный автомат в коридоре расположили не зря: желающих на халюву надуться крепкого кофе много, я еще только захватил по дороге два стаканчика, а там уже Геращенко набирает код двойного эспresso, да чтоб еще и чашку побольше.

Сбоку подошел Косенков и сказал почтительнейшим тоном:

— Остап Шухеович, я уже там договорился, осталось только получить ваше разрешение о переводе в ту фирму.

Геращенко зыркнул на него волком и сразу отвернулся, не желая поганить ясный взор видом предателя.

— Никакого перевода, — отрезал он с неприязнью. — Если есть желание предать нашу команду и уйти, то увольняйтесь, а там поступайте, если примут. О рекомендации и не спрашивайте.

Косенков возопил обиженно:

— Но я же ухожу на повышение в нашей же корпорации!.. Там разрабатывают те самые технологии, что пригодятся и нам!

Герашенко сказал рассерженно:

— Какие технологии?.. Я навел справки, тебе предложили возглавить отдел компьютерной графики в байме!.. Какой позор, в онлайнновой байме!..

Я смолчал, прекрасно понимаю зава, он оскорблен, что кто-то покидает лабораторию, предатель, наймит госдепа, но если взглянуть с другой стороны, Косенков будет заниматься более серьезной работой, чем просто админить у нас да изредка моделировать процессы во внутренностях вирусов.

Мацанюк вложил большие деньги в рискованный, но многообещающий стартап. Некий Островский с единомышленниками начал готовить амбициозную вещь, байму, что уже не байма, а настоящий симулятор жизни игрока, в самом деле нечто принципиально новое. Там вроде бы создаешь своего героя, что привычно для всех онлайнновых, но наделяешь только реальными чертами, а потом запускаешь в ту реальную, хоть и виртуальную жизнь, и следишь за своими злоключениями и успехами.

Правда, мощь компьютеров пока что не позволяет расширить мир до пределов города, даже визуализацию своего района потянут только самые топовые компы, средним придется ограничиться микрорайоном, иначе жуткие тормоза, но все равно гораздо увлекательнее наблюдать «за собой», чем за бравым рыцарем, эльфом или троллем.

Я набрал кофе по-венски, прижался к стене, давая дорогу Медведеву, тот несет в промасленной бумаге целую горку бигмаков, приглашающе показал их Геращенко, тот в ужасе замахал руками.

— Нет-нет, убери эти ужасные вещи!

Медведев изумился.

— Остап Шухефович, вы чего? Это же ваши любимые. Я всю корзинку купил! Двенадцать штук, как раз вам перебиться и кое-как продержаться до обеда...

— Нет, — заявил Геращенко. — Я перехожу на вегетарианство. Даже на веганство. Что смотрите? Я серьезно!.. Кстати, вам тоже бы не мешало.

— Мне? — изумился Медведев. — А мне зачем?

— У вас ярко выраженная зеркальная болезнь, — определил Геращенко. — Свой пенис видите только в зеркале?.. Одышка, по ночам храпите...

— Я? — снова изумился Медведев. — По ночам? А вы откуда знаете?

— Ваша жена сказала, — ответил Геращенко, спохватился, пояснил с достоинством: — Я же должен быть в курсе и домашне-семейных дел своих сотрудников? Это все для повышения производительности!

Медведев посмотрел на него волком, а Лазаренко заговорил подхалимски:

— Остап Шухефович, мы от вас просто балдеем!.. Вы, как орел, всегда готовы на крутые повороты! И сейчас вот сразу из мясоедов... Никаких постепенных диет. Как отрезали. Как нам повезло, что вы у нас правите, ну прямо отец родной...

Ингрид, что то ли Вервольфова, то ли просто Волкова, что-то просматривает на планшете, но при моем появлении захлопнула.

Я поставил на стол два стаканчика горячего крепкого кофе и тарелку с горкой рассыпчатого печенья.

— Прошу, — сказал я и придвинул к ней чашку. — Хотя вы и не женщина, а лицо официальное, но здесь почти гость, пусть и непрошенный, так что имею некоторое удаленное право за вами поухаживать... в силу незнания законов, разумеется. Не за женщиной, упаси боже, какая вы женщина, в обществе все равны, и даже не за старшим следователем, это была бы вообще попытка подкупа, а вот как бы даже не знаю... Может быть, вы в некотором роде действительно гость?

Глава 8

Она взяла стаканчик, почти обхватив его весь ладонью, это не Катенька, что всегда держит в обеих лапках, как бурундук орешек, остро взглянула на меня поверх края, но ничего не сказала.

Я ощутил себя чуточку неловко, ну чего задираться, надо быть милосерднее, она хоть и не женщина, но гость, сам же дал определение, а для нас, ученых, дать верное определение — это наполовину решить проблему.

— Хороший кофе, — определила она. — Крепкий и сладкий.

— Спасибо...

— У автомата заводские настройки?

— Конечно, — подтвердил я. — Разве мы сами что-то можем? Обязательно испортим, ломаем... Теоретики. А почему не просмотреть все записи с камер? Это только в кино хакеры из одной страны воруют деньги из банков другой страны. В нашем случае кто-то должен был открыть доступ... это такие двери, прямо здесь. Потому советовал бы просмотреть в интервале от восемнадцатого по тридцатое.

Глаза ее блеснули, даже чуточку подалась вперед, впиваясь в меня острым взглядом.

— Почему?

— Грант, — объяснил я. — Обычное жалованье поступает хоть и вовремя, но мелкими порциями и точно к моменту, когда у кассы выстроится очередь... хотя теперь все идет на карты. Вы сами понимаете, насколько банки стараются удерживать деньги до последней минуты. Это не то, что у вас, где бюджетные гребете лопатой, а то и бульдозером. У вас же спецтехника! И опыт.

Она сказала суховато:

— Не отвлекайтесь.

— Так вот, — продолжил я, — наша лаборатория получила грант лично от Мацанюка. Он был впечатлен нашим новым подходом к CRISPR и сказал, что у него будущее.

— Грант, — переспросила она, — в размере двенадцати миллионов?..

— Да, — подтвердил я. — У Мацанюка нюх на инновации. Говорят, этот хитрый жук спинным мозгом чувствует, какая разработка скоро сдохнет, неважно что ей предсказывают всякие там специалисты и разные эксперты, а какая неожиданно выстрелит.

— Значит, — сказала она, — кто-то знал, что поступит такой грант?

— Это не обязательно, — ответил я, — грант не зарплата, его так быстро не расхватают, обычно тратят на закупку дорогого оборудования, но что-то в вашем чисто полицейском предположении есть.

— Что?

— Если кто-то, — пояснил я любезно, — знал о будущем переводе такой суммы на счет нашей лаборатории, это дало ему и больше времени, что критически важно, и возможность подготовить, в какое

дуло сунуть пакет с деньгами и какими листьями засыпать следы... Кстати, кофе на вас действует лучше, чем на меня!.. Давление поднялось на двенадцать делений, сейчас ровно сто двадцать на восемьдесят, идеал!.. А пульс, напротив, упал с семидесяти до шестидесяти пяти. Замечательно... Чувствуется занятие силовыми видами. Я имею в виду силовой спорт, не подумайте чего-то непристойного.

Она взглянула на смартвоч, я допивал кофе и смотрел, как тыкает пальцем в экран, потом перевела взгляд на меня.

— Угадали. Сто двадцать на восемьдесят. Подсматриваете? Слишком уж точно.

— Высокая квалификация, — ответил я скромно. — Я же не бозоны предсказываю или результаты скачек. Биология — это биология! Чем лучше знаешь свое дело, тем точнее диагнозы. Понимаю, в полиции все наоборот.

Она поднялась, я тоже встал, что-то во мне говорят рудиментарные правила этикета, наши взгляды встретились. Я выше среднего роста, даже по нынешним пересмотренным стандартам высокий, но она смотрит мне глаза в глаза прямо, словно между нами лежит линейка каменщика с пузырьком воздуха посередине.

— У вас лаборатория пока без права доступа, — напомнила она. — Никто вашей ерундой, на которую получаете огромные деньги, заниматься пока не может.

Я хмыкнул.

— Еще скажите, что грабитель правильно сделал, что увел эти деньги. Понимаю, с точки зрения здорового полицейского, лучше купить яхту, чем потратить на достижение какого-то совершенно ненужного электорату бессмертия.

— Мы на страже закона, — отрезала она. — Охраняем всех. Даже таких, как вы.

— Ой, спасибо!

— Не за что, — отрезала она. — Это обязанность, хотя бывает неприятной. Здесь мои коллеги проведут обследование без меня, а я предлагаю нам зайти вон в кафе напротив.

Я опасливо охнул.

— А там что?.. В подвале комната пыток?

— За чашкой кофе, — ответила она, — и уже с настоящим бутербродом, а не этой шелухой, признаетесь, как украли деньги.

Я сказал понимающе:

— Приглашаете в кафе, а там после пары бокалов вина в вашу постель?

Она ответила холодно:

— Оттуда в полицейский участок.

— Ого, — сказал я, — давно там не был...

— А когда были? — спросила она с интересом. — Сейчас проверю... Как ваше имя?

— То было пятнадцать лет назад, — сообщил я коротко. — Подростки. Драка на улице.

Она посмотрела с сомнением.

— Вы когда-то даже дрались? Вот уж не подумала бы.

— Рождаются все одинаковыми, — сообщил я с некоторой обидой. — Потом одни развиваются, а другие идут в полицию. Наручники наденете?

— Хочется покрасоваться?

— Угадали, — признался я. — Это ж таким героем стану!.. Все женщины нашего центра будут моими. Такой таинственный, загадочный, опасный...

Она поморщилась.

— Пойдемте, загадочный. Если подует ветер, хватйтесь за меня. А то вы больно... мускулистый.

В коридоре навстречу быстро шагнул полицейский в мешковатой форме, ниже меня на голову и такой тщедушный, что хоть сейчас бери его лаборантом пробирки мыть, а потом двигать науку.

Он остро посмотрел на меня, потом на детективщицу.

— Это с тобой?.. Все должны перебивать! Пока не снимут показания.

Голос у него тоже тонкий и писклявый, соответствующий фигуре и внешнему облику, а сам даже приподнимается на цыпочки, чтобы казаться выше.

Она бросила в его сторону небрежнейший взгляд.

— Это со мной, Карл.

— Это с нею, — подтвердил я. — Это самое, которое. С нею, Карл!

Он так и не понял, полиция не доросла до мэмов, с ожиданием смотрит на нее снизу вверх.

Она пояснила с некоторым раздражением:

— Главный подозреваемый. Будет пытаться сбивать нас на ложный след, тут мы его и схватим!

— А-а, — проговорил он с сомнением, — ну давай, лови... Только слишком не умничай, это не твое.

Я сказал с сочувствием:

— Она старается. Все обаяние в ход пустила. Вы же видите, какое у нее обаяние!

Он поспешно отступил, давая ей дорогу, ответил с дрожью в голосе:

— Да-да, мощное такое... обаяние.

Мы вышли к лифту, она бросила в мою сторону злой взгляд.

— Еще такая шуточка, и я вас удушу. Прямо в лифте.

— А отмазка?

— Попытка нападения на сотрудника полиции, — сообщила она. — С целью завладения табельным оружием.

— И последующим изнасилованием, — досказал я. — Да, это самое правдоподобное. Нравится мне наша самая гуманная в мире полиция. Я даже, можно сказать, в полном ауте. Что значит в восторге в переводе на язык полицейского протокола.

В лифте она загородила собой половину пространства, я прижался к стене, хотя не уступаю ей в росте, однако умеют же поставить себя женщины, а уж дорвавшиеся до власти, хотя бы такой, это вообще сатрапы.

Двумя этажами ниже дверь распахнулась, в нашу сторону качнулись двое сотрудников из соседнего отдела. Оба взглянули на нее, охнули.

Один пугливо отступил, а второй пролепетал:

— Езжайте, езжайте!.. Мыждемся следующего!

Двери закрылись, лифт понесся дальше, я пробормотал озадаченно:

— И чем это я их так напуганил?

Когда наконец нас выпустило в холле, я по всем правилам этикета вышел первым и протянул ей руку, помогая выйти, ибо лифт тоже транспортное средство, я даже обязан помочь сойти.

Она явно сочла это оскорблением, зло стегнула по мне взглядом, но сказать ничего не успела, в нашу сторону идут двое, начальник нашего отдела и поджарый полицейский, при взгляде на которого у меня внутренности похолодели, а он бросил в мою сторону острый взгляд, словно вонзил длинный острый гвоздь.

— Ингрид? — спросил он, в голосе его отчетливо слышалось клацанье затвора армейского пистолета.

— Свидетель, — ответила она. — Поговорим на свежем воздухе, а то там тесно.

Он кивнул, но в его взгляде я прочел, что свидетелей не бывает, только подозреваемые, а с подозреваемыми нужно говорить не на свежем воздухе, а в подвале за плотно закрытой дверью и без посторонних, держа в руке молоток.

Они вошли в лифт, а я по дороге через холл оглянулся и спросил негромко:

— Этот с квадратной рожей... у вас работает?

Она буркнула:

— Отдел по предотвращению преследований.

— Гм, — сказал я. — Ничего не понял, но хорошо, что не в вашем. Хотя, правда, я не знаю, из какого вы сами отдела.

Она поинтересовалась равнодушным голосом:

— А что с ним?

У выхода я снова придержал для нее дверь, а когда вышел следом, сказал тихонько:

— Как вам, милая тургеневская девушка, сказать... у него что-то с психикой. Я бы сказал, у вас работает маньяк с жадой убийства... Вы бы проверили его по базе, а также нет ли нераскрытых случаев немотивированных смертей.

Она сказала сухо:

— Не отставайте.

Я прошептал:

— А что, догонит и накинется?

Она молча пошла к переходу через улицу, тоже мне полиция, где же привилегии, надо переходить там, где изволится, перекрывая поток автомобилей, а когда я догнал, сказала кратко:

— Это не ваше дело.

— Как хотите, — ответил я. — Как законопослушный электорат, я сигнализирую на благо партии и правительства, а также общества, хотя кому оно нужно?..

Она бросила зло:

— О чем?

— В самом деле не хотите проверить? — спросил я. — В хищениях я его не заподозрю, но если где-то найдут изуродованный труп, то сразу нужно смотреть, есть ли у него алиби.

Она морщилась, некоторое время постояли на обочине, дожидаясь зеленого света на светофоре. Я ждал, она ответила почти со злостью:

— Заткнитесь!.. И не выеживайтесь своими познаниями в психиатрии.

— Что, — спросил я в изумлении, — я ошибся?

Она скривилась еще сильнее.

— Дело не в этом... Мир не ограничивается нашим районом проживания. Где-то гремят войны, свергаются правительства... может, слышали?

Красный сменился желтым и тут же зеленым, вместе с нами через дорогу ринулась стайка ребят с огромным псом на поводке, но без намордника.

Ингрид поморщилась на такое нарушение человеческих свобод, но смолчала.

— Ерунда, — отозвался я. — Все важное происходит в тишине научных лабораторий. Войны начинают там.

— Там начинаются, — отрезала она сухо, — а в реальном мире разворачиваются во всю мощь и длятся, длятся... Этот наш сотрудник в самом деле убивал и много убивал. Но все в войнах, которые гремят по всему миру. Война есть война. Когда захватывают пленных, их пытают... Когда захватывают

во время боевой операции, то пытаются и тут же убивают, иначе куда их девать?... Так что можете быть правым, но в то же время он и герой и... пострадавший с этой незаживающей травмой.

Глава 9

Над дверьми кафе светящаяся надпись Scenario Café, двери гостеприимно распахнуты. Я переступил порог вслед за этим лейтенантом полиции, на которую и сзади посмотреть такое же эстетическое удовольствие, как на мраморную фигуру трехметровой Афины Паллады у входа в издательство «ЭКСМО».

— Ах, он еще и пострадавший...

— В конце каждой недели, — сказала она строже, — у него обязательное собеседование с психоаналитиком. Он, как догадываетесь, на особом учете. Но этот человек наш! А еще он хороший работник.. Садитесь сюда. Я люблю наблюдать за улицей.

— Тогда просто возьмите на учет, — посоветовал я. — Когда где-то начнутся немотивированные убийства, сразу проверьте вашего военного героя, который так много людей убил, что теперь уже он пострадавший, ага. Так что еще насчет хищения? Вы что-то недоговариваете, товарищ старший детектив.

Неслышно подошла милая девушка со старинным блокнотиком и светящимся карандашом в руках.

— Здравствуйте. Чем вам помочь?

— Два кофе, — сказала Ингрид, опередив меня. — Один бутерброд с телятиной, у вас они всегда просто замечательные... а также печенье на блюде, мелкие такие, сахарные, противные, но беззубым интеллигентам тоже нужно что-то есть.

Официантка чуть растерянно улыбнулась.

— Поищем.

— Если не найдете, — подсказал я, — замените на бутерброд.

— Хорошо, — ответила она с облегчением. — Заказ принят.

— С рыбой, — уточнила Ингрид. — Второй бутерброд с рыбой.

Как только официантка отошла от стола, она посмотрела на меня в упор.

— Заметно, что недоговариваю?

Я двинул плечами и ответил с подобающей небрежностью:

— Я же профессионал.

Она некоторое время прожигала меня почти ненавидящим взглядом, потом лицо ее омрачилось, словно на него упала тень от грозовой тучи.

— Ладно, все равно это не тайна следствия. В общем, это уже второй случай. Точно так же были похищены восемь миллионов долларов. Из вашего же Центра, только из другого отдела. Это засекречено. Могу сказать только, что деньги исчезли тоже вот так бесследно. Потому там, наверху, в ярости. Подобного не случалось очень давно.

— Так-так, — сказал я, чувствуя нездоровое оживление. — Это же хорошо! Что так смотрите? Не в том смысле, что хорошо, а хорошо с точки зрения исследователя. Так искать проще. Один случай — это один, а два одинаковых — уже почерк, навык, особенности... И тоже нигде-нигде не засветились?

Она кивнула.

— Ситуация в банковской системе такова, что украденные деньги должны быть моментально упрятаны в какие-то фонды, трасты... да вообще неважно куда, но это должно быть сделано быстро.

Моментально!.. Уже секунда промедления дает след. Но все равно теперь все чаще вылавливаем и тех, кто заранее приготовил нору. Хай-тек рулит. Но... сложность в том, что те восемь миллионов долларов были похищены пять лет тому назад!

Я охнул.

— И что... нигде не всплыли?

Она кивнула.

— Вот-вот. Это в нашем просматриваемом мире! Уникальный случай. Такого нигде в мире еще не было. Потому и такое внимание к этим двенадцати миллионам. В итоге уже двадцать! Хотя не обязательно это один человек или одна группа...

Я подумал, сказал:

— А может, это как коллекционеры уникальных картин или вещей Тутонхаима?.. Продать нельзя, даже показать некому, держат в подвале и ходят туда любоваться в одиночку.

Она фыркнула:

— На картину любоваться можно, но как можно любоваться на пачку долларов? Или на виртуальный счет, как-то умело упрятанный в Сети?

— Если это воровство для коллекции, — сказал я, — то вы его никогда не раскроете. Или раскроете, когда будете читать мысли. Но если деньги ради какого-то дела, то зацепки появятся, нужно только их заметить.

Девушка принесла на подносе две огромные чашки с черным кофе, улыбнулась Ингрид, явно знает ее вкусы, а мне такую же, ни один мужчина не посмеет отстать от женщины, все еще цепляемся за остатки бывшего доминирования.

Бутербродов два, один гигантский, хлеба две тонкие полоски, а между ними кусок мяса размером с плиту Баальбекского храма. Второй с рыбой,

это явно какой-то намек, но я не стал гадать, рыба красная, то ли семга, то ли форель, до сих пор не разбираюсь, а все потому, что мужчинам все равно, а кто разбирается — тот уже не мужчина.

Она перехватила мой взгляд на бутерброд в ее пальцах.

— Что?.. Надо есть здоровую пищу. Например, здоровый кусок телятины.

Кофе она отпивала лошадиными глотками, что значит, мелко и осторожно, кони именно так пьют, зато бутерброд поглощает с таким аппетитом, что вот-вот закажет еще один. Или два.

— Что? — спросила она снова, перехватив мой взгляд. — Бутерброд. С телятиной. Не какое-то сахарное печенье для ваших фифочек.

— Прошу прощения, — сказал я смиренно. — Сплоховал. В следующий раз для вас закажу не здоровый кусок телятины, а здоровенный.

— Следующего раза не будет, — отрезала она. — В тюрьме кормят баландой.

— Ой, — сказал я с сочувствием, — может быть, еще и не попадетесь?

— Вас, — уточнила она, — будут кормить баландой.

Прихлебывая кофе, другой рукой я раскрыл айпад, пусть эта полицейская огриха думает, что в самом деле что-то ищу по инету, на самом деле поиск провел еще по дороге в кафе, но тогда ничего не дало, а сейчас, когда выясняется насчет двух хищений, одинаковых по сути, это другое дело, теперь вот шарю и подбираю слова, как осторожно направить на тот след, который кажется мне самым вероятным, хоть и предельно туманным.

Официантка принесла два пирожных, это детективщица заказала для меня, какой-то намек, на

беззубость или еще что-то, мне по фигу, а пирожное просто тает во рту, обожаю сладости.

Ингрид заглянула мне через плечо.

— Это в чем шарите, подозреваемый?

— Новый браузер, — ответил я. — У вас в полиции знают только Интернет Эксплорер?..

— Угадали. Каким образом?

— Вспомнил самое древнее, — пояснил я. — О нем в детстве забыл. Каждый месяц появляются новые, более быстрые и мощные... Этот работает с такой скоростью, что... ага, вот еще один..

— Кто?

— Подозреваемый, — сказал я с нездоровым оживлением. — Наверное, интересно быть полицейским?.. Заподозрил кого-то, догнал — убил. Заподозрил другого, догнал — убил. Если не того, отмазаться всегда можно. Не за того принял, не так посмотрел, не так свистит, слишком низко летает...

Она нахмурилась, голос прозвучал резко:

— Это не шуточки. Что смотрите? Что-то нашли?

— У меня лицо такое?

— Такое, — согласилась она.

— Давайте, — сказал я, — посмотрим заодно, что у вас собрано. Может быть, есть зацепки?

Она прищурилась.

— Думаете, мы не заметили бы? Профессионалы?

— Вы профессионалы полиции, — уточнил я скромно, — я же профессионал всего лишь интеллекта, если вы о таком слышали. Это... да ладно, зачем вам знать про интеллект? Интеллект, да еще развитый, помешает быстро бегать, бить ногой в челюсть и стрелять в пока что живого человека.

Она сказала холодно:

— Допивайте кофе, там посмотрим. Если выдадите всех подельников, на суде будет скидка.

Она сделала официантке знак подойти, а когда та приблизилась, сказала так властно, словно поднимает роту в контратаку:

— Счет! И кофе с собой.

— Кофе бесплатно, — предупредила официантка.

Она изумилась.

— Правда? Почему?

— Вы заказали наше фирменное пирожное, — пояснила девушка. — А в этом случае кофе за счет заведения.

— Мило, — сказала она. — Тем более что и пирожное просто прелесть. Спасибо!

Полицейский участок, как и положено в современном мире, огорожен бортиком из бетонных блоков, а ко входу ведут высокие ступеньки, так что террорист-смертник даже при отсутствии заграждения не сумеет выбить дверь начиненным взрывчаткой автомобилем.

К тому же вход бронирован, еще и с вертушкой, если заблокируют, не вырваться, но моей конвоирше уступают дорогу, то ли уважают, то ли побаиваются, а на меня поглядывают с непонятным, хотя и вообще-то понятным сочувствием.

Я, правда, привык к таким взглядам, но сейчас чувствую всего лишь некоторую слабость, голова не кружится, тошноты нет и близко, а мозг работает, как андронный коллайдер.

В огромной комнате с массой всевозможных экранов на стене, от крохотных и до исполинских, расположились с десяток столов. Полицейских за ними я бы даже не назвал полицейскими, хоть и в форме, выглядят почти как люди.

Она сказала весо-мо:

— Это наш отдел криптозащиты. Здешние ребята собаку съели на ловле всяких прохиндеев. Выкладывайте им свои соображения, а они вас поймают на брехне.

— Можно взглянуть на записи с камер? — поинтересовался я. — Те, что у вас установлены в женских душевых, меня пока не интересуют, хотя там наверняка высшее разрешение и самое мощное оборудование, а вот те, на которых все входящие в наш корпус и выходящие...

— Эти уже смотрят, — ответила она с милостивым пренебрежением. — Можете присоединиться.

— Мне лучше сначала, — сообщил я.

Она подошла к одному, опустила ладонь на плечо. Я заметил, как бедный парень дернулся и оглянулся с таким испугом, словно она сунула ему за шиворот гранату.

— Прогони сначала, — сказала она голосом повелительницы варваров, — этот вот подозреваемый должен посмотреть до того, как ему предъявим серьезное обвинение и отправим за решетку.

— Как скажешь, — ответил он поспешно. — Могу хоть с начала года!

— Не умничай, — велела она.

Я проговорил мирно:

— Можно мне слово? Всего лишь со вчерашнего дня. Начиная с утра, когда начали являться самые ранние пташки на работу. Вообще-то им премию за такое рвение нужно выдавать, а мы их в подозреваемые... Вот так всегда в жизни, не находите? Хотя откуда вам знать, у вас же не жизнь, а эта, как ее... погоня, погоня, погоня в крови!

Она посмотрела с предостережением, дескать, еще слово, и за решетку, я договорил:

— Если лица не видно, то сразу на запись с дру-

гой камеры. Там их вообще-то три, еще две захватывают от здания через дорогу.

Она посмотрела на меня косо.

— Что, так заметны?

— Заметны, — ответил я, не вдаваясь в подробности. — Побыстрее можно? Я о прокрутке. Что у вас за аппаратура?.. При авторитарных режимах силовые структуры должны получать лучшее оборудование! Чтобы успешнее угнетать... э-э... угнетенные массы. В интересах угнетателей.

Техник пробурчал:

— Аппаратура у нас вполне! Если сличают программы, то все мелькает, но сейчас же надо глазами?

— А кто смотрит? — спросил я. — Вы или я?

Он ответил хмуро:

— А вы что... можете быстрее?

— Я ученый, — ответил я с надлежащим высокомерием. — У меня натренирован мозг, а не!.. Вы знаете, о чем я намекиваю.

Она кивнула технику.

— Дай быстрее. Пусть он подавится.

Я посмотрел на мелькающие фигурки, поинтересовался:

— А быстрее может?

Техник буркнул:

— Наша техника может. А ваша?

— Мозг пока что круче компа, — заявил я. — Еще быстрее... Еще... Стоп! Отмотай чуть назад...

Техник, с недоверием поглядывая то на меня, то на детективщицу, вернул изображение, я сделал вид, что всматриваюсь, указал пальцем.

— Вот этот посторонний.

Она сказал быстро и властно:

— Узнать о нем все!

Я проговорил мирно:

— Давай дальше. Только не тяни, крути быстрее.

Она поглядывает на меня с сомнением, я подумал, что может что-то заподозрить, но отбрешусь. Вообще-то я еще по дороге просмотрел записи всех камер, отыскал пятерых посторонних, проверил по всем базам, у всех дела в институте, кто прибыл по командировке, кто по обмену опытом, так что надо проверять теперь еще их связи.

Подошел настолько грузный полицейский, что я сразу же представив, как он гонится по улице за убегающим преступником, невольно заулыбался.

Он протянул Ингрид несколько фотографий голого мужика на железном столе морга.

— Вот он. Еще свеженький. Ты его уложила точно. Камеры засняли, как он в тебя стрелял, так что вопросов не будет.

Она быстро перебрала фотографии, кивнула, лицо оставалось холодным и безразличным.

— Он вел активную жизнь, — произнесла таким тоном, в котором я бы выделил одобрение. — Три пулевых ранения, вон шрамы от ножа, причем не столового... Думаю, патологоанатом найдет старые переломы и ушибы.

Техник поднял на меня взгляд и шепнул пугливо:

— Видите, что такое для нашей воинственной Зены активная жизнь?

— А что, — пробормотал я тихонько, — кто-то при виде ее может подумать о другом понимании активной жизни?.. Я теперь на неделю забуду точно.

Ингрид услышала или не услышала, но метнула на меня такой взгляд, после которого о близости с женщиной можно забыть и на месяц.

Я продолжал смотреть на экран, а когда решил, что достаточно, сказал с видом человека, выкопавшего яму под Черное море:

— Есть еще два. Вышли то ли вместе, то ли просто совпало, но вот они...

Она кивнула техникам, но те уже и без напоминания поставили метку, погнали записи дальше.

Когда я назвал всех пятерых, она сказала неуверенно:

— Шмендрик, продолжай искать. Возможно, этот тип кого-то скрывает. Могу предположить, что есть и шестой, которого он якобы не заметил!

Шмендрик буркнул:

— При такой скорости не заметить легко. Потом можно отбрезаться.

— Да, — сказал я, — проверяйте. А я бы предложил проверить всех друзей и даже контактеров этих пятерых. Это может дать нужную ниточку.

Она кивнула.

— Это мы и собираемся сделать. Но, Шмендрик, все равно ищи шестого.

Я указал на экран.

— Я бы посоветовал начать с этого. Видите, короткая такая стрижка...

Она посмотрела на меня с подозрением.

— Почему?

— Чутье, — сказал я скромно. — Да и не нравится мне такая прическа. Не одобряю. Я интеллигент, а так стригутся только в армии и полиции.

Глава 10

Толстый полицейский недовольно всхрюкнул и поворошил толстой пятерней битловскую прическу.

Она подумала, кивнула.

— Мне кажется... Да что там кажется, вы точно знаете гораздо больше, чем говорите! Это ваш по-

дельник, да?.. Он вас где-то подставил, и хотите ему отомстить?.. Учтите, будем брать его живым!.. Уверены, что вас не выдаст? Почему?.. Убьете его раньше?.. Или как-то связан с вами еще и теперь будет все равно молчать?

Я сказал в восторге:

— Ингрид, простите, что по имени, после этой операции переходите к нам в лабораторию! Общение с вами — чистое счастье. Будем платить, как доценту. Уверен, общаясь с вами, все наши сотрудники будут получать такое же удовольствие, как вот получаю я... А это благоприятно скажется на результатах работы. И даже дома в общении с домашними животными.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Это почему же?

— Вы такая умная, — сказал я счастливо. — Просто не могу налюбоваться! И такие люди всего лишь в полиции? Я бы вас рекомендовал сразу в правительство! Там таких много, но можно еще...

Она отрезала:

— Мы на страже закона. Без полиции и вы, яйцеголовые, не смогли бы ни работать, ни ходить в булочную. Мы вас стережем и сдуваем!.. Хорошо, подозреваемого берем на учет. Поинтересуемся, кто он и что он. Обвинять его ни в чем не обвиняем, всего лишь как бы предосторожничаем. Во избежание. Ибо.

Я сказал:

— Настораживают разве что его частые зарубежные поездки. Сейчас только полные идиоты ездят за рубеж на отдых да посмотреть на пирамиды. Нормальные их видят в инете, там с любого ракурса, а этот ездит и ездит...

Она спросила резко:

— Откуда это знаете?

— Вам ехать, — ответил я. — Или шашечки?

Она прожгла меня взглядом, в глазах заблестали опасные огоньки.

— Рискованно играете, — произнесла она ледяным голосом. — Теперь знаю точно, попадетесь. Пойдемте в мой кабинет, поговорим более предметно.

— Пальцы ломать будете? — полюбопытствовал я. — Или дубинкой по ребрам?

Она прищурилась.

— А вы предпочитаете что-то особенное?

— Да, — ответил я с вдохновением. — Надеюсь, вы лично подвергнете меня сексуальному насилию!

К ее кабинету прошли без помех, небольшая, даже тесная комната, где стол с большим экраном в столешнице и три на стене напротив, не самые новые, но все же качество выше среднего.

Она кивнула на стул у стола.

— Смотрите, наш яйцеголовый друг. Покажите превосходство интеллекта над профессиональным умением тренированных людей на выполнение конкретных задач.

Я опустился на мягкое женское сиденье, экран тут же засветился заставкой и пошел листать в браузере страницы.

Она за моей спиной пробормотала с подозрением:

— Это... как? Я еще не сказала пароль!

— Комп был включен, — пояснил я, — так что все в порядке. Вы просто забыли выйти из системы, такое с женщинами бывает... С ними вообще-то и не то бывает. Интересно, интересно... Хорошую работу проделали, учитывая, что и оборудование старое,

и специалисты вы... гм... очень крутые. И стреляете, наверное, без промаха. В живых людей. Которые ведут активную жизнь.

Она все еще посматривала больше на меня, чем на экран, а я старательно листаю, хотя просмотрел все это еще по дороге к этому кабинету, но сейчас делаю вид, что вижу впервые, качаю головой, хмы-каю, похрюкиваю.

В комнату заглянул один из работников, бросил на меня беглый взгляд, а Ингрид сказала бодро:

— Вот все материалы. Можешь посмотреть, но не стоит. Капитан велел сбросить в архив.

Он небрежно бросил на стол три листка с принтерной распечаткой, Ингрид отмахнулась.

— В архив так в архив. Дело закрыто, чего еще?

Он кивнул, засмотрелся на экран, где в мелькании хрен что разберешь, а я полюбопытствовал:

— Что-то с нашим хищением?

— Нет, — ответила она, — это идеальный случай, побольше бы таких. Мелкое хулиганство. К счастью, совсем пустяки. Хотя подрались байкеры и готы, могло быть ого-го, но все обошлось. Пара выбитых зубов, два разбитых мотоцикла, порваны куртки... взаимных претензий нет, так что дело закрыли. А за разбитое окно возместили.

— Всегда бы так, — сказал я. — Возместили бы эти двенадцать миллионов... и все в ажуре. И полиция не нужна.

Полицейский нахмурился, бросил на меня короткий оценивающий взгляд, сразу определив, что я выше на два сантиметра, живота нет вовсе, там у меня вообще провал, нижняя челюсть выступает вперед, при моей худобе это почти вызывающе, а у него так называемая женская, хотя у женщин как раз в тренде мужского типа лица.

Как всякий самец, он не любит превосходство другого самца, это у нас в крови, обычно возникает даже легкая враждебность, а проходит только в случае, если сбиваемся в стаю, где победа зависит от общих усилий.

Но мы в стаю точно не собьемся, потому он смотрел почти как на противника.

— Но-но, — сказал он резко, — полиция всегда нужна. Причем такая, чтобы одного вида боялись всякие... да-да, всякие.

Я посмотрел на детективщицу, он тоже посмотрел на нее, она нахмурилась.

— Да-да, голубчики, — подтвердила она, хотя обращается явно только ко мне. — Чтобы боялись и не преступничали!

Я все еще смотрел в экран, но что-то зудит в каких-то фибрах, раздражает, я ж ученый, тонкая натура, это полицейеры люди прямые и четкие, у них если дело закрыто, то закрыто. А у меня все не так, а когда понял, что именно беспокоит, встрепнулся как гончий пес, услышавший хлопанье крыльев пролетевшей утки.

Двенадцать миллионов долларов исчезли, и эта драка между байкерами и готами, как догадываюсь и вижу сейчас там, где не видит эта Ингрид, все произошло в одно и то же время. В полиции на это не обратили внимания, да и как обратить, если хищения расследует особый отдел по крупным хищениям, он так и называется, а драки и хулиганство — самый низовой сектор полиции, и нигде друг с другом не соприкасаются, даже презируют друг друга.

Я, правда, тоже не могу представить, как могут соприкасаться сравнительные интеллектуалы и самые что ни есть простые из полицейских, однако

же такое совпадение... К тому же эта драка произошла в соседнем квартале, хотя Москва за последние два месяца стала еще на треть шире.

— А что за разбитое окно? — спросил я.

Она отмахнулась.

— Когда дрались, кто-то промахнулся и разбил окна в доме, под стенами которого шла схватка. Пустилки, уже все застеклили. А что?

— Да как-то, — признался я. — Я не религиозник, даже в совпадения не слишком верю, потому проверяю. Хищение и драка в один день, ладно. Но если в тот же час?

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Говорите так, словно знаете, что то и другое случилось действительно в тот же час.

— Хорошо бы проверить, — сказал и пояснил торопливо, — знаю-знаю, никакой связи, но если нет других версий?

Она отрезала холодно:

— Это не версия! Или у вас там пустые выдумки называют так? Знаете, сколько в Москве ежедневных драк?.. Обязательно какие-то совпадут. Наложатся или накладываются на ваше хищение. А еще в Индонезии самолет упал... Он как, тоже с этим связан?

— Если в ту же минуту, — ответил я, — то следует им тоже заняться.

Она фыркнула.

— К счастью, такие умные в полиции не работают. Иначе у нас вообще бы кошмар был.

— Как изволите, — сказал я. — Но я бы на вашем высоком месте полицейского проверил насчет той драки. Уточнил бы время. В каком часу? Желательно, до минут.

Она ответила с презрением:

— К счастью, вы не на моем месте, подозреваемый!

Я взглянул на часы, охнул.

— Ого!.. А мне надо кота кормить.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Кота? Вы не похожи на кошатника. Разве что пса... Но и собаки у вас, как мне кажется, нет.

— Вот видите, — сказал я горько, — у меня даже собаки нет. Никого нет, кто бы встречал меня и махал хвостиком!.. Никто не радуется, что я есть. Такова жизнь современного ученого.

Она наморщила нос.

— Тогда кого собираетесь кормить?

— У меня целое стадо гусей, — признался я, — индюков, есть утки и куры... правда, все виртуальное, но если не покормить, заболеют. Но получу голды на аренду замка.

Она сказала саркастически:

— Ну да, конечно, это так важно. Отпускаю под виртуальную подписку о невыезде. Завтра еще будут вопросы.

— А сегодня нельзя?

Она отрезала:

— Нет. Вопросы появляются по мере появления ответов.

— Понятно, — сказал я. — Тугодумность — это наше все. Достояние, добытое в кровавых лишениях и трудных битвах за самобытность. Запрягаете вы тоже медленно?

Она смотрела исподлобья, как я поднялся, в лице что-то изменилось, я с изумлением увидел некий слабый намек на сочувствие.

— Прошу прощения, — сказал я и вышел из-за стола, придвинув стул обратно.

Она указала на боковой дисплей на стене.

— Извините, гражданин, но вы подозреваемый, и мне пришлось покопаться в ваших данных. Понимаю, это не совсем этично, но мы... полиция.

Я ощутил неприятное чувство не опасности, а так, просто неловкость, словно о тебе узнают какой-то постыдный грешок, который ты стараешься забыть.

— Вэлкам, — пробормотал я. — Я человек, а человеку ничто свинское не чуждо.

— Это понятно, — сказала она, не сводя с меня взгляда. — Я о том, что касается нашего дела. Или может касаться.

— Ну-ну?

Она понизила голос.

— Прошу простить за жестокий вопрос, но... это касается нейродегенерации. Лечение существует?

— Нет, — ответил я честно.

Она продолжала сверлить меня взглядом.

— Мне очень неприятно это говорить, но вынуждена сказать правду. Ваше физическое состояние ставит вас в число самых вероятных похитителей.

— Каким образом? — спросил я. — Ах да, позвольте догадаться... Мне осталось немного, потому ворую гигантскую сумму... мне все равно терять нечего, верно?... для того, чтобы уговорить ведущих хирургов мира попытаться сделать мне операцию первому, как только будет найден способ... Угадал?

Она наклонила голову, все еще не сводя с меня взгляда.

— Медицина развивается стремительно, — обронила она, — лечение будет найдено обязательно. Вы просто хотите успеть раньше, чем болезнь добьет вас. Не так ли?

— Все логично, — признал я. — Вас бы к нам, яйцеголовым...

— Значит, признаетесь?

Я вздохнул, развел руками.

— Насколько я слышал, даже если признаюсь, вам все равно нужно собрать все улики. Иначе могу оказаться человеком, что взял вину на себя, чтобы выгородить настоящего преступника. Не так ли?

— Признание смягчает вину, — сообщила она, — и позволяет надеяться на снижение наказания. А если расскажете подробно, как все сделали, и вернете похищенное, вам могут даже снизить срок.

— Хорошая система, — одобрил я. — Практичная.

— Так как?

Я поднялся.

— Собирайте улики.

Она тоже поднялась, мощная, с прямыми плечами и жестоким лицом, которое старается и не может сделать сочувствующим.

— Подпишите бумагу о невыезде.

— Бумагу?

— Так говорится, — уточнила она. — Все пишется в облако, как и это предупреждение, что я вам даю. И то, что вы слышали. А теперь можете идти! Но советую далеко не уходить. Может быть расценено, как попытка к бегству.

Глава 11

Только опускаясь на сиденье автомобиля, ощутил, что в самом деле устал просто смертельно. Но если учесть, сколько двигался, то вообще побил свой рекорд.

По дороге не выдержал, остановился на заправке и взял три больших бутерброда с жареным мясом и пластиковый стакан кофе эспрессо.

Там же сожрал и два бутера, а потом указал автомобилю путь к дому и уже спокойнее и с удовольствием сожрал третий, смутно удивляясь, что утолил всего лишь голод, а вот аппетит жрал бы еще за меня и того парня.

Похоже, исхудавший и ослабевший организм, ощутив передышку, начал судорожно восстанавливаться, чтобы к новой напасти хоть немного запастись мяса, а то и жира на пузе.

К дому подкатил в момент, когда на дисплее появилось кукольное личико Катеньки.

— Навигатор показывает, — сообщила она щебечущим голоском, — ты уже дома?

— Только подъехал, — ответил я. — Захожу в подъезд.

— Ой, — сказала она обрадованно, — а я со службы!.. Через шесть минут проскочу мимо твоего дома. У тебя что-то поесть найдется? Умираю с голоду.

— Будет, — ответил я обрадованно. — Ох и нажремся!

Она счастливо пискнула:

— Еще как!

Кухонный комбайн принял набор команд с некоторым удивлением, редко когда балую сложными заказами, пришлось подключить даже принтер для изготовления недостающих компонентов, но к тому времени, как домофон засек подъезжающий к стоянке автомобиль Катеньки и поспешно доложил мне таким тоном, словно поймал госдеповского шпиона, на кухне дважды пропикало, сообщая, что первые два блюда готовы.

— Прекрасно, — ответил я бодро, — держать в готовности!.. Температуру снизить, но не отключать.

Она подбежала к входной двери дома, легкая, как молодой козленок, дверь приглашающе распахнулась, вызвав сияющую улыбку на ее разрумянившемся лице.

С той же улыбкой промчалась через холл и успела вскочить в уже заполненный лифт, но с ее весом перегруза точно не будет.

Я выждал чуть и вышел на лестничную площадку, а там, едва двери лифта распахнулись, Катенька со счастливым визгом ринулась ко мне.

Чувствую, хочется повиснуть, как мартышке на дереве, но, увы, я такой, что если на меня сядет ворона, упаду под ее тяжестью. Во всяком случае, еще вчера-позавчера был именно таким.

— Пойдем скорее, — сказал я, обнимая ее с нежностью, — сам умираю с голода.

Она перед дверью моей квартиры шумно втянула в себя воздух обеими ноздрями.

— Ого, какой запах!.. У тебя под дверью щель?

Я потянул на себя за ручку, Катенька с ликующим визгом ринулась в комнату навстречу одуряющим ароматам со стороны кухни.

Голод в самом деле терзает мне внутренности, я торопливо открыл духовку, Катенька дрожащими от ликования лапками начала торопливо таскать на стол жареную курицу, ломти запеченной баранины, а я резал хлеб и забрасывал ломтики в тостер.

Она быстрее любой белки в течение пары секунд все разложила по тарелкам, со счастливым писком ухватила нож и вилку и моментально вонзила то и другое в коричневое пузо жареной курицы, расчлняя, кромсая, разделяя на строго правильные по науке ломти.

— Ну что, — нявкнула она, — наперегонки?

— Угу, — промычал я уже с куском нежнейшей курятины во рту. — Не удавись только...

Ест она в самом деле быстро, часто-часто двигая челюстями, у меня так не получается, я то ли медлительнее, то ли сказываются размеры, ну не может экскаватор соревноваться по скорости с газонокосилкой, у меня и челюсти ходят основательно, захватывая и перемалывая добычи вдвое больше.

Потом лопали рыбу и сыры, я чувствовал, как голод постепенно отступает, а взамен приходит давно забытое ощущение силы и бодрости.

Кофейный аппарат уверенным писком доложил, что кофе смолот и воду вскипятит, дольше ждать нельзя, а то остынет, а размолотые зерна пропитаются сыростью, ага, вот так за две секунды и пропитаются напроць, даже плесенью покроются.

— Две большие, — сказал я, — и даже моему воробышку большую!.. Только ему с молоком. Если со вчерашнего дня остались сливки, то со сливками.

Она вскинулась.

— Со сливками? Почему это со сливками? Я и так толстая!.. Ты хочешь, чтобы я стала безобразной?... А, ладно, давай со сливками. И три ложки сахара. Нет, четыре!

Мы молча и с наслаждением выдули по большой чашке крепкого кофе, наши вкусы сходятся даже в этом, потом она спохватилась:

— Ох, я даже руки не помыла... Ничего не убирай, я все сама!

И унеслась в ванную комнату, а я, естественно, тут же взялся убирать со стола, мы всегда стараемся сделать хоть что-то за любимых, обрадовать пусть по мелочи.

На стене сам по себе врубился громадный дисплей, он настроен только на экстренные новости, замелькали кадры морских кораблей, взрывы, затем взволнованный ведущий сообщил трагическим голосом, что в Персидском заливе исламисты Халифата потопили второй за этот год американский корабль.

Удалось спастись на берег двумстам семидесяти морякам, в том числе выбрались восемьдесят морпехов, однако исламисты, хотя американские военнослужащие тут же сдались в плен, зверски и демонстративно расстреляли всех до единого.

— Вопреки обыкновению, — прокричал диктор, — объяснение этому вопиющему поступку дал не уполномоченный Халифата, а один из аккредитованных при штабе Халифата журналистов, свое лицо он скрыл под черным платком, но, судя по выговору, это кто-то из русских, влившихся в ряды этой террористической организации. Слушайте, что он сказал!

Он остался в кадре, а в окошке появилась фигура человека в черном балахоне, что давно стал эстетикой Халифата, голос зазвучал громко и со сдерживаемой яростью:

— А что вы ждали?.. Это не мобилизованные на войну солдаты! Те не по своей воле участвуют в войнах. Но эти все контрактники, воюют за большие деньги!.. Могли найти мирную работу в своей стране или в чужой, но предпочли взять оружие и пойти убивать! Подчеркиваю, в прошлую мировую в плен не брали так называемых парашютистов, а также партизан, так вот и эти люди пришли сюда по своей воле, чтобы убивать местных жителей!..

Кто-то начал было важным голосом:

— Но международные конвенции...

Человек в маске сказал резко:

— Конвенции принимаются под диктовку той страны, что послала эти корабли против нас!..

— Против вас воюет коалиция стран...

— Бросьте, — отрезал человек в маске. — Все вы знаете, что там за коалиция. Но мы соблюдаем более высокие конвенции, которые заповедал нам всевышний через величайших пророков Моисея, Иисуса и Мухаммада!..

На заднем фоне было видно толпу в черном, звука нет, но видно, как все вскидывают руки с автоматами Калашникова. Я подумал хмуро, что халифатовцы объясняют свои действия просто и доходчиво, это понятно любому простому человеку, в какой бы стране тот ни находился.

Вообще-то обычно, когда просто и доходчиво, это неверно, но в данном случае верно хотя бы в том, что заповеди, изложенные в Библии, а затем в Коране, конечно же весомее ухищрений юристов, умело подгоняющих законы под потребности находящегося у власти правительства.

В душевой утихла струя бьющей воды, Катюша выскочила чистенькая и свеженькая, вся сияющая и вымытая, но увидела голую столешницу и горку помытой посуды, завопила звонким голосом:

— Ты что наделал?.. После тебя все равно перемывать надо!.. Только государственную воду переводишь!

— Не визжи, — сказал я добродушно, — у меня уши ультразвук не воспринимают...

— Я на тебя не визжу, — возразила она возмущенно. — Я на тебя пишу!

Я остановился в восторге, она просто великолепна в своем пищащем гневе, и попыталась отшатнуться, когда я сгреб в объятия и начал целовать с

той страстью, как целуют младенца, с трудом удерживаясь, чтобы не грызнуть за нежную розовую попку.

— Ты чего? — пропищала она.

— Люблю тебя, — ответил я искренне. — Ты самое лучше, что есть у меня... и вообще на свете.

Она чуть отстранилась, посмотрела снизу вверх, как мартышка на дерево, но гордо и независимо.

— Почему это я у тебя? Это ты у меня!

— Собственница, — сказал я с укором, но и с одобрением тоже, — сильная женщина!

Очень хотелось взять ее на руки и отнести в постель, но пока что рисковать не стоит, могу опозориться, едва стул поднимаю, и она, извернувшись в моих руках, сама потащила меня к кровати и умело уложила там, гордо подбоченилась, любуясь делом своих рук и дизайнерским умением.

— Все-таки съездил на работу? — поинтересовалась она с неодобрением. — И пробыл там долго?

— Не совсем, — ответил я. — У нас крупная кража. Всех выгнали, все помещения опечатали. Меня допрашивали как свидетеля и даже как наиболее подозреваемого.

Она охнула.

— В полиции?

— И даже в полицейской машине, — ответил я. — Щас я тебе ее покажу...

Она помогла дотянуться до моих штанов на стуле, я вытащил из кармана мобильник и перекинул на стенной дисплей фотографии старшей детективщицы Ингрид.

Там она почти в полный рост, Катенька с почтительным ужасом уставилась на широкие плечи суперменши.

— Ого!.. Какие мышцы!..

— Это в одежде, — ответил я. — Представляешь, какая без этой майки?.. Бицепсы, трицепсы, дельты, прямые, косые и широчайшие, а на животе, как уже догадываешься, кубики!.. Думаю, даже не классические шесть, а все восемь!

Она зябко повела узкими покатыми плечиками.

— Жуть!.. Это не женщина.

— Чудовище, — согласился я. — Не думал, что я такой старомодный, но когда смотрю на нее, во мне сразу вздыбливается шерсть доминанта. Только мужчина должен быть самцом, а не женщина!

Она пискнула:

— А мы, женщины, разве против? Доминант должен нас спасать, беречь, кормить, чесать и гладить!.. А мы за это будем ему мурлыкать.

Я снова прижал ее в порыве нежности.

— Солнышко ты мое крохотное!

Она легла рядом и прильнула ко мне всем телом.

Глава 12

Выкарабкавшись из постели через полчаса, смешная и растрепанная, она вскрикнула в жалобном ужасе:

— Ой, такси будет через четверть часа! А я еще не привела себя в порядок! Это ты виноват...

— Конечно, — согласился я с готовностью, — всегда во всем виноваты мужчины. Хотя вообще-то миром рулят женщины. А твоя машина?

— Сразу отослала на заправку, — сообщила она, — а потом в мастерскую, что-то электрика начала отключаться, а сама я не умею...

— Это поправимо, — сказал я умно, будто разбираюсь в машинах, хотя для меня главное дости-

жение, что знаю, как открывается дверца, а в самой машине вполне сносно нахожу бардачок.

Не слушая, она умчалась в ванную, слышно было, как зашумела вода, что-то упало, выскочила буквально через минуту. Иногда женщины успевают привести в себя в порядок моментально, такое удается редким женщинам, просто редчайшим, и Катенька одна из таких шустрейших.

Я сказал с сочувствием:

— Может быть, все-таки махнешь на него рукой? Переезжай ко мне. Не думаю, что буду мужем хуже, чем он.

Она ответила по-взрослому рассудительно:

— Но он все-таки муж... хоть и по временному контракту. Если бы у тебя было решающее преимущество, то да, переехала бы, женщины обязаны быть расчетливыми, а я так стараюсь, так стараюсь!.. Он меня тоже любит, как и ты. И я его тоже люблю. Он хороший... временами. Даже замечательный! Как и ты.

Я кивнул, она знает про мою нейродистрофию, но оба не затрагиваем эту тему, хотя, думаю, такое известие повлияет на решение любой женщины.

— Ладно, — сказал я, — беги, мой бурундучок...

Она привстала на цыпочки, поцеловала меня в губы и выбежала из квартиры.

Я некоторое время бездумно смотрел, как на экране домофона быстро удаляются красные огни такси, со вздохом вернулся на кухню.

Все понимающий кофейный автомат, соединенный по сети с другими гаджетами дома, посмотрел на меня и приготовил большую чашку латте, это компромисс с домашним эскулапом, что скачивает устаревшие рекомендации, в которых кофе запрещено, тем более на ночь, жирное не есть, сахар не употреблять...

Наверное, наступает такой момент, когда в самом деле хочется, чтобы в квартире появилось еще какое-то существо, что будет ждать, радоваться возвращению с работы, бросаться на шею, радостно верещать...

Звонок вызова прозвенел так резко и неприятно, что я вздрогнул, а шерсть на руках вздыбилась в ожидании неприятностей. Экран остался темным, что означает — кто-то пытается связаться со мной из числа неизвестных.

Поколебавшись, все-таки уже почти ночь, я буркнул:

— Фото.

На экране моментально возникло взволнованно-решительное лицо старшей детективщицы, фигура в стремительном полуобороте, мышцы красиво напряжены, как у хищного зверя, готового к прыжку.

Еще через секунду, поддавшись любопытству, я пробормотал:

— Ладно... связь.

Фото сменилось движущейся картинкой в реальном времени, волевое лицо Ингрид обрисовано светом мелькающих фонарей, выглядит еще резче, контрастнее, тени глубже, нос, как у римского императора, а нижняя челюсть выдвинута в вызове всему миру.

Судя по мелькающим зданиям с той стороны окна, она мчится по Ленинскому проспекту, ладони на баранке руля, не может просто сидеть и терпеливо ждать, когда доставят на место назначения.

Услышав щелчок связи, бросила беглый взгляд на дисплей.

— Не спишь?.. Похоже, это ты грабанул.

Голос прозвучал злой, раздраженный, а еще это знаковое «ты», что значит перешла какую-то грань,

еще не понял какую, то ли я стал ближе, то ли, напротив, оказался преступником, которого надо взять и повязать, а потом уже связанного попинать ногами, иначе зачем и служить в полиции, если не позволять себе таких маленьких радостей.

— Новые данные? — поинтересовался я подчеркнуто сонным голосом.

— Да, — сказала она сердито. — Я просмотрела записи с видеокамер. Готы первыми напали на байкеров, что странно, обычно те их гоняют и бьют, но не это важно.

— Ну-ну, — подбодрил я. — Ты посмотрела время и обнаружила, что драка отгремела именно в те минуты, когда сперли деньги?

Обращаться к ней на «ты» показалось куда естественнее, чем раньше, она тоже это проглотила легко и ответила быстро:

— Не совсем. Драка на десять минут раньше. Так что связи может и не быть! Но ты заразил меня своей паранойей. И сейчас еще просматриваю эту драку, она в записи двенадцати видеокамер, но что-то в ней не то.

— Ненстоящая?

— Настоящая, — отрезала она. — Разбитые морды, два зуба на земле, порванные куртки... Но как-то все не совсем так. Да, у полицейских тоже есть чутье!

— Да и опыт, — подсказал я, стараясь, чтобы за комплиментом не было видно ехидства. — Наверное, рукомашество видишь не впервые.

Она сказала совсем зло:

— Подумаешь, угадал!.. Я же знаю, не угадал, а просто сам все организовывал. Теперь сдаешь подельников, чтобы не делиться с ними добычей.

— Точно, — сказал я пораженно. — Как ты меня точно раскусила! Все верно, лучше поделиться

со следствием, чем с бандитом всяким. Полиция и крышу обеспечит, и пристрелит того, кто вдруг разинет рот на такие деньги... Что-нибудь еще случилось?

— А что искать? — сказала она зло. — Ничего общего!.. Ты сейчас где?

— В постели, — ответил я, — где еще быть ботанику? Это вы все по ночным клубам... или в подпольных рестлинг-клубах, где бои без правил...

— С тобой кто-то сейчас лежит?

— Сейчас не лежит, — сообщил я. — Заглянула одна, но ночевать не осталась... Так что приезжай. Уже вижу, что тебе возжелалось.

Она поинтересовалась еще злее:

— А что я хочу?

— Рано утром выехать на место той драки, — ответил я. — И вместе со мной осмотреть. Вдруг да удастся за что-то зацепиться.

— Свинья, — буркнула она сердито. — Через двадцать минут буду.

— Оставлю дверь открытой, — ответил я. — Когда полезешь под одеяло, сильно не пихайся, я нежный. И сплю чуток.

— Попробуй не проснуться, — пригрозила она и сразу отрубила связь.

К ее приходу я велел кухонному комбайну нажарить молодой телятины, сам проследил, как готовится в другом отделении, а кофейному аппарату велел быть в готовности, то есть убрать отходы, наполниться водой до черточки и засыпать кофейных зерен под завязку.

Вообще-то отходы приходится убирать самому, но я приспособил сбоку тазик, и когда емкость в самом кофейном агрегате переполняется, то убирать

не спешу, излишки просто вываливаются в таз, а я его опорожняю раз в неделю. Зерна тоже поступают прямо из мешка, а вода подключена к водоочистителю на водопроводном кране.

Домофон по последнему разговору уже понял, кого именно жду, и когда полицейский автомобиль показался в поле зрения еще на улице, тут же сообщил о нем, а затем следил, как тот сворачивает к дому, где еще должен найти место на запруженной к ночи стоянке.

Впрочем, полицейский автомобиль имеет право припарковаться и на газоне, что Ингрид преспокойно и сделала, даже не пытаясь отыскать более цивилизованное место.

Аппаратура на подъезде нашего дома новейшая, статная фигура Ингрид выглядит так, будто наблюдаю за ней через окно с раскрытыми створками.

Я рассматривал ее резко очерченное лицо с грозно сдвинутыми бровями, пока не подошла к входной двери, — та распахнулась по моему жесту.

Ингрид вошла в холл, буркнула в сторону домофона с подчеркнутой неприязнью:

— Ага, не спишь? Трясешься в ожидании неминуемой кары?

— Только по голове не бей, — попросил я трусливым голосом. — Вы в полиции ею едите, а я зарабатываю своим жалким трясущимся мозгом.

Она хмыкнула, консьержка проводила ее боязливым взглядом, хотя даже у полиции должна проверять документы, но я понимаю, почему при взгляде на эту Зену, королеву воинов, такое желание пропадет и у более решительных.

Я вышел на площадку к лифту, дверь в мою квартиру распахнута, оттуда льется яркий свет много-

рожковой люстры и катятся тяжелые мощные запахи жареной телятины.

Она шагнула через порог, щурясь от яркого света, буркнула сварливым голосом:

— А сказал, что спишь. А вот враг не спит!

— Враг никогда не спит, — подтвердил я. — Есть будешь? А то мне ложиться на пустой желудок не рекомендовали.

— Раз не рекомендовали, — согласилась она, — значит, поем. У тебя уже чем-то вкусным пахнет, что странно, ты же ботаник.. Должен есть одну лишь травку, не трогать и козявку.

— Твоя телятина пахнет, — сообщил я. — Тебе надо есть много, а то бицепс на целый миллиметр сдулся!

Она поморщилась.

— Что значит «моя»?

— Для тебя, — уточнил я. — Что к словам зря цепляться? Грамотность свою показать хочется? Все и так знают, наша полиция — самая грамотная в мире. И толерантная. У вас в отделении как с толерантностью? Ладно, не отвечайте, уже знаю.

Она молча и с надменно задранном носом вошла в комнату и сразу проследовала в ванную. Там послышался плеск воды, что-то загремело, напор воды стал вроде бы мощнее.

Я принялся торопливо вытаскивать уже второй раз за вечер яства из гриля и духовки. Все настолько смачное, вот уже снова за ребра кусает острый голод, да что это со мной, какие-то странные команды подает моя неверно сросшаяся ДНК. Наверняка из-за сбоя распорядилась насчет набора мышечной массы, а происходит это как-то слишком уж ускоренно, хотя что я жалуясь, вся жизнь ускорила.

От левой стены донесся горестный возглас, там огромный экран метра три на два, прямо в центре рушится под ударами таранов огромная каменная башня, с самого верха сбрасывают камни и льют горячую смолу, но, похоже, снести башню все-таки успеют...

Я шевельнул пальцами, камера взлетела под облака, теперь под тихую музыку с высоты птичьего полета видно весь город, а от него дороги в лес и к рудникам, где лесопилки, шахты, плавильни, а также оружейные, это чтобы далеко не перевозить слитки, логистика должна быть даже в Средневековье. За стеной города еще и сельскохозяйственные фермы с коровами, овцами, свиньями и всякой разной домашней птицей.

Мастерские по выделке шкур, а из них — кож, тут же на окраине города, чтобы не душить горожан неприятным запахом. Там же склады, конюшни и всякого рода амбары.

Это знаменитая байма, «Knight and Merchants-3», у меня самая апгрейденная, а городишко уже не городишко, а огромная столица могучего и богатого королевства.

Когда-то Мацанюк вложил средства в стартап одного из членов своей старой команды, тот взялся разрабатывать баймы нового поколения, где персы могут обходиться без игрока. В том смысле, что игрок может играть от начала и до бесконечности, управляя персонажами, а может поставить управляющего, который и следит за развитием, но, конечно, в любой момент игрок может вмешаться, взять контроль на себя и всласть порулить событиями.

Успех «Knight and Merchants-3» привлек внимание играющих и окрылил создателей. Сейчас в производстве сразу три таких баймы, но мне пока и

«Knight and Merchants-3» хватает. Средневековый город захватывает всю стену, работающих сперва были десятки, потом сотни, а сейчас уже тысячи, я даже не рискую вмешиваться в технологические процессы, чтобы ничего не нарушить, а иногда только указываю, на кого напасть и где пограбить караваны.

Бесконечное великолепное кино, можно играть, можно только смотреть, можно вывести на экран новый фильм, а «Knight and Merchants-3» останется в теновом режиме, можно вернуться к байме через несколько недель и увидеть, что твой город либо развился до новых технологий, либо с трудом отбивается от монстров и лесных разбойников, постепенно деградируя и возвращаясь в первобытно-общинный строй.

Хлопнула дверь ванной, Ингрид вышла заметно посвежевшая, умытая, хотя ее красота хищного зверя ничуть не поблекла, даже стала ярче, и теперь она не Ингрид, а Зена, королева воинов. Или даже Боудикия, королева варваров.

Бросила злой и высокомерный взгляд на стену, сумела наморщить нос, а раньше я думал, так могут только курносые.

— Никогда не понимала тех, — произнесла с холодком, — кто играет. Это же какая потеря времени!

— Точно, — согласился я. — Правда, статистика утверждает, что играющие работают не меньше, чем неиграющие вовсе, а продукции выдают даже больше, но кто этой проклятой госдеповской статистике верит, прислужнице империализма?

Она опустила за стол, вскинула на меня вопрошающий взгляд.

— И на ночь не выключаешь?

— Зачем? — изумился я. — Просто звук вырубает на время сна. А потом он сам врубается по будиль-

нику. Зато как проснулся, сразу все на виду. Садись, вот телятина, даже с гарниром!.. Перец, соль, аджика, васаби...

Она опустилась за стол, придирчиво посмотрела на мою тарелку.

— А тебе телятину можно?

— Желаешь и мою отобрать? — поинтересовался я. — В духе нашей самой миролюбивой и гуманной?.. Или это рейдерский захват?

— Пока не решила, — сообщила она. — Посмотрю, как пойдет эта.

— Верно, — согласился я. — Чего церемониться? Пойти в полицию, что ли?.. Какие привилегии, какие привилегии в нашем полицейском государстве...

Глава 13

Я даже не стал смотреть, как будет расправляться со своей порцией, а то в самом деле потом ухватит мою, взялся за пожирание настолько профессионально, что, думаю, мог бы выступать на каком-либо конкурсе в Западной Европе. Там у некогда цивилизованных и культурных наций только эти развлечения и остались, простые, демократически понятные и приятные.

Она время от времени бросала острый взгляд поверх тарелки в мою сторону, но не отвлекалась от более важного, что есть еда, хоть секс может поспорить насчет важности, так как ему не мешает ни голод, ни даже острая зубная боль.

Расправившись с телятиной, она чуть замедлила темп, по сторонам не смотрит, такие люди охватывают все одним взглядом и держат в памяти все ме-

лочи, я же подозреваемый, хотя и не единственный, но она, как вижу, допускает идею, что веду какую-то странную игру по запутыванию следствия, направляя по ложному следу.

— Пирожные? — спросил я. — Смотри какие крохотные, как твои сиськи.

Она сделала вид, что не услышала такое художественно-кулинарное сравнение, посмотрела на пирожные, потом на меня.

— А ты что, — поинтересовалась она с сарказмом, — такие сладости употребляешь? В самом деле? А как же диабет?

— Мне можно все, — сообщил я кротко. — Ученые вне вашей картинной брутальности. Мозгам сладкое, что высокооктановый бензин автомобилю. Но силовым ведомствам, понятно...

Она перебила:

— Подай вон тот коржик! Его хватит.

Я придвинул в ее сторону блюдце с горкой сладких коржиков, хрупких и рассыпчатых, сам сожрал четыре этих крохотных пирожных, а потом, поколебавшись, ухватил и пятое, нечего ему одному оставаться в коробке, скучать будет без товарищей.

Она сказала со странным выражением:

— Ты как спецназовец.

— Чё-чё? — переспросил я.

Она указала взглядом на кухонные полки, где у меня выстроились пакеты с продуктами долгосрочного хранения.

— Почти все в сухих пайках, — пояснила она. — Чтоб не возиться, да?

— Не знаю, — ответил я с достоинством, — как там у вашего спецназа, но у доктора наук могут быть и поинтереснее занятия, чем возиться на кухне.

— Хорошие запасы, — сказала она с одобрением. — Можно месяцами сидеть за микроскопом и не выходить в магазин.

— Неплохие, — согласился я сдержанно. — И все на месте. Не приходится искать, как твои сиськи, которых Андрей Волконский точно бы не нашел.

Она поморщилась.

— Что это тебя заклонило на моих сиськах? Вот, пожалуйста!.. Что, совсем не видно?

Она рывком задрала маечку. Я в самом деле посмотрел добросовестно, раз уж напросился, искал взглядом, к чему придраться, а она, ощутив, в какой нелепой позе застыла передо мной, сердито сняла майку вовсе и чисто мужским жестом швырнула на спинку стула.

— Вообще-то видно, — сообщил я вынужденно. — Если присмотреться... Нет, размеры, конечно, впечатляют... Третий номер? Но вот бицепсы четвертый, а то и пятый... Потому да, на их фоне сиськи проигрывают.

— Ну вот и хорошо, — отрезала она. — Бицепсами горжусь больше. Их качать труднее. А сиськи что, сами отросли! Маме спасибо, я ни при чем.

— Сиськи тоже накачаны, — уличил я. — Вот здесь наклонная штанга чувствуется, верх подрезала разведениями... Что так смотришь? Я тоже качался, вон в кладовке штанга и гантели. У тебя кач чувствуется, иначе бы чуточку опустились, как у всех, а у тебя сейчас как будто из холодного мрамора ювелир вытачивал! Не колыхнутся.

— И не надо, — ответила она холодно. — Пусть у других трясутся. Вон там на заставке твоя подружка?

— Она, — согласился я. — Упорхнула, увы.

— Хорошенькая, — проговорила она оценивающе. — Только у нее, если не подводит глазомер, вообще второй, а то и вовсе первый номер.

— С ее ростом вполне, — возразил я задето.

Она фыркнула.

— Любишь маленьких женщин?

— Обожаю, — признался я. — А кто их не любит? Мужчина с маленькими женщинами чувствует себя сильнее, умнее и даже мужчиннее.

Она скривилась.

— А я вот маленьких мужчин не люблю.

— А что любишь?

— Телячью отбивную, — ответила она. — Кстати, готовишь прекрасно!.. Взять к нам в управление поваром, что ли?.. Зарплата, конечно, поменьше, чем у вас, зато сможешь ставить на крышу мигалку и гнать во всю дурь, а другие будут уступать дорогу.

— А дубинкой по ребрам смогу?

— Тоже можно, — разрешила она. — Иначе какое удовольствие служить в силовых ведомствах? Власть, данную нам законом, нужно применять себе в радость и населению на пользу. Это называется гармония личного и общественного. Как и должно быть в развитых обществах тоталитарной демократии нового образца.

Я подумал, сказал в растерянных чувствах:

— Надо обдумать.

— Да что думать, нужно соглашаться!

— Предложение очень интересное, — сказал я. — Надеюсь, возвращать двенадцать миллионов не обязательно?

— Нет, — ответила она великодушно. — Но поделиться придется. С вышестоящими. Чтобы и на будущее крышевали. Где их спрятал?

— Э-э, — ответил я, — не так сразу!.. Мы еще ни о чем не договорились. Если из статуса одиночки перехожу в организованную преступность, кем является власть, я должен с таким солидным взносом выторговать себе достойное место... Вообще-то ты права, сиськи у тебя классные, признаю. Это меня наросшая вокруг них мускулатура отвлекала.

Она фыкнула.

— Мужчины!.. Вроде бы доктор наук, а туда же, на мускулы смотрит, со своими сравнивает ревниво... Вот так и рушатся светлые детские мечты об ученых, как светочах разума, духовности, источниках великих открытий, незапятнанности побуждений...

— Побуждения у всех одинаковые, — возразил я задето. — Но мы, ученая кость, отличаемся от силовых структур уже тем, что умеем пользоваться столовыми приборами и держать сексуальные побуждения под контролем.

Она посмотрела свысока.

— Кто-то, насколько я помню, мечтал о сексуальном насилии?..

— Ой, — сказал я в испуге, — а можно перемечтать?

— Поздно! — отрезала она громовым голосом.

Глава 14

Жалобы, что я больной ботаник, не помогли, с властью не спорят, а она олицетворяет власть, да еще какую, так что лежать пришлось не под стенкой, а посредине. Вообще-то я сказал вовремя, что побуждения одинаковые как у докторов наук, так и у силовых структур, хотя это два полюса, наш отличается большей дисциплиной разума, но, как ска-

зал еще Уайльд, проще бывает поддаться соблазну, чем сопротивляться ему, тем более что от силовых структур мы отличаемся всего лишь лучшим развитием коры головного мозга, а от всего остального... к примеру, от жареной телятины, удовольствие получаем одинаковое.

Наконец она упала со мной рядом и спросила с выдохом:

— А ты вообще... в самом деле... доктор наук?

— Самый настоящий, — ответил я совсем незапыханный, трудиться почти не пришлось. — Свеженький, только-только защитился. Еще даже не обмыл... На вечеринке по такому случаю вылезешь из торта?

Она сказала благосклонно:

— Не знала бы, что ученый, решила бы, что мужчина... Вполне так, даже странно как-то. Будто меня обманули. А когда покажешь диплом доктора, разрешат даже лекции студентам читать?

— И сейчас могу, — заверил я. — Только некогда.

Она сказала недоверчиво:

— Доктор наук... это же профессор? А профессора все старые, дряхлые, ходят с палочками...

— То старшее поколение, — пояснил я. — А сейчас если к тридцати не доктор, то остаешься на третьих ролях, подай да принеси, почеси... Кстати, почеси.

— Хватит, — отрезала она. — Надо выспаться, с утра начнем искать тех, кто все это затеял. Надеюсь, не всполошатся и не залягут на дно. Все-таки нити обрублены благодаря некоторым то ли криворуким, то ли агентам госдепа.

— Плюс пятой колонне, — подсказал я.

— Вот-вот, — согласилась она. — И это тоже висит на тебе тяжелой гирей. Здорово гнетет?

— Здорово, — согласился я. — Ладно, только не лягайся. Я же доктор наук, должна понимать! Мы нежные.

Она фыркнула.

— Чего?.. Это ты нежный? Такой грубой свиньи я еще не видела!

— Старался соответствовать, — объяснил я туповато. — Ты же представитель власти, ты ж по-другому, наверное, и не поняла бы... я ж для тебя старался.

— Ага, — сказала она саркастически, — даже хрюкал, свинья такая... Спи!

Она отвернулась и попыталась стащить на себя две трети одеяла, но я же доктор наук, умный, значит, предусмотрел все и потому зажал край под своей задницей, а когда она перестала дергать, поняв, что ее попытки обречены, и затихла, обнял ее со спины, объяснив шепотом на ухо, что это я в поисках того, что искал когда-то бравый поручик у Наташи Ростовой.

Для поколения моей бабушки и моего дедушки совместная ночь с женщиной под одним одеялом что-то да значила бы, даже для моих родителей, но мы уже в другом мире. Для нас, нынешних, ночь под одним одеялом всего лишь ночь под одним одеялом, а что попутно повязались, так это такой пустяк, что и упоминания не заслуживает.

Однако ночь под одним одеялом в некоторой степени знакомит, даже сближает, как это ни звучит высокопарно, и утром мы поднялись, как уже супруги, прожившие десяток лет.

Собственно, все мировоззрение и свободы в личной жизни сейчас направлены на то, что все мы — семья, все человечество, и потому с каждым можно и нужно вступать в доверительные отноше-

ния. А секс — это одна из составляющих для доверия, не самая главная, кстати.

Проснувшись, я прислушался к ее дыханию, а она произнесла трезвым голосом:

— Я уже пару минут не сплю. У тебя здесь уютно. Не думала, что одинокие мужчины тоже умеют устраиваться.

Я спросил в изумлении:

— В самом деле?

— Точно.

Я пробормотал:

— Тогда не представляю, что творится у тебя.

— Грубиян.

Не дожидаясь ответа, выскользнула из-под легкого одеяла. Я провожал взглядом, пока не скрылась за дверью душевой, потом только слез с постели, прислушался к себе.

Никакой слабости, никакой мышечной боли, только в голених малость крепатуры, вчера много ходил, непривычно, но рассосется через несколько минут. А вот пожрать...

Во время сна малость потерял контроль над корой головного мозга, которой похвастался перед сном, перед глазами снова, на что ни взгляну, мелькают цифры, графики и ссылки на гиперссылки.

Пришлось сесть на край кровати и несколько минут взнудывать те отделы, что выдают информацию без спроса. Как раз это «без спроса» и есть главный путь к сумасшествию, а пациенты психиатрических дурдомов — это люди, которые не могут справиться с тем, что мозг выдает сам, минуя фильтры.

Хлопнула дверь душевой, я покосился на ее атлетическое тело, это же Афина Паллада, что вроде бы назначена богиней мудрости, но почему-то постоянно носилась с копьём в руках, остервенело

участвовала во всех войнах и постоянно дралась на равных с Аресом, грозным богом войны.

Она хмыкнула:

— Еще не проснулся?

— Почти, — ответил я сиплым голосом. — Щас дерну кофейку и буду человеком...

— А сейчас кто?

— Помесь ленивца с полицейским...

Она прошествовала мимо на кухню и принялась готовить завтрак, все как положено, основные поведенческие реакции никто не отменял. Женщина остается женщиной, даже если кухни и мужчины в современном мире постоянно меняются, все равно в постели со всеми принято вязаться, а на кухне готовить.

Я взял с поддона кофейного автомата чашку с горячей темно-коричневой жидкостью, сел за стол и сделал вид, что просматриваю в Интернете данные, ищу как бы.

Конечно, уже давно просмотрел все, что имеет хотя бы крохотные связи с этим делом, но время надо убить и сделать вид, что тружусь на общее благо, даже подумал, что вообще-то мы все делаем вид, что трудимся на общее, а на самом деле...

С утра солнечно и жарко, на кухне она в том, в чем спала, что значит — в броне бодибилдерской мощи, я смотрел то на ее мышцастую мускулистую спину с широкими плечами, что красиво сужается книзу и переходит в тугую талию, а та опирается на вздутые ягодичы, настолько совершенные, что уже и не жопа вовсе, а тугие полушария идеально подогнанных мышц, чуть-чуть прикрытых плотно натянутой тонкой кожей. Не жопа, а произведение искусства, подлинный образец для шедевральной кисти Леонардо.

Она оглянулась, я успел увидеть взлетевшую в ироничном изумлении бровь.

— Ты что там сопишь?

— Крылья у тебя хороши, — заметил я с одобрением.

— Что-что?

— Не те крылья, — пояснил я, — что крылья, откуда они у полицейских, а широчайшие! Красиво так это идут вниз и смыкаются с косыми, где переходят в задницу... в смысле, большую и среднюю мышцу задницы. Большая у тебя развита хорошо, хотя и похожа на дельтавидку на руках...

Она буркнула не оборачиваясь:

— Теперь хватает часа в тренажерке, чтобы поддерживать.

— А сперва было тяжело?

Она сдвинула плечами, отчего мышцы красиво пошли волнами, перемещаясь, тесня одна другую и даже как бы эротично заползая одна на другую.

— Не тяжело, но пять часов в день отнимало.

— А я лучше и один час на диване полежу, — сообщил я. — А пять так вообще...

— Не брешь, — отрезала она безжалостно. — Ты не ложился на этот диван вообще. Куплен пять лет тому, а все как новенький. Ты из тех, кто вкалывает круглые сутки, но рассказывает, что смотрит футбол и бокс.

— Не рассказываю, — ответил я мирно. — Некому. У меня и коллеги такие же, нележалые. Нам врать друг другу незачем. Тебе, другое дело... Икры и двуглавая накачаны приседом, а камбаловидная и латеральная чем, велосипедом?

Она отвернулась к плите, позвякала там женскими непонятностями.

— Некогда велосипедами. Тренажеры. Только

тренажеры. Они у нас даже в участке. Тебе тоже, кстати, не помешали бы.

Я фыркнул.

— Это говоришь человеку, который с точностью до месяца знает, когда будем менять тела целиком на синтетические?

— Что, — спросила она с недоверием, — в самом деле с такой точностью?

— С точностью до года, — уточнил я. — Плюс-минус. Если бы простой народ и полиция, что едины с народом, знали, что их ждет, все качалки мира бы опустели.

— А что нас ждет?

— Не скажу, — отрезал я мстительно.

— Тогда скажи, — потребовала она, — что ждет сегодня.

— Накопал не много, — сказал я, — но что-то наклеывается.

Она повернулась, блистающая и прекрасная, в самом деле богиня Афина, у которой из одежды были только шлем и копье, только этой не нужна такая допотопная хрень, когда вот в кобуре многозарядный пистолет.

— Что?

— Сперва поедим? — предложил я.

— Какой же ты жрун, — сказала она с неудовольствием. — Почему мужчины всегда жрут?

— Потому что субдоминанты кушают, — ответил я. — Ты что, бекон жарить?.. Ладно, люблю все вредное. Тащи быстрее на стол, слюнями захлебнись.

— Сейчас, еще две минуты.

На той стороне кухни по жвачнику под бравурную музыку из трех нот, больше для среднего человека невыносимо сложно, идет очередное шоу с угадыванием городов по каким-то примерам. Чув-

ствуется, все расходы оплатили туристические фирмы. Ведущий задает вопросы о каких-то улочках, достопримечательностях, в зале несколько тысяч человек зрителей, а еще десятки миллионов жадно столпились у экранов в своих квартирах.

Наконец какая-то дура сумела назвать Марсель. В зале подняли радостный крик, а ведущий провозгласил так ликующе, словно добился бессмертной жизни для всего человечества:

— Вы получаете второй приз в три миллиона долларов!.. Поздравляем! А мы продолжим соревнование за главный приз в десять миллионов!

Она покосилась в ту сторону.

— Дуры.

— Все верно, — ответил я с горечью, — не на сраную науку же тратить. Пусть еще одна демократка закупит на пять миллионов туфель и на пять платьев... Прости, что задел.

Она поморщилась.

— У меня одна пара туфель с высоким каблуком, да и те не ношу. Рост не позволяет. А в кроссовках и бегать не так смешно.

— Я когда говорю про дур, — уточнил я, — то не обязательно имею в виду тебя. И даже полицию. Во всяком случае, не во всех случаях. Ты вполне хорошо соображаешь... для женщины, конечно.

— Ну спасибо. Ты как к рыбе относишься?

— С пониманием, — ответил я. — И уважением, все-таки наши предки, а сейчас уважение к традициям снова в тренде.

— Семга была нашим предком?

— А она была кистеперой?

— Вряд ли, — рассудила она, — у этой плавники.

— Тогда ей не повезло.

— Хорошо, на второе филе из семги. А на пер-

вое, конечно, мясо. Мы, бодибилдеры, без мяса, как Ромео без Вероны. Или как вы, яйцеголовые, без шоколада.

— Знаешь, — удивился я.

— А то!

Она переставила с плиты на стол сковородку, я помог переложить мясо на тарелки. За стол она села эффектная и красивая, я поймал себя на том, что в самом деле люблю ее прямыми плечами со вздутыми дельтами, резко очерченной грудью, настолько твердой, что почти мрамор, а лицо так и вовсе безукоризненно, словно программисты отрендерили модель для эльфийки, но пришел приказ срочно переделать на женщину-воина, потому поспешно добавили угловатости черт, выдвинули подбородок, приподняли и чуть расширили скулы, но кожа все так же натянута настолько туго, что ее и нет вовсе, а на морщинки никогда и не будет даже намек.

— Что смотришь? — спросила она с подозрением.

— Кто-то из древних говорил, — ответил я, — что нет ничего на свете прекраснее скачущей лошади, клипера под всеми парусами и танцующей женщины. Жаль, танцевать не умеешь.

— Ага, — ответила она с сарказмом, — надейся...

— Все хорошо, — сказал я, — только имечко у тебя больно... айсбергистое.

Она приподняла густые смоляные брови.

— В смысле?

— Холодное, — пояснил я и поежился. — Могли бы дать имя и потеплее. Ну там Маргарита, а то и вовсе Марго, или Макавея... От тех так и веет теплом.

Она отрезала холодно:

— Мир размяк от избытка тепла и соплей. Пора остудить. Вон те кровяные колбаски возьми. Они,

правда, с перцем, но если у тебя желудок в порядке...
Что у меня не так?

— Все так, — сказал я поспешно. — Просто все еще смотрю на тебя, как на произведение искусства. Архитектурное. Монументальное.

— То-то ты его старательно поганил, — буркнула она. — Как дикий варвар в Риме. Ешь быстрее, мне на службу.

— Сегодня не выходной?

Она сдвинула плечи, из-за чего наконец-то обе груди чуть сдвинулись, не меняя формы, и тут же вернулись на свои места.

— Не хочется оставлять дело на полпути. У меня же кабинет не опечатали.

— Какое полпути, — сказал я. — Как ни сужай круг, но если нет даже косвенных улик...

Она спросила живо:

— А какие есть?

— Никаких, — сообщил я. — Есть только предположения, кто может за этим стоять.

— Кто?

— Кто заинтересован, — пояснил я.

— И кто же?

Я развел руками.

— Вообще-то заинтересованы все на свете... за исключением религиозных фанатиков и психопатов, но если отсеять просто заинтересованных от тех, кто не просто заинтересован, но и смог бы...

— Ну-ну!

— Круг сузится, — сказал я. — За несколько сотен лет можно перебрать всех. Если, конечно, подключить к этому человек так это с миллиончик. А то и полтора.

Она нахмурилась.

— А что тебе говорит интуиция? Если уж начал

сдавать сообщников, то давай имена, явки, клочки... А я выхлопочу послабление. И место на нарах поближе к окошку.

— Могу составить список, — предложил я. — Но... ни ордера тебе не дадут, ни каких-то зацепок. А просто поговорить... это если сами с тобой изволят. Сумеешь как-то заинтересовать? Ну там сиськи покажешь... или что-то как-то, но чтобы пинком в зад не совсем уж сразу?

Она подумала, подвигала бровями.

— Там увидим. К кому едем?

— В ваш полицейский участок, — ответил я и подумал, как быстро она передала мне вожжи. То ли решила, что люди из загадочного мира ученых в самом деле лучше во всем разбираются, то ли убедилась, что у меня бывают озарения, способные сдвинуть, а то и ускорить поиски злоумышленников. — На вашем сервере все преступники в базах?

Она кивнула.

— Естественно.

— И, как догадываюсь, — сказал я, — заодно и все население нашей богоносной страны и прочие к ней прилегающие, вплоть до Кунгуринии? Ешь быстрее, а то как ворона на ветке перед лисой...

— Это как?

— Все жду, — сказал я любезно, — когда каркнешь.

Глава 15

Автомобиль, только заведев нас на крыльце подъезда, поспешно распахнул обе дверцы. Полицейские машины приучены экономить драгоцен-

ные секунды, которые люди все равно просрут в привычном для них разгильдяйстве.

Мы сели в машину, королева воинов небрежным взмахом руки забросила на крышу мигалку. Окрыленный привилегиями, автомобиль понесся легко и свободно, как ястреб среди шарахающихся в стороны воробьев.

Заботливый навигатор сообщил о срочной новости и вывел на боковую панель кадры заседания Госдумы.

Я вздохнул с некоторым облегчением. Не теракт, к счастью, не захват боевиками Халифата очередного города и массовая резня там, а всего лишь голосование насчет увеличения возрастного ценза с двадцати пяти лет до тридцати. В самом деле, каждый из нас с каждым годом становится если не умнее, то хотя бы мудрее, уже не так с плеча судит, понимает, что не все так просто, как кажется восемнадцатилетнему...

Довод вроде бы верный, но тут же в Думе завязалась горячая дискуссия на тему, как подать такое населению. Сказать вот так в лоб молодежи никто не осмелится, мы же сами всегда были и в двадцать лет уверены, что все знаем и готовы править миром, в пятнадцать лет готовы были принять на свои плечи звание Мирового Правителя, и даже в десять лет полагали, что знаем и умеем больше родителей...

Нужно будет, предложил депутат Пилипенко, запустить в массмедиа авторитетное мнение ученых, что человек теперь живет дольше за счет того, что вся его жизнь удлинилась, а не только старость, в двадцать лет человек все еще подросток по нынешним временам. Это во времена Пушкина была мечта «успеть увидеть внуков», а сейчас в том возрасте еще только женятся!

Так что, дескать, право избирать президента нужно отодвинуть в район тридцати-сорока лет, а самим баллотироваться на этот высокий пост только с шестидесяти.

Она увидела, что я поглядываю на экран с некоторым интересом, спросила с понятным скептицизмом:

— Думаешь, пройдет?

Я сдвинул плечами.

— Молодежь будет против.

— И что?

— Вот именно, — ответил я. — Ее и раньше не слушали, а сейчас она впервые в меньшинстве. В США не успели с подобным законом, прохлопали ушами, а надо было равняться на Россию! Так что на следующих выборах у них точно выберут мусульманина на пост президента страны. Вот-вот, мусульман, достигших избирательного возраста, в США уже пятьдесят четыре процента!

Она пробормотала:

— У нас мусульман пока недостаточно для такого разворота. Хотя да, становится все больше... Тебе нужен полицейский сервер?

— Да.

— Могу подключиться, — сообщила она с надлежащим высокомерием. — В полицейских машинах защищенный канал.

— Ого, — сказал я, — насколько защищенный?

Она ответила с тем же высокомерием:

— Может быть, и не так, как красная линия президента или шахты межконтинентальных ракет системы «Мертвая Рука», но... достаточно.

Я смолчал, лично мне не пришлось даже взламывать их защищенную систему, ее не рассчитывали на таких, как я. Фаерволы попросту не увидел, сра-

зу пробежал мысленным взглядом за долю секунды все-все записи, просмотрел фото и отметил некоторые, как примечательные.

Она на ходу подключилась к полицейскому серверу и вывела на экран записи камер, выбрав тех подозреваемых, на которых тогда указал я, а она поставила метки.

Я ждал, когда наконец придет к какому-то выводу, чтобы опровергнуть или согласиться, не дождался, звучно хлопнул себя по лбу и провозгласил:

— Ба, нашел!.. Вот тот голубчик!.. Посмотри, посмотри!..

Она сказала недовольно:

— Всех пересмотрела! Камень в окно бросил вовсе не он.

— Ты проследи за ним, — сказал я настойчиво. — Просто смотри.

Она хмыкнула, но перевела взгляд на экран, автомобиль пока что прет по навигатору, проблем с дорогой не намечается, а тот байкер в записи в самом деле ведет себя не по-байкерски, то ли стесняется, то ли высматривает, как нанести урон сильнее, но в драке почти не участвует, все отступает в тень, а там почти растворился в темноте... а через пару минут вынырнул совсем в другом месте.

— Просмотри через фильтры, — посоветовал я. — Похоже, он как раз нырнул в окно, что-то там спер, а потом вылез, как ни в чем не бывало. Все заняты дракой, на него даже в полиции не обратили внимания!

Она сдвинула плечами.

— В том помещении ничего нет. Мы уже проверили.

— Молодцы, — сказал я. — Не ожидал. Хорошая работа. А я вот по твоему компу посмотрел, что под

этим зданием проложен кабель, который питает и наш Научно-исследовательский центр!

Она дернулась.

— Шутишь?

— Ничуть, — ответил я. — Это уже больше, чем совпадение, верно?

Она закусила губу. Взгляд ее потемнел, наконец проговорила с неохотой:

— Да, связь какая-то есть... Хотя и не обязательно. А перебои с подачи энергии зафиксированы?

— Нет, — ответил я честно. — Да и не могло их быть.

— Почему? — спросила она. — Ах да, аккумуляторы. Автоматическое переключение?

— Именно, — ответил я. — По старинке, но надежно. Однако все-таки какая-то связь есть.

— Похоже, — признала она. — Только не пойму, в чем она.

— Я вообще-то догадываюсь, — сказал я скромно, — но это так, фантазии... Видимо, нужно заняться тем орлом, что проник во время драки в то помещение. Теперь понятно, что и драка была красиво поставлена хорошим режиссером?

Она поморщилась.

— Это пока только догадка.

— И что?

— На догадках обвинение не строится.

— Да, — согласился я, — но я не требую всех арестовать и сразу расстрелять, как у вас постоянно в подвалах вашего ГПУ? Догадки надлежит проверять, это строго научный метод. В науке впереди открытий всегда идут догадки. Часто такие наглые...

— Это да, — согласилась она, — насчет наглости наша наука впереди планеты всей.

— Вот и ты согласна, — сказал я, — как хорошо, когда женщина не спорит... так уж постоянно и с привычно диким криком.

— Ладно, — ответила она, — но все равно... если говоришь, что у вас не было перерывов в энерго-снабжении...

— Вроде бы не было, — признался я. — Но я не говорил, что не было точно. Я сказал, что лично я не заметил, но я не специалист в электросетях. В чем-то специалист, но там ты не оценишь, это же не палкой виртуозить по ребрам... Если бы вырубился мой компьютер или погасла настольная лампа, я бы как-то заметил. Может, не сразу, я бываю не всегда внимательным, но ты, к счастью, не замечаешь.

— Я все замечаю, — ответила она недобрым голосом, — а ты, значит, рассеянный мыслитель?

— Полагаю, — заметил я, — надо бы навестить нашего героя.

Она сказала резко:

— Сперва нужно узнать, кто он, где живет, вызвать ОМОН...

— Это Карагандинов, — сказал я, — возраст тридцать два года, здоров, мастер рукопашного боя, служил в ВДВ, в горячих точках не служил, после армии устроился в охранную фирму... Нужен адрес? Пожалуйста, улица Скобелевская, дом пять, квартира семьсот восемнадцать...

Она покачала головой, взгляд выразил уважение и настороженность.

— Ты быстр...

— В некоторых случаях, — согласился я со скромностью в голосе. — Быстрота нужна не только для ловли блох. За обедом тоже не мешает. Особенно, если с тобой из одной миски. Ну что, поворачиваем?

Она поколебалась не больше секунды, бросила на меня испытующий взгляд.

— Уверен?

— Это только гипотеза, — предупредил я, — а не аксиома. Скорее, лемма. Лемма — это...

— Заткнись, — оборвала она резко. — Вижу, в армии точно не служил. Болтаешь, как гуманитарий. Ладно, пройдемся согласно твоему научному методу.

— Умница.

— Хотя не верю всяким ученым, — сказала она недовольно, — это ж не силовые структуры атомную бомбу выдумали!

— Да, — покорно подтвердил я, — они ею только бросают в кого ни попадя.

Пришлось ухватиться за ручку, так круто развернула автомобиль, хотя до полицейского участка оставался всего квартал. Дальше я откинулся на спинку сиденья, впервые за очень долгое время наслаждаясь покоем и ясностью в черепе.

Хотя, конечно, приходится с некоторым усилием восстанавливать барьер, не давая прорываться в мозг всякой информации, что может утопить и ввергнуть в сумасшествие. Зато стоит взглянуть на что-то, вот, к примеру, на то здание, и сразу вижу всю его историю, начиная от года и дня постройки, личные данные архитектора, стоимость стройки, размер кирпичей, количество штук, перечень мероприятий, которые в нем проводились, ух ты, даже Максим Горький там бывал, это же почти памятник архитектуры...

Город все больше обожаю за его суперсовременные высотки, широкие магистрали и праздничность улиц. Хотя небоскребы начали строить еще в начале прошлого века, а стодвухэтажный

Эмпайр-стейт-билдинг посещал еще Маяковский, но потом к высотным домам то надолго падал интерес, народ предпочитал перебираться в небольшие коттеджики и таунхаусы, то снова что-то необычное выстреливало, но и теперь небоскребы во всех странах определяют архитектуру городов и остаются символом технической мощи и красоты хай-тековского мира.

Автомобиль мчится на дикой, как раньше бы сказали, скорости, но соединенные в одну сеть бортовые компьютеры выполняют свою работу ювелирно точно. Даже на тесных улочках автомобили проскакивают на встрече в двух сантиметрах один от другого. Насколько знаю, инженеры продвигают новый стандарт насчет одного сантиметра, что позволит что-то где-то и много сэкономить.

— А сама часто берешь управление на свою набодибилдеренную персону?

Она покосилась в мою сторону с неодобрением во взгляде.

— Зачем?

— Да просто так.

— Просто так не беру, — отрезала она.

— А не просто так, — спросил я. — По делу? У тебя же бывают дела? Хотя иногда?

— Беру очень редко, — сказала она коротко. — Ты вроде бы видел.

— Ага, — сказал я, — все-таки бывает. Когда на обгон?

— Когда преследую, — уточнила она.

— Понятно, — сказал я, — хорошо быть полицем. Обгоняй, нарушай, дави, стреляй... Вот это жизнь! А тут докторские защищаешь, от рака лекарства придумываешь, кому это нужно? Человек

должен жить коротко и весело, лишь бы успевал размножаться. Ты как насчет размножения?

Она даже не взглянула в мою сторону, взгляд прикован к быстро бегущей под колеса автомобиля ленте шоссе.

— Я размножаюсь.

— Ого, — сказал и посмотрел на ее граненый живот с кубиками под тонкой тканью, уже знаю, даже пересчитал, в самом деле восемь. — Прости, я не знал.

Она поморщилась.

— Я не беременная. Но у меня есть дочка. Ранний брак. Живет у моей мамы. Им так обеим нравится. А ты?

— Не знаю, — ответил я честно. — Мне проследить за своим потомством труднее. Может быть, много, а может, и нет вовсе.

Автомобиль стремительно взлетел на эстакаду, оттуда хорошо виден весь район, здесь как раз небоскребов особенно много, есть яркие и праздничные, есть солидно блестящие металлом, есть подчеркнуто индустриальные, мол, не для праздников эта планета, а для работы, как сказал великий нигилист. Есть такие, будто спроектированы и выстроены специально для туристов, настолько необычные, что вроде бы в таких ни жить, ни работать, а только аттракционничать.

Впрочем, и такие есть, туризм — неплохая статья доходов, ради повышения их доли стоит выстроить либо самое высокое в мире здание, либо самое причудливое по форме.

В этом Москва перестала отставать от прежде более богатого мира, а во многом по инерции погони за лидером и обогнала, так как запрягает медленно, ездит быстро, а потом обнаруживает,

что в гонку ринулась привычно по-расейски без тормозов.

Наша цель, высокий дом в сорок два этажа, выситя гордо и красиво в окружении зданий поменьше, похожий на лебедя среди стаи серых уток. Стоянка размечена цветными вставками в асфальт. Мне показалось, машины там недовольно покосились на автомобиль с полицейской мигалкой, полицию даже они не любят, но пикнуть не посмели, в демократическом государстве у силовых структур все права, и чем государство демократичнее, тем всесильнее полиция, как олицетворение абстрактной мощи гуманного народа и толерантного к насилию народа.

Она сказала властно:

— Говорить буду я!.. Ты вообще и не пидай.

— А пиццать можно? — спросил я. — Как красный слон?

— И пиццать нельзя, — отрезала она.

— Настоящая женщина, — сказал я с восторгом. — Давно мечтал такую...

Она обернулась, глаза грозно блеснули.

— Что-что мечтал?

— Встретить мечтал, — объяснил я. — Думал, такие только в сказках да в анекдотах, а тут вон все наяву. У нас будут завидовать счастливчику! Это я счастливчик, кто бы подумал... Мне же всегда с женщинами не везло.

Она поморщилась.

— Не повезет и на этот раз. Держись за моей спиной.

Я смерил взглядом ее прямые и широкие плечи спортсменки, спина прямая, как столешница.

— А что, будет перестрелка? Как здорово!

— За моей спиной, — повторила она. — И не высовываться.

Вблизи видно, что вообще-то обычная много-этажка, не старая, стандарт для недонебоскребов, эконом-класс, просто домики вокруг совсем мелкие, вот и кажется чем-то, чем не является. Воротилы в таких точно не живут, а если и появляются, то лишь для чего-то крайне темного.

Да чего вдруг, мелькнула мысль, это я туплю, воротилы вообще не появляются в людных местах. Так что здесь в лучшем случае те, кого воротилы отправляют с поручениями. А то и вовсе не воротилы отправляют, а мелкие служащие воротил отправляют совсем уж мельчайших.

Подъезд к дому замусорен, ступеньки выщербленные, а дверь, естественно, расписана густо, не всякую надпись прочтешь, а в наложенных один на другой рисунках можно увидеть, как в пятнах Роршаха все, что угодно, даже обладая не самым ярким полицейским воображением.

Ингрид распахнула дверь и почти вбежала, сильная и стремительная, попробуй останови, но останавливать некому, даже за оконцем комнаты для консьержки пусто и настолько пыльно, словно здесь никто не появлялся с момента сдачи дома в эксплуатацию.

— Лифт работает, — бросила она. — Пойдем.

— Один из четырех, — пробормотал я с опаской, — по теории вероятности он не должен сломаться именно в этот день и час... Хотя теория суха, мой друг...

Она фыркнула:

— Я тебе не друг.

— Классику знать надо, — укорил я. — Это я бахвалюсь знанием сокровищ мировой культуры, а ты мне крылья обрываешь, как стрекозе какой-то, изысканной и безумно красивой...

Опускаясь на вызов, лифт грохочет и лязгает, я отчетливо услышал предупреждение, что ему начхать на теории, восхочет и застрянет в любой момент и в любой точке пространства-времени шахтного измерения.

Ингрид нахмурилась, но когда дверцы распахнулись, решительно шагнула вперед. Пол под нею тревожно задвигался, стучаясь в стенки.

— Ох, — сказал я. — Кажется, у меня начинается арахнофобия или как ее там...

— Какие здесь пауки? — спросила она сердито. — Не трись. Слышишь, уже поехал... Если и оборвемся, то с хорошей высоты! Мучиться долго не придется.

— Умеешь утешить, — сказал я с сарказмом. — Настоящая женщина!

Лифт ползет на высоту с трудом, отчаянно сражаясь с гравитацией и даже, как мне кажется, с сопротивлением воздуха.

— Что-то ты бледный совсем, — произнесла она с сарказмом. — Съел что-то?

— За тебя переживаю, — пояснил я.

— Что так?

— Ты такая нежная, — пояснил я, — чувствительная, поэтичная, а гонимся за каким-то грязным мошенником. Для тебя это как серпом... гм... как молотком по маникюру, да?

Она не ответила, прислушиваясь. Лифт наконец дополз до места, остановился, задрожал, я уже заранее вздрогнул, однако двери начали неуверенно раздвигаться, а потом и в самом деле ушли в пазы, открыв перед нами этажную площадку.

Часть II

Глава 1

Ингрид выскочила первой, я вышел следом, реакция у меня пока еще не совсем та, что жаждется. Сигналы в нейронах идут со скоростью тридцати метров в секунду, а в компьютерах со скоростью света, а это значит, примерно в десять миллионов раз быстрее. Я потому и жру чаще обычного, что мой мозг работает как зверь, калорий на свою работу требует вдвое больше.

Для меня это значит странное ощущение нереальности, когда мир как бы замедляется в движении. Я, правда, тоже не могу двигаться быстрее, ну разве что чуть-чуть, зато мозг работает, как ветряная мельница в бурю.

Пока что сигналы в моих нейронах распространяются примерно в шестьдесят-семьдесят метров в секунду. Это не слишком огромное преимущество при решении трудных задач, но может стать решающим, когда кто-то замахивается на тебя кулаком или ножом, а от твоей сообразительности и реакции зависит получить удар или нет.

Гораздо выше прогресс, что когда ловлю сигналы компьютерных сетей, то принимаются практически

на компьютерной скорости, иначе не объяснить, как за доли секунды могу пересмотреть Ленинскую и Библиотеку Конгресса.

Сейчас вот, взглянув на дверь, я в доли секунды рассмотрел, как внутри идут провода и что за схема управляет двумя замками, в самом деле самая продвинутая, на опознавание хозяина по лицу, такая открывает дверь, как только он выходит из лифта и протягивает руку к двери.

Ингрид распахнула глаза шире, когда я взялся за дверную ручку.

— Даже не постучишь?

— Я думаю, — ответил я, — тебе важнее внезапность.

Она в изумлении захлопнула рот, дверь под моей рукой медленно начала отворяться.

— Как это...

Я ответил тоже шепотом:

— Он забыл ее запереть. Он же дома, так бывает.

Она выхватила пистолет и, держа его в обеих ладонях, медленно переступила порог прихожей. Я сосредоточился, вернул параметры защиты управления замком в прежнее состояние, пусть никто и не догадается о таком моментальном взломе.

Из прихожей один коридор на кухню с дверью туалета по дороге, стандартная планировка, а другой ведет в гостиную, ее отделяет дверь, но щель показывает, что там не закрыто.

Ингрид знаками велела мне вести себя тише травы, я кивнул, а она тут же саданула ногой, как тараном, в двери гостиной. Обе створки с грохотом распахнулись. Она ворвалась вовнутрь, замерла в шаге от порога, а я вздрогнул от ее страшного крика:

— Застыть!..

В комнате всего один человек, в этот момент заглядывает в шкаф, на мой взгляд, перебирает рубашки на плечиках, но Ингрид явно заподозрила, что уже ухватил рукоять пистолета или автомата и сейчас развернется, полосуя гранатометной очередью все с нашей стороны и разнося здание в щебенку.

Он обернулся в ужасе, вряд ли даже понял команду насчет замереть и не двигаться, а когда увидел направленное ему прямо в лоб черное дуло пистолета, вытаращил глаза.

Руки взлетели вверх, будто подвешен к потолку лично Торквемадой в помещении святейшей инквизиции.

Глаза полезли из орбит, а голос сорвался на порсячий визг:

— Кто?.. Чего... чего вам надо?

Я зыркнул на воительницу, она тоже вроде бы поняла, что это не совсем тот байкер, что нырял ночью в окно.

— Кто такой? — рыкнула она зло.

Он вроде бы сообразил по нашим лицам, что мы облажались, сразу понахальнел даже с виду, посмотрел свысока.

— А у вас ордер есть, полицаи?

Руки его начали опускаться, она рыкнула:

— Опустись — стреляю!

Его руки снова взлетели, она ответить не успела, я сказал быстро и уверенно:

— Игорь Найденов, тридцать два года, дважды судимый за мелкие кражи, на форуме педофилов известен под ником «Лысый» и «Алый Цветочек», закончил ФЗУ, в четырнадцать лет был пойман за мастурбацией на фото своей матери...

Он вскрикнул затравленно:

— Да при чем здесь это?

Я ответил неумолимо:

— У нас есть непроверенные, но абсолютно точные сведения, что ты продаешь наркотики, способствуешь сводничеству, замешан в нелегальном распространении детской зоофилии... а еще ты агент госдепа. Не хочешь о них рассказать? Или предпочитаешь поговорить о своем приятеле Киме Кардашьяне, к которому ходил на этой неделе трижды? Причем не домой, а на работу?

Он посмотрел на замершую женщину с пистолетом, перевел взгляд на меня.

— А при чем здесь какой-то госдеп? И что это вообще?

— Будет ни при чем, — согласился я, — если расскажешь о Кардашьяне. Почему ходил, о чем базарили, какое пиво пили... А наркотики нам не так интересно, правда. Если какие-то идиоты хотят травиться — их проблемы.

Он снова посмотрел на грозную женщину, она уже пару раз набирала в грудь воздуха, но смиряла себя, зыркала на обоих поочередно, вся злая и напряженная так, что вот-вот взорвется.

— Ну? — сказал я строго.

— Ким мой приятель, — ответил он с натугой в голосе, — мы с ним кореша!.. Еще в школе общались!.. Я к нему домой ходил, он ко мне... И что?

— Он работает в охранной фирме, — напомнил я, — это не квартира. Правила строже. Пропуск тебе Ким выписывал?

— Он, — подтвердил он затравленно. — А что, разве нельзя? Мы же старые друзья! Что, я похож на шпиона? И всякие там военные тайны ворую?

Ингрид только открыла рот для вопроса, как я сказал громко:

— Ладно, если он твой приятель, тогда нет вопросов. Товарищ главный следователь, пойдёмте. Нам еще в бар нужно заскочить, пока там открыто.

Она захлопнула рот, а когда вышли из квартиры вконец обалдевшего мелкого жулика, зашипела:

— Что, что себе позволяешь? Что за мастурбации?.. И если он еще и наркотики продавал, то надо нажать...

— Не надо, — ответил я. — Пойдем вниз.

— Мы не закончили!

— Нет, — согласился я, — и это хорошо. Сейчас он связывается с Кардашьяном, который ему то ли уступил на время квартиру, то ли прислал его специально на такой вот случай... Ух ты, кто бы подумал, что умеет вот так через прокси-адреса с удаленных серверов, шифруя в двадцати местах...

Она прошипела:

— Не умничай! Зачем ты все прервал?

Я сказал быстро:

— Потому что сейчас мчимся к людям посерьезнее. Тому самому Кардашьяну, который разбил окно... Если это связано, как мне все сильнее кажется, с двенадцатью миллионами, то, сама понимаешь, люди могут быть серьезными и крепкими.

Она прошипела:

— Все равно больше не смей перехватывать у меня... Ты не умеешь вести ни допрос, ни... опрос!

— Давай быстрее за руль! — сказал я. — Навигатор дорогу укажет точно, только не попади в аварию.

Она дернулась.

— Могут быть подставы? Вызвать подмогу?

— Не успеют, — сказал я. — Надо спешить, пока там собирают вещи. А если не собирают, то опоздаем. Ты женщина или полицеймейстер?

Она закусила губу, машина взревела и понеслась, как дракон, по разделяющей полосе, сирена взвыла, будто вот-вот сюда рухнет атомная бомба.

Автомобили даже самые дальние впереди послушно расступаются, в каждом программа моментально перехватывает управление автомобилем, едва только получает сигнал полицейского компьютера.

Мы неслись на полной скорости, пока не пришлось свернуть на боковую улочку.

Ингрид перехватила управление, а то программа может послать автомобиль на стоянку, что далеко от подъезда, уже нацелилась камерами в сторону от приближающегося здания, Ингрид резко вывернула руль, вон там место припарковаться совсем рядом от крыльца справа...

Мы оба увидели, как там неспешно отворилась входная дверь дома, выдвинулись две женщины, одна пихает перед собой детскую коляску, вторая щебечет с нею, картинно закатывая глаза.

Когда дверь уже закрывалась, с той стороны ее придержал мужчина, выскочил и, бодро сбегав по ступенькам, торопливо свернул за угол здания.

— Он, — сказал я с досадой, — это Кардашьян. Упустили!..

— Уверен? — спросила она. — Хотя ты же должен знать своих сообщников...

— Уверен, — ответил я, — а ты...

Не отвечая, она выметнулась из автомобиля с такой скоростью, что чуть не вынесла собой дверь, а за подозреваемым понеслась быстрая, как голодная и злая пантера.

Я подождал чуть, примерно представляю, куда он побежит, если заметит погоню. Не знаю ны-

нешние правила, можно ли стрелять убегающему в спину или хотя бы в ноги. Вроде бы нельзя, эта Ингрид ведет себя хоть и вызывающе круто, но законы нарушит вряд ли...

Имел бы право управлять полицейским авто, догнал бы обоих, побегут в сторону набережной, а там параллельно идет хорошая дорога, в это время дня почти совсем пустая.

Хотя почему это не могу, я же не такой законопослушный, ученые всегда малость нарушители правил...

Торопливо отключил автоматику, все сенсоры и опознаватели личности, машина сразу превратилась в мертвый металл, но я порылся в электрике, как же все просто и примитивно в этих автомобилях прошлого времени, завел и погнал не за ними, а на перехват.

За кустами я не видел ни Кардашьяна, ни Ингрид, просто прикинул их скорость, чуть поддал газу, и через семь секунд рослая фигура Кардашьяна выметнулась из-за деревьев, в самом деле быстрый, как олень, и через секунду там же мелькнула фигура Ингрид.

В беге она еще больше похожа на хищного зверя, мчатся на расстоянии десятка шагов друг от друга, я еще прибавил скорость, оба на повороте замедлились, я тоже чуточку скинул, а на момент встречи вылетел уже на нужной скорости в ту секунду, когда Кардашьян выскочил со всей дури и, не успев затормозить, с такой силой ударился о машину, что его отбросило назад.

Едва он начал подниматься с тротуара, налетела Ингрид, снова сбила с ног и крикнула страшным голосом:

— Руки за голову, сволочь!

Я вышел из машины, она умело завернула ему поочередно руки за спину и защелкнула наручники.

— Ловко ты его, — заметила она раздраженно, — знаешь привычки своего подельника!

— Еще бы, — согласился я. — Это Ким Кардашьян, один из охранников нашего Центра, держурил именно в подъезде нашего корпуса.

Она сказала с облегчением:

— Хорошо, что не случайный прохожий, с тобой все могло бы...

— Еще он замешан, — продолжил я, — в некоторых уголовных делах, везде отделялся испугом, или его отмазывали, но на этот раз сядет надолго. Еще и как госдеповский шпион.

Кардашьян, лежа на земле лицом вниз, повернул голову и уставился на меня с ненавистью и удивлением.

Я с самым сокрушенным видом развел руками.

— Прости, друг, но мне пришлось признаться, как мы с тобой Каменный мост взорвали, Торговый центр в США по заданию ЦРУ, Эйфелеву башню и застрелили сто человек в Арканзасе...

Он вскрикнул:

— Что?.. Какой Арканзас? Я дальше Арзамаса не ездил...

— Я всех выдал, — сказал я сокрушенно. — Они меня пытали.

— Кого выдал? — вскрикнул он. — Я тебя первый раз вижу!

Я кивнул в ее сторону.

— Эта такая... зверюга, лучше все скажи сразу, как вон я. Главное, сразу признайся, что работаешь на госдеп.

Глава 2

Ингрид рывком подняла его на ноги, он застоял, суставы в плечах захрустели.

Она толкнула в спину.

— Пошел в машину!.. А ты как посмел утнуть машину полицейского управления?.. За это от пяти до семи лет!

— Мне можно, — сказал я загадочно. — Поехали, только медленно.

Она втолкнула задержанного на заднее сиденье, сама устроилась за рулем, зыркнула на меня с подозрением.

— Почему медленно?

— Кардашьян нам сейчас расскажет, — предположил я, — где его наниматель. А мы решим, что с ним делать. Нет, с нанимателем потом, а вот с этим типом... гм... То ли пристукнуть и сбросить потихому в канализационный люк, то ли отпустить, госдеп нам за него миллиончик бросит на лапу... Если хочешь посмотреть, я его сам удавлю, а босс мафии меня похвалит и даже премию выпишет. Он не должен был так попадаться! В участок вести нельзя, он же всю нашу малину выдаст копам!.. Копы — это ты и твоя шайка, если вдруг еще не знаешь... А также мусора и легавые.

Кардашьян пробормотал стонуще:

— И еще много ласковых прозвищ...

Она рыкнула:

— Закрывать пасть! Иначе все зубы вышибу.

— Сейчас он нам все расскажет, — сообщил я, — а мы его выпихнем из машины. Конечно, сперва пообещает нам стать предельно честным человеком. И голосовать только за власть. Как и мы... ха-ха!.. тоже.

Кардашьян смотрел на меня исподлобья, а она спросила резко:

— Почему не должны сейчас же засадить в камеру?

— Мелкая рыбешка, — сказал я и обернулся к Кардашьяну. — Видишь, как я тебя спасаю?..

Он сказал торопливо:

— Да-да, мелкая! Мельче меня только тараканы!

— Вот видишь, — сказал я Ингрид, — мельче его только тараканы, а ты жаждешь поймать что-то вроде индюка или хотя бы гуся. Потому нужно отыскать его нанимателей... Ну, Ким, кто все это организовал?

Она следила за нами с таким видом, что вот-вот разорвет обоих, а он покосился на нее с опаской, но все же огрызнулся:

— Если бы знал, жил бы на Мальдивах в собственном дворце!..

— А почему разбил окно? — спросил я. — Кто послал?.. Что велел?.. Хотя что велел, знаем, но кто за этим стоит?.. Говори все, у нас с собой детектор лжи. Соврешь, мы даже в полицию тебя не потащим. Скажу тебе честно, из-за того, что ты кинул в окно камень, украли двенадцать миллионов долларов!.. За такие деньги, сам знаешь, можно человека запросто удавить и сбросить где-нить в лесу. Или напихать тебе в карманы камней и швырнуть в реку.

Ингрид отвернулась к окну, делая вид, что рассматривает плывущие мимо дома и парки и совсем-совсем не слышит, о чем преступном и незаконном разговариваем.

Он сказал устрaшенно:

— Мне предложили разбить окно, сказали, что это шутка!.. Пообещали тысячу долларов!.. Я не поверил, сказал, что с такими шуточками пусть идут

подальше. Мне туда же сбросили на мобильник полтыщи и сообщили, что это аванс.

Я сказал понимающе:

— Ясно, я бы тоже полез за такие деньги.

— Вот-вот, — сказал он ободренный. — За такой пустячок! Хотя я не понял, для чего это.

— Но двенадцать миллионов украли, — сказал я жестко. — Ладно, выметывайся!.. Товарищ генерал, да откройте же ему дверь!

Ингрид нехотя разблокировала замки, Кардашьян на ходу выкатился на обочину, как колобок, вскочил на ноги и, хромая, метнулся в сторону ближайших домов.

— Говори, — потребовала она. — Если ничего не узнал, засажу тебя вместо него!.. Почему даже мобильник не отобрал?

— Разве в вашем полицейском управлении, — поинтересовался я, — не могут проследить за всеми его звонками? Что были, есть и будут?

Она придавила верхнюю пуговицу на блузке.

— Колесниченко!.. Собери все звонки, эсэмэски и все-все, что приходило-исходило из номера... записывай...

Я указал на поворот впереди.

— Сейчас направо, а через четыреста метров налево и прямо...

Она закончила диктовать, спросила рассерженно:

— Что там?

— Дорога к цели, — ответил я. — Не сердись, у тебя голова занята и другими мыслями, потому я чуть-чуть опережаю. На секунду. Там, насколько я догадываюсь, некий склад, а то и пункт сбора.

— Пункт сбора? Какой пункт сбора?

Я сдвинул плечами.

— Не знаю. Может быть, байкеров, может, мальчишек, обожающих пошалить в отсутствие родителей, а могут быть и дикие гуси.

Она насторожилась, вдавила пуговицу и сказала резко:

— Группу захвата!.. Полный комплект!.. А ты быстро давай адрес!

— Смотрите на координаты нашей машины, — сказал я. — От нее вперед примерно пятьсот метров. Там что-то вроде склада или заброшенной фермы. Не знаю, просто следите за нашим маршрутом. У вас спутники или воздушные змеи?

Асфальт закончился, грунтовая вся в ухабах и рытвинах, скорость пришлось сбросить резко, иначе не собрать свои же зубы, бросает и швыряет во все стороны.

Она ругнулась, взяла управление на себя и повела автомобиль уже совсем без всякой жалости к автомобилистроителям и полицейскому участку.

— Терпи, — буркнула она, перехватив мой взгляд, — если для дела, я и машину разобью...

— Все в порядке, — успокоил я. — Я представляю, что вся дорога в лежачих полицейских! А их так приятно давить...

— Свишня, — сказала она. — А еще ученый. Светоч!

Я, как и она, напряженно всматривался вперед, где под ярко-синим небом вдаль уходит высокая дремучая трава. Косилку в этих краях вообще не видели, это заметно, а там вдали грозно и страшно вздымаются высотные ржавые конструкции, словно после отгремевшей ядерной войны.

— Это старый завод, — определил я. — Хорошо... Она покосилась на меня удивленно.

— Что хорошего в разрухе?

— Успел поработать, — пояснил я. — Сейчас вообще... бывает, пока построят, уже устаревают.

Она пробормотала:

— Недалеко от нас, помню детство, выстроили завод для производства не то видеомагнитофонов, не то каких-то стриммеров...

— Вот-вот.

Мы оставили автомобиль за высокими кустами, а сами, прячась за травой, что выше нашего роста, прерывается только зарослями бурьяна и совсем уж озверевшего чертополоха, короля пустошей и заброшенных мест, пошли к воротам.

Не убирая ладони с кобуры, она пристально всматривалась в заброшенные здания. Это не склад, настоящие цеха, почти все сохранилось, за исключением окон, да и то на втором и третьем этажах уцелели, хотя дикая высокая трава победно растет даже в проемах ворот и дверей.

— Видеомагнитофоны помню, — продолжила она недовольно, — а что такое стриммеры?.. Стрим знаю, о стримгейте слышала...

Я сказал с чувством:

— Уже и не думал, что в наше время могут быть такие заброшенные места!...

Она огрызнулась:

— Планета все-таки большая.

— Да, — согласился я, — но... в Подмосковье?

— Все в мире меняется быстро, — отрезала она. — Еще несколько лет назад здесь было какое-то процветающее хозяйство. А убирать это все кому нужно?.. Земли пока что много.

Несколько минут мы подкрадывались к зданию, потом я не услышал шум моторов, а как-то почуял, оглянулся. В нашу сторону быстро мчатся, несмотря на кочки и рытвины, тяжелые автомобили, не-

что среднее между легковушками и танками. Еще до того, как остановились, с них посыпались мужчины в черном, закованные в металл с головы до ног.

— Здорово, — сказал я, — только сейчас не совсем ночь. В полдень да еще при таком ясном небе ночи не бывает... или у вас бывает?

Она огрызнулась:

— Такова сегодняшняя форма омовцев. Антибликовая. Ночью они вообще невидимки.

— Ладно, — ответил я, — мне их не жалко. Платят им хорошо? Ну вот, а работа не каждый день... Правда, если их заметят, а заметят точно, подозреваемые могут попытаться удрать. Правильно я подбираю термин, «подозреваемые»?

— Не удерут, — сказала она мстительно. — Кстати, ты тоже подозреваемый. Очень даже.

— Я бы удрал, — сказал я. — Даже со связанными ногами.

Она выхватила пистолет и держит его в обеих ладонях. Я засмеялся, пошел ко второму зданию, там трава не такая высокая, а со стороны входа сильно примята.

Омовцы, получив от Ингрид указания, красивым гуськом, прячась друг за друга, подбежали к центральному входу, долго показывали что-то непристойное, как мне показалось, знаками, я бы точно обиделся, затем один ударил ручным тараном в дверь, та в ужасе распахнулась, крича, что было не заперто, омовцы ворвались быстрые и грохочущие, я слышал грохот, лязг, затем истошные крики «Всем лежать!», «Лежать!», «Не двигаться!».

Ингрид побежала, пригибаясь, за мной.

— Ты что, надумал смыться от правосудия?

— Да, — ответил я. — Думаю, наши дорогие товарищи выйдут примерно вон там... видишь далекий

домик среди высокого, как секвойи, бурьяна, вроде сортира?

— И что?

— Это не сортир, — сообщил я.

— А что?

— Да какая разница, — ответил я. — Сейчас это ничто, а когда-то было что-то, и радуга плыла, все было и было, а теперь ушло... Там выскочат, мы присоединимся, вместе убежим, а потом поделим двадцать миллионов долларов... или сколько они там сперли?..

— Двенадцать, — отрезала она. — В этот раз.

— Тоже можно родину продать, — рассудил я. — Тем более, патриотизм — зло и прибежище негодяев. Как говорят демократы, последнее прибежище негодяев. А самые демократичные демократы уточняют: последнее прибежище последних негодяев! И даже распоследних.

— Заткнись, — прошипела она.

Я пробормотал:

— Вот так нам, либералам, кровавые псы режима и затыкают рты... Им не верится, что родины уже нет, в смысле — малой, теперь место жительства — планета, а родина как бы везде, даже в Африке, что вообще-то прародина всех и каждого... Адам был негром, не знала?

Она, зло сопя, бежала за мной, пригибаясь за косяком, пистолет все так же на изготовку, взвинченная, злая на все, еще не понимающая, что за игру веду, но, с другой стороны, я все-таки вывел на преступную группировку, можно будет прихлопнуть всех разом, а потом разбираться в степени вины каждого и кто как сотрудничал с властью в ее лице.

Высокая трава, уже почти сухая, злобно шелестит и пытается не пустить дальше, я все-таки за-

пыхался, сил пока что маловато, она опередила, прокричала, не оглядываясь:

— А как они там окажутся?

— У всякой лисы есть запасной выход, — крикнул я, — а у хорошей — два!

— А ты какая лиса?

— Лучшая, — крикнул и заорал: — Пригнись, дура!

Она только начала пригибаться, а там слева от домика из-за кустов приподнялась голова в платке. Очередь из автомата простучала сухо и страшно.

Словно в замедлившемся мире я видел, как пули начинают ложиться ниже и ниже, торопливо ухватил ее за плечо и придавил с силой, бросая на землю.

Она еще не поняла, что если бы не вот та огромная проржавевшая бочка, наполовину вросшая в землю, ее мускулистое тело стало бы еще тяжелее, нашпигованное десятками пуль.

Я прокричал громко:

— Эй, ребята!.. Вам лучше сдаться!.. Тот фокус с двенадцатью миллионами не прошел. Все перехвачено, вам не отломится ни доллара.

Над верхушками кустов снова приподнялась голова в платке. Ингрид сразу взяла ее на прицел, но я показал знаками, чтобы не стреляла, да и, думаю, все равно не попадет на таком расстоянии, пистолет — не винтовка.

Человек в платке заорал:

— Ты о чем базаришь!.. Какие двенадцать миллионов?

Три секунды хватило, чтобы найти и просмотреть о нем основные данные, а также о его соратниках, я прокричал злобно:

— Герман Тарасевич, вы зря доверились этому лупоглазому Жоржику. Он выдал вас, отца родно-

го, с потрохами!.. А двенадцать миллионов уже перехвачены. Вы посмотрите на его одухотворенное жадностью лицо! Посмотрите ему как бы в глаза!

Мордovorот повернул голову и взглянул на кого-то, спрятавшегося рядом. До моих ушей донесся вопль тонкого, чуть ли не дискантного голоса:

— Ты что? Держи их на прицеле! Они такого наговорят!

— Наговорят? — спросил я. — А Герман знает, что когда ты позавчера встречался с Костоправом, вы обговорили, как поделите деньги вдвоем? Без него?

Человек в платке взревел:

— Ты встречался с Костоправом? Почему не сказал?

— Да говорил я, — вскрикнул второй, которого я все никак не рассмотрю в высокой траве. — Забыл? Но никаких договоренностей, я все помню...

Глава 3

Ингрид, согнувшись в три погибели, быстро-быстро отдавала распоряжения в упрятанные на ней микрофоны. Через считанные мгновения из чистого неба материализовался стелс-вертолет, десантники в темных костюмах буквально посыпались на землю, приземляясь за спинами перебежавших из цеха по подземному ходу в домик.

Теперь уже она придержала меня за плечо.

— Не суйся. Управятся без нас.

— Ого, — сказал я, — а как ты можешь без драки?.. Хотя бы связанных попинать?.. Или дубинкой по головам? Ну хоть по ребрам. А еще лучше, по почкам...

Она сказала высокомерно:

— Вообще-то могу и не связанных.

— Но-но, — сказал я. — Я люблю быть связанным. Своим словом, например, а не грубым вервием.

Она фыркнула.

— Кто говорит о веревке? У меня наручники как раз для таких умных, что ведут какую-то непонятную мне игру. Твой размер, кстати.

В домике раздались выстрелы, автоматная очередь. Мы ждали, через пару минут омововцы провели к вертолету троих со скованными за спиной руками.

Один на ходу бросил в микрофон у рта:

— Потерь нет, один легко ранен. Убито двое, пришлите экспертов.

Я проводил их взглядом, Ингрид поглядывает на меня в ожидании ответа, лицо напряжено, а в глазах, как мне показалось, растет растерянность, которую старается спрятать под напускной грубостью.

— Люблю все по размеру, — согласился я. — Только двенадцать миллионов вернуть как бы не сумели. И даже без как бы. А эти люди все равно не укажут силовым структурам, где и кто ими руководит.

Она прищурилась.

— Уверен?

— Стопроцентно, — ответил и я протянул руки вперед. — Ну, цепляйте свои браслеты, гражданин начальник. Зверствуйте, сатрапы. Измывайтесь над представителем чистой науки. Да здравствует Архимед!..

Она подумала, играя наручниками на пальце и двигая бровями, взглянула мне в глаза.

— Хочешь сказать, это провал?

— Почему? — удивился я. — У вас же всегда так! Мелких ловите, крупные вам не по зубам. Даже ког-

да выйдете на них, побоитесь тронуть. Вы же такие отважные... до поры до времени. Вам бы только науку обижать. Архимеда убили, Галилея вообще на колени поставили, не стыдно?

Она прищурилась.

— Где это ты такой мудрости нахватался? А если все-таки не побоимся?

— Побоитесь, — ответил я уверенно. — Иначе почему у нас такая коррупция, если все прозрачно, все под зорким оком видеокамер высокого разрешения?.. Или у вас в целях экономии всего лишь фулл тыща восемьдесят?

Она повторила:

— А если не побоимся?.. Ты же не побоишься выдать и более крупных?

— Их еще найти надо, — ответил я.

Она продолжала рассматривать меня злобно прищуренными глазами.

— А ты найти сможешь?.. Ради снижения собственного срока? И чтоб я не била по почкам? А только по ребрам?

— Пока у нас там в лаборатории все перекрыто, — ответил я, — могу немножко пояйцеголовить среди чутунноголовых с медными лбами. Вообще-то мне даже приятно. Как будто брожу среди боевых слонов Ганнибала! Все в броне, грозные, а уж какие умные-е-е...

Она помолчала, я увидел, что хоть ошарашена мной уже не первый раз, но на этот раз вообще не знает, что сказать. Помогать не стал, ждал, наконец проговорила с таким усилием, словно вытаскивают огромными клещами каждое слово:

— Ладно, упросил. Умеешь вымаливать пощаду. Заедем в ближайшее кафе... Позволю тебе в день прощания со свободой перекусить что-нибудь осо-

бенное. Все равно двенадцать миллионов теперь не увидишь до конца жизни.

— Да ладно, — ответил я, — говори уж полностью, не выпуская ключевые слова.

Она сказала зло:

— А какие я выпустила?

— Ты хотела сказать, Расскажи, что на твой тупой взгляд яйцеголового дурака...

Она сказала недовольно:

— Разве я сказала так?

— Странно, — ответил я, — почему я услышал именно это?

— Уши прочисть, — велела она высокомерно. — Так идем?

Я подумал, прикинул, покачал головой.

— В кафе много народу, всегда шумно, да еще и обязательно музыка... Вообще не понимаю, зачем на свете музыканты? Надо было ликвидировать вместе с трубочистами и возчиками. Болезнь какая-то... Давай ко мне. У меня еды хоть не очень, но зато тихо.

Она с подозрением оглядела меня с головы до ног.

— Это меня и пугает. Маньяки все тихие. Спона-чалу, а потом разыгрываетесь, держите меня пяте-ро... Нет уж, к тебе второй раз не поеду... Но можно ко мне. Я живу ближе.

Я ответил без особых раздумий:

— Годится.

Она вздохнула.

— Садись в машину, странный человек. Ты вообще-то первый яйцеголовый, с кем имею дело. Даже не по себе как-то. Будто держу в руках перепелиные яйца.

Я сказал уязвленно:

— Ну уж и перепелиные!

— Я имела в виду, — уточнила она, — хрупкие. Не бойся, твои не трону.

— Жаль, — ответил я. — А я раз мечтался. Такое вообразил...

Она посмотрела на меня внимательно.

— Мне показалось или ты в самом деле все наглеешь и наглеешь?

— Думаю, — ответил я медленно, — не показалось...

— А в чем причина?

Я подумал, ответил нерешительно:

— Как ты и угадала, что как-то удивительно, учитывая общий ай-кью представителей силовых структур, я из яйцеголовых. Мы ютимся в своем мирке науки и не очень любим появляться в реальном мире, что кажется нам грубым и жестоким. Да он такой и есть, вон у тебя какие мышцы! И какие у меня... По биологии все должно быть наоборот.

— Ну-ну, — сказала она с удовольствием и картинно напрягла плечи, вырисовывая четко очерченные толстые мускулы. — Но сейчас ты ощутил, что мышцы есть и у тебя?

— Верно формулируешь, — похвалил я. — Все верно, мышцы есть и у меня. Причем настоящие, достойные двадцать первого века.

Она смерила меня презрительным взглядом.

— Покажи?

Я постучал пальцем по лбу.

— У меня защищены толстыми костями, потому что чего-то да стоят. У тебя снаружи, что и понятно, их не жалко. Потому я за это время, находясь в непривычной для меня обстановке, прошел от мандража до понимания, что для ученого это все про-

сто, ничего сложного нет, а грубостей мира можно либо избегать, либо...

Она сказала нетерпеливо:

— Ну-ну?

— Либо как-то устранять, — ответил я. — Нет-нет, не воспринимай каждое мое слово по-своему, по-милитаристски. У слова «устранять» есть и другие значения, кроме как «убивать».

— Надо же, — сказала она саркастически. — Что значит пообщаться с яйцеголовым! Сразу кругозор расширяется.

— Либо, — сказал я, — есть еще вариант...

— Ну-ну?

— Грубости мира, — сказал я, — можно спихивать на людей простых и грубых. Недаром же замечено, что полицейские и бандиты вообще-то люди одной породы. Даже внешне вас не отличить, только и того, что по разные стороны закона. А нам, яйцеголовым, вовсе не обязательно быстро бегать и стрелять, чтобы решать наши проблемы. Зови авто!

Ее автомобиль тяжело и глядя на нее с укором подкатил к нам, переваливаясь на рытвинах, как утка на берегу, нехотя распахнул дверцы.

Она села за руль, взглядом велела пристегнуться, а то вдруг восхочу убиться и лишить правосудие такого ценного свидетеля. Я пошарил в бардачке, но там всякий женский хлам, ничего съедобного.

— Жратаньки возжелалось? — спросила она понимающе. — Ну еще бы. Почему мужчинам только бы пожрать?

— Ну почему? — ответил я скромно. — Мы и прогресс как бы двигаем в перерывах между завтраком и обедом. Иногда и до ужина что-то успеваем.

Она фыркнула.

— А после ужина сразу спать?

Я поднес ко рту руку тыльной стороной кисти, там микрофон, который я из часов перенес в браслет:

— Остап Шухефович, Медведев в лаборатории?.. Я там оставлял на него своих мышек... Как они там, переживаю. Мышки не люди, они никого не обижают.

Ингрид бросила на меня взгляд, полный подозрения, я движением пальца вывел изображение на лобовой экран. Геращенко улыбнулся ей и даже самую чуточку поклонился.

— Медведев?.. Шутишь?.. — ответил он, и в его интеллигентном голосе потомственного ученого прозвучало неприкрытое презрение. — Он сегодня вдруг свихнулся на здоровом образе жизни!..

— Что-что? — переспросил я, не веря собственным ушам. — Медведев?.. Наш чемпион по обожрунству?

Он сказал с сарказмом:

— Да, наш худышечка. Так что тю-тю, теперь на работе не задержится и на минуту!

Я взглянул на циферблат часов, все верно, рабочий день кончился.

— Это как? — уточнил я. — В йогу ушел? В буддизм?.. Тьфу, буддеизм?

— Лучше бы в буддизм, — ответил Геращенко так же глумливо. — А то мы сегодня целый день слышим от него: это есть вредно, в этом мало витаминов, а в этом не те, а здесь вообще в воздухе много радона...

Я сказал хмуро:

— Знакомо. Сейчас это помешательство прет во все стороны быстрее гриппа.

Он снова улыбнулся Ингрид, но мне сказал с невыразимым презрением:

— Сейчас? Оно всегда перло. Только раньше о нем говорить было неприлично. Но, к счастью, у нормальных людей проходит быстрее насморка. Я вон тоже попробовал... Полдня был вегетарианцем, вспомнить страшно! А потом подумал: а на фиг?

Ингрид нахмурилась, переспросила.

— Простите, что вмешиваюсь, но почему неприлично?

Он посмотрел на меня.

— Твоя девушка совсем дикая?

Я сказал нервно и громче, чем собирался:

— Какая девушка, какая девушка? Где вы ее увидели?.. Остап Шухефович, это же самый настоящий, простите за грубое выражение, офицер полиции!

— Да? — переспросил он озадаченно. — А я думал, это униформа для игры. Ты же любишь всякие непристойности.

— Сплюньте, — сказал я умоляюще. — Это настоящая полиция. Так что будьте осторожнее с терминами, как бы они ни были точны в научном смысле, но у полиции свои понятия о законах мироздания и даже свой устав Ньютона! Полномочия силовых структур, кстати, все расширяют и расширяют... в интересах демократии, конечно.

Ингрид процедила мстительно:

— И по многочисленным просьбам трудящихся. И к ним примкнувшим.

— Молчу, — сказал Геращенко испуганно.

— Значит; — сказал я, — Медведев тоже наконец-то взялся за ум и сбросит хотя бы полцентнера?

— Посмотрим, — буркнул он. — Надеешься, что бутерброды начнет отдавать тебе?

— Точно, — ответил я. — Покупать будет по инерции, а потом куда девать?.. Молодец, идет в ногу

со временем, но жаль, если он уже ушел и оставил моих мышек без присмотра.

Он сказал успокаивающе:

— За них не волнуйся, он твоих кормит лучше, чем своих. Точно по графику. Я сам проследил.

— Спасибо, — сказал я. — Извините за беспокойство, до свидания. Ингрид, не спи.

Экран погас, мы некоторое время ехали молча, наконец она поинтересовалась, глядя на дорогу:

— О каких непристойностях он говорил?.. Не бойся, никому не скажу. Я видела всякое.

Я поморщился.

— Обычные шуточки яйцеголовых. В то время, как вы все развлекаетесь подобным образом, мы можем только чесать языками на ту тему. А так даже спать остаемся на лабораторных столах, чтобы сразу с утра не терять время на поездку.

Она хмыкнула.

— Рассказывай.

— Не веришь?

Она покачала головой.

— Слышала, творческий мир как раз и придумывает все непристойности, которые потом входят в наш мир и портят жизнь целому поколению.

— То писатели, — сказал я клятвенно. — Они как бы тоже творческие люди, хотя интеллектом пониже, а моралью пожиже. Это они больше всех пьют, развратничают, наркоманят, устраивают заговоры, бунты, мятежи и призывают сменить правительство на что-нибудь еще похуже, чтобы жить интереснее и черпать вдохновение... Нерон, что поджег Рим, был поэтом, а не ученым. Ученый бы такого не сделал!

Она фыркнула.

— Ну да, ученый бы сжег всю Римскую империю. Крепись, мы уже почти прибыли.

Глава 4

Я проводил взглядом яркую вывеску, что проплыла и осталась позади, пробормотал:

— Проезжаем вторую кафешку... Ты меня в какой-то подпольный притон везешь?

— Точно, — подтвердила она. — С тайными боями насмерть. Проигравший получает все. Не хочешь поучаствовать?

Я сдвинул плечами.

— То, что для вас все, для нас, яйцеголовых, говно на палочке. Как бы тебе на пальцах подоступнее... У вас, к примеру, восторгаются владельцами дорогих яхт, куда можно загрузить полсотни длинноногих моделей и сотню приятелей, а у нас таким руки не подадут, да и в наш клуб не пустят. Мы, яйцеголовые, хорошо понимаем, что хотя денежные потоки в ваших руках, но мир меняем мы. Так что могу участвовать, но не изволю. А вот вы даже если захотите у нас поучаствовать, то...

Она прервала злобно:

— Не выпендривайся.

Я перевел дыхание, сказал уже миролюбивее:

— Ты права, что-то завелся. Наверное, от голода. Пора нам, ученым, брать власть в свои руки, пока женщины еще не обрушили землю в бездну.

Она указала взглядом на вырастающий впереди новенький с иголки высотный дом, явно выстроенный в этом месяце, от силы, в прошлом.

— Вон мои окна, видишь?..

— Это все твои? — спросил я. — Хорошо живешь.

— Не умничай, мои почти под крышей. Если вздумаешь выброситься, то хряпнешься прямо на асфальт.

— Свинство какое, — сказал я расстроено. — Все выпадают только на крыши автомобилей, а я на асфальт! Причем попадают точно-точно посередине крыш, а я ляпнусь мимо?

— Вот-вот, — сказала она злорадно, — учти!

— Учел, — ответил я. — Ты тоже не промахнись.

— Что-о-о?

— Не промахнись, — пояснил я, — когда будешь меня выбрасывать. Со злости у тебя руки дрожат, я заметил. И в глазах двоится. И морда такая прекрасно перекошенная в благородной ярости валькирии, что просто божий ангел!.. В день изгнания с небес.

Автомобиль высадил нас у подъезда, а сам торопливо ринулся занимать место на стоянке. Ингрид поднялась по ступенькам, мощная и монументально прекрасная. Подростки у двери поспешно дали ей дорогу, а женщины прервали разговор, провожая ее пугливо-завистливыми взглядами.

На меня, понятно, внимания никто не обращает, я могу хоть половину из них зарезать и уйти, никто такого не заметит. Даже жалко, что никого резать пока не нужно, а просто заради смеха еще как-то не сильно тянет.

С нами в лифт вскочила молодая яркая женщина, мы с Ингрид отодвинулись к стенкам, а она стояла между нами, как в лесу между огромными деревьями, пару раз даже пыталась задрать голову, но мы слишком близко, шейные позвонки хрустят от усилий, но выше наших подбородков ничего не видит.

Когда мы вышли на площадку, Ингрид слегка улыбалась той победоносной женской улыбочкой абсолютного превосходства, хотя, на мой взгляд, превосходство не бесспорное, не все мужчины предпочитают высоких и сильных женщин. Очень

даже не все. Хотя, наверное, есть и такие сумасшедшие, природа выпускает мужчин в большем ассортименте, чем женщин.

На ее двери две видеокамеры, одна настроена только на опознавание, она же и дала команду открыться, я слышал, как вышли из пазов длинные штыри замков, Ингрид осталось только потащить на себя за ручку.

Дверь чуть тяжелее привычной, что значит внутри проложен лист пуленепробиваемой стали. Увы, полицейские должны быть защищены добавочно даже дома.

Я переступил порог, у меня вырвалось само собой:

— Это... Спарта!

Свет вспыхнул в просторной прихожей вдоль стен. Ингрид взмахом руки зажгла еще и люстру над большим столом в кухне-гостиной, стало совсем празднично.

— Да, — ответила она независимо, — а ты чего ожидал?

— Арфу, — ответил я, — толстого жирного кота, полдюжины тапочек у порога, стерильную чистоту и длинные вязальные спицы в клубке цветных ниток вон там в кресле.

— Арфу, — повторила она, — а что это?

— Это такая лира, — сказал я, — только побольше в размерах. Помнишь, «...и чувства добрые он лирой пробуждал...»?

Она покачала головой.

— Как цены поднялись, ужас. Всего лирой пробуждал... А теперь требуют доллары или евро. Проходи, у меня не разуваются.

Я прошел в комнату, указал пальцем.

— А это что за? Странное что-то...

Она сказала с презрением:

— Спортивную скамью видишь впервые? Какие же есть еще дикие люди на свете!.. А как еще мышцы груди качать?.. Все по науке!

— Я бы эту науку расстрелял на месте, — пробормотал я. — Или утопил бы с цементом на ногах. Кашпировские, мать вашу, как говорят в правительстве и в полиции.

Она толкнула в спину.

— Проходи дальше. Ишь, расстоялся тут, как будто тебе здесь там. Лучше на кухню, я еще по дороге велела приготовить пару бифштексов к нашему прибытию.

Я сказал с отвращением:

— Как ты живешь в такой квартире?.. У тебя гантелей на десять человек! Зачем, они же разборные! Или ты такие мелочи не замечаешь?

Она фыркнула.

— То снимать, то навешивать диски?.. Удобнее держать с разными весами наготове. Чтобы мышцы остыть не успевали.

— А штанги? Зачем тебе две?

Она посмотрела с изумлением.

— А ты не видишь разницу? Хотя бы в том, что у одной гриф прямой, а у другой изогнутый? Гриф — это не птица такая, а вот эта железная палка, на которую вешают блины!

— Блины? — переспросил я с интересом. — Здорово. Хочу посмотреть... Кстати, от бифштексов уже аромат пошел. Не пережаришь? Блины с ними как раз... С мясом?

Она фыркнула.

— Об эти блины зубы поломаешь. Вот они на штанге! Сотку жмешь?

Я пробормотал:

— Не знаю, что это, но, судя по твоему одухотворенному лицу, не выжму и полусотку. А что, надо?

Она сказала с презрением:

— Сейчас девушки отказываются встречаться с парнями, если те не жмут сотку!

— Великолепно, — сказал я с одобрением. — Главное — здоровье нации!.. Сила — мозгам могла! В здоровом теле — здоровый дух!.. Ты начинай выгружать из печки, я пока загляну в твою ванную комнату. Там ничего особо тайного?

— И не особо тоже, — ответила она. — А здоровому духу можешь сколько угодно завидовать, у тебя его никогда не будет.

Я вздохнул.

— Как бы я хотел поменять свою докторскую диссертацию на такие же великолепные мускулы!

Она сказала с ехидным удовлетворением:

— Ну вот видишь! Люблю, когда мужчины не жеманничают, а говорят правду. Неужели так трудно говорить искренне?

— Трудно, — сказал я сокрушенно, — но иногда вот удастся. С тобой мне почему-то так легко, так легко. Смотрю в твои глаза и честно вот так как бы даже прямо говорю все правду. Даже правду-матку.

Сбросив одежду по-мужски, что значит, роняя ее на ходу на пол и разбрасывая на спинки стульев по пути к душевой кабине, что не кабина, а часть спальни, я прошел в душевую и там встал под тугие струи.

Еще проходя в ванную, по дороге с изумлением увидел экран на всю стену, где в разрешении 8К современный, хоть и компьютерный город, по дорогам носятся автомобили, компьютерные персонажи прогуливаются по улицам, отдыхают в парках, у пруда кормят лебедей, занимаются в тренажерных

залах. Дома высятся как небоскребы, так и множество коттеджных поселков с аккуратно нарезанными квадратиками земельных участков...

— Здорово, — крикнул я. — Это Симс или Симсити?

Она ответила из кухни:

— Нет, гибрид, занял какое-то призовое место. Я не играю, это само идет. Я только установила, где-то раз в неделю вмешиваюсь, а то дураки какие-то...

— Но все-таки, — ответил я из ванной, — все-таки...

У нее, как модно в ультрасовременной планировке квартир, нет разделений не только на кухню и столовую, но вообще нет стен, единственная ниша с дверью — туалет, а душевая даже не отделена от остального пространства хотя бы стеклянной стенкой, разве что пол там не паркетный, а кафельный.

В самом деле неплохо смыть с себя эту неприличность, но вымываю только пот и грязь, хотя даже в таком вот виде и в таком месте перед глазами то и дело начинает мельтешить серая завеса из циферок и значков, из которых и слагаются компьютерные программы, хотя мне это точно не нужно.

Она крикнула:

— Что все-таки? Не стоит делать выводы, обожжешься. Игроки — это сумасшедшие, что часами не отрываются от экранов. А я только иногда подправляю, как вон ту дуреху, что снова не за того решила выйти замуж, совсем не разбирается в мужчинах, или вон того дебила, что с хулиганьем связался... Кстати, в душе горячая вода не идет, так что терпи.

— Уже поправил, — ответил я.

— Что?... Как?

— Сбой в проге, — пояснил я. — Это легко. Достаточно постучать ногой по стенке на уровне твоего... гм... таза.

Она фыркнула.

— А твоего? У нас на одном уровне. Только живот у тебя пониже.

— Это у меня не живот, — ответил я с неудовольствием, — просто грудь слегка опустилась от усиленных умственных занятий. Могу даже не втягивать, не так уж и висит.

У нее пара видеокамер в гостиной и всего одна на кухне, я не мог удержаться от того, чтобы не просмотреть как она вообще в доме, кто приходил и чем занимались. Увы, ничего интересного, везде стандарт, а у нее еще с жестоким уклоном в фитнес, что не фитнес, а настоящее бодибилдерство на грани между женским и мужским. Все-таки ту штангу, что она в последней записи поднимает пять раз на сиськи, я вряд ли вообще сейчас оторву от пола. А если и оторву, то подниму разве что до колен.

Когда я вышел, освеженный и еще больше проголодавшийся, она еще колдует на кухне, где то пикает, то позвякивает, принимая продукты и обещая что-то там такое сделать хорошо и быстро.

— Ну где же бифштексы? — спросил я.

— Посмотрим, — ответила она.

Крышка плиты отодвинулась, мой желудок громко квакнул, услышав умопомрачительные запахи жареного мяса, уже с лучком, перчиком и горькими травами, что аппетит дразнят еще больше.

Принюхавшись, она сказала деловито:

— Еще две минуты. Должно присесть и пропитаться.

Я промолчал, а она опустилась за стол напротив, поставила руку локтем на стол. Пальцы ее раскрытой пятерни пошевелились в воздухе хищно и с вызовом.

— А давай посмотрим, — предложила она, — насколько ты крепок!

Я с опаской посмотрел на ее красиво и одновременно угрожающе вздувшиеся бицепсы и трицепсы, идеально вылепленное плечо, что есть блестящее полушарие с красивыми углублениями в нужных местах.

— Как?

— А вот так!

Она снова пошевелила пальцами и победно рассмеялась, а мышцы в ее плече чуточку переместились назад-вперед.

— Ну ладно, — сказал я, — хорошо, ты только успокойся.

— Я спокойна, — заверила она, — а вот у тебя поджилки уже трясутся, верно?

— Верно-верно, — согласился я. — Дыши ровнее, у тебя давление сейчас сто семьдесят на сто десять и пульс семьдесят восемь...

Она ухмыльнулась.

— Так точно? А если проверю?

— Проверь, — согласился я.

Она усмехнулась.

— Нет уж, не увильнешь. Давай руку!

Мы скрестили пальцы, мои все-таки чуточку крупнее, однако ее как выкованные из металла.

Она с усмешкой посмотрела мне в глаза.

— Готов?

— Теперь ко всему, — заверил я.

Она резко и с большой силой больно припечатала мою кисть к столу, рассмеялась.

— Что-то я не заметила сопротивления! Давай повторим. Только выкладывайся, понял?

— Ладно, — ответил я.

Мы снова сцепили ладони, она велела:

— Давай!

Глава 5

Я начал давить, ее рука чуть подалась, потом больше, но я ощутил, что поддается, нажал сильнее, и она с презрительным смехом повела руку в обратную сторону.

Мои мышцы вздулись сами по себе, но они мне самому напомнили дождевого червяка в мешке, в то время как ее стальные шары едва не прорывают кожу.

Ее рука неумолимо припечатала мою кисть к столешнице.

— Давай третий раз, — предложила она, — последний.

— Так все равно же твоя победа, — сказал я.

— Ну хоть не всухую, — сказала она с язвительным утешением. — Может быть.

Мы в третий раз сомкнули ладони и скрестили пальцы. Она с усмешкой взглянула мне в глаза.

— Готов?

— Может, — предложил я, — сдашься сразу?

Она засмеялась, ее мышцы красиво вздулись, а рука пошла неумолимо и ровно, как солнце на закате, нагибать мою в сторону столешницы.

В последний момент я инстинктивно воспротивился, ее рука замерла, но тут же усилила нажим и припечатала мою к поверхности стола.

— Три ноль, — сказала она с торжеством.

Я вздохнул, в самом деле как-то неловко прои-

грывать женщине, хотя это еще та женщина, назови ее так, обидится. Такую вот Ахилл еле-еле победил в схватке, а потом ее пояс носил, хвастаясь и доказывая, что да, одолел, вот смотрите.

Она покраснелась, глаза блестят, даже сиськи стали крупнее, как же победа над мужчиной действует на женщин, даже сильнее, чем полный бокал шампанского. А то и бутылка.

— Ну и как себя чувствуешь?

Голос ее звучал победно, я ответил мирно:

— Да все так же...

— А как насчет поражения? — спросила она весело. — От обиды язвы желудка не будет?

Я изумился:

— Какой обиды? Что у тебя мышцы мышчачеет?.. Так у слона еще слоновее. Думаю, у коровы мышечных волокон тоже больше, чем у меня. Если корова меня перекоровит... убьюсь ли о стену от великой обиды и горечи поражения?

Ее глаза разом потемнели.

— Это я корова?

— Ингрид, — сказал я мирно, — ну не чувствую я обиды, не чувствую!.. Может быть, мне даже приятно, что ты меня, как ты уверена, победила. Надеюсь, по праву победительницы тут же изнасилуешь?

Она в изумлении вскинула брови.

— Почему это тут же?.. С чего ты взял?.. У мужчин какое-то странное мышление, фантазии дикие, просто изврат какой-то... У меня с психикой все нормально, нас постоянно проверяют. Потому предпочту утащить добычу в постель. А что, это была не победа?

— Пусть победа, — ответил я великодушно. — Мало ли что у нас другие понятия о победе... Хотя я малость не понял...

— Чего?

Я поинтересовался медленно:

— Зачем тебе это понадобилось?

— Побороться? — переспросила она. — Это же так очевидно? Или не?

— Не, — ответил я. — Для тебя и так очевидно, ты сильнее. И для меня. И для тебя очевиднее очевидного, что я тоже признаю твое превосходство в мышечной мощи. Так почему?

Она помолчала, мне показалось, что не сразу подобрала слова в затруднении, наконец ответила с неохотой:

— Да что-то почудилось... Даже померещилось. Да, у тебя мышцы, как дохлые улитки в целлофановом пакете, но какое-то странное ощущение... Даже не знаю, вдруг почудилось, что ты крепче, чем кажешься. Хотя, конечно, знаю, мышцы — есть мышцы. Не бывает силачей с такими, как у тебя. Устала просто за этот день, вот и мерещится всякое.

— Я тоже устал, — признался я. — Померещилось, что ты умнее... а оказалось, красивее.

Она довольно улыбнулась, посчитав это комплиментом. Да, у женщин мозги развиваются иначе. В основном спинной, но иногда нервных волокон хватает и для утолщения в верхней части.

Она усмехнулась.

— Насчет чужой постели не страшно?

— А может быть?

— Может, — ответила она со смешком. — Бывает такое, в своей орлы, а в чужой им что-то мешает.

— А-а-а, — сказал я, — вот ты о чем... Я в любой постели тюлень, а не орел, это такое милое животное с лапами. Не любит суетиться, но не прочь поест и любит, когда его чешут.

От кухни донесся радостный писк, это плита зовет к себе в понятной жажде похвалиться своим умением.

Ингрид поспешно откинула крышку, до меня докатились совсем уж мощные запахи прожаренного мяса, окутали с головы до ног.

— Хорошо, — сказал я с удовольствием.

Она сказала с насмешливой заботливостью:

— Может быть, тебе травки?.. Ты же ботаник?

— Я плотоядный ботаник, — сообщил я. — Как кабан. Что и мясо ест, и желуди.

— Посмотрим, — сказала она, — что ты за кабан.

Я наблюдал, как повернулась к плите, там попискивают и похрюкивают сенсоры, докладывая о готовности. Ингрид управляется достаточно ловко, что значит, готовит не так уж редко.

Первое блюдо в самом деле заставило меня превратиться в первобытного человека, хотя не забываю и о манерах, но у такого эстета, как я, манеры только помогают быстрее нарезать бифштексы, а после них кромсать тушку курицы и все это поглощать в таком темпе, которому позавидовал бы любой неандерталец или даже король Людовик, что тоже хватал еду со стола, как и все тогда, руками.

После жареного мяса она заботливо подала на стол нежнейшие ломтики двух деликатесов: тутонхамона и тамонхаима, что некогда пришли на смену попавшему под санкции простому и незатейливому хамону, тот так и не выкарабкался из-под них, а любимым блюдом россиян стал тутонхамон и соперничающий с ним тамонхаим.

Я ел, как всегда, снабжая организм белками, клетчаткой и прочими необходимыми веществами. Ингрид поглощала, как шагающий экскаватор, но в то же время чувственно и с удовольствием.

— Что глазенками вороватыми шарить? — поинтересовалась она. — Чего-то еще недостает твоему извращенному вкусу?

— Не вижу главного блюда, — сообщил я.

— А что у тебя за главное?

— Не у меня, — ответил я. — Где на столе ведро с протеиновым коктейлем? Где гейнеры? Не синтолом же пользуешься?

— Ух ты, — изумилась она, — какие слова знаешь!.. Жри, не перебирай.

— Тогда как мышцы нарастила? — поинтересовался я. — Джинтропин колола?.. По виду ты эктоморф. Без этой горы мышц была бы утонченная леди. На тебе даже наколок нет.

— Тату?

— Ну да, — согласился я, — наколок.

— Жри, — повторила она. — Не умничай. Никакие соматропины не помогут, если не будешь вкалывать в спортзале. А потом еще и дома.

— Молодец, — сказал я.

Она изумилась.

— Что, одобряешь силовые тренировки?

— Нет, — пояснил я, — одобряю усилия. Хоть и дурью маялась, но как усердно! Могла бы только по барам мужиков снимать и жарить. А сейчас народ до того разленился, телевизор без пульта не переключит. Да что там без пульта, уже и с пультом ленится. Только жестами или голосом... Да и готовишь неплохо. Наверное, сама курей режешь? И ошипываешь?

— Не курей, — поправила она победно, — а кур! Сколько вас понаехало... А готовит домашний гриль. По программе.

Я охнул.

— Ты что, умеешь пользоваться? Здорово. Растешь в моих глазах.

— Я и читать умею, — сказала она насмешливо. — Ты лучше думай, как реабилитироваться в глазах закона? Я советую, раз уж начал, сдавай своих подельников до конца! При допросах меньше бить будут.

— С законом не спорят, — согласился я. — Особенно, когда у него такие мускулы, что и сисек не видно. Нужно подумать, какие есть пути... Те, кто это задумал, не на виду...

Она скосила глаза на свою грудь, но не попала на провокацию, сделала вид, что не услышала, сказала небрежно:

— Если не знаешь, то что там думать? У тебя нет возможностей, которые есть у наших криминалистов.

— Верно, — согласился я. — У меня нет кувалды для выбивания дверей, но есть голова.

Она с сомнением посмотрела на мой лоб.

— Думаешь, головой лучше?

— Конечно, — уверенно сказал я. — И чем выше чин, тем лоб крепче. В честь нашей доблестной полиции мы даже одну породу рыб назвали!

— Какую?

— Толстолобики, — ответил я. — Как ни крути, но нужно просеивать теперь всех, у кого были контакты с тем Германом. Или хотя бы Жоржиком.

— Его так и зовут?

— Георгий Авилов, — ответил я. — Но имя Георгий очень уж... Георг, Джордж, Жорж, Егор... Представляешь, Жорж Победоносец, пронзающий копьём змия?

Она отмахнулась.

— Звали же его Егорием, и ничего... Просеивать уже начали. Сразу же. Наш аналитический центр никогда не спит. Нужно только сказать, чтоб искали Георгия Авилова, а не всяких Жоржиков.

— А потом, — сказал я, — когда окажется, что кто-то из них получал указания от анонима по имейлу или по звонку с телефона, который не отследить, придется...

Я задумался, она спросила быстро:

— Что придется?..

— Придется, — ответил я мудро. — У тебя компьютер есть?

— Есть, — ответила она. — И даже включать умею.

— Прекрасно, — сказал я. — Мне нужно воспользоваться. Обещаю не смотреть твои закладки на порносайты.

Она отмахнулась.

— Да смотри сколько угодно, лишь бы не запачкал мне там все вокруг.

— Вокруг не запачкаю, — пообещал я.

Она поколебалась, вид такой, что ищет как бы еще уесть, сообщила:

— Я же говорю, руководству все доложили. Там целая бригада аналитиков ищет все ниточки.

Я ухмыльнулся.

— Полиционеры?.. Да, они молодцы.

— Не вижу причины для иронии, — сказала она холодно. — Лучшие люди идут на службу в охрану порядка.

— Точно, — сказал я, — а остальные, что никуда не годятся, в науку. Бозоны всякие открывают, черные дыры, лекарство от рака... В самом деле, кому вся эта ерунда нужна, когда самое главное — научиться ходить строем.

— И отдавать честь, — добавила она. — Ты умеешь?

— Нет, — ответил я честно. — Честь у меня одна, никому не отдам. А вы можете отдавать ее любому вышестоящему. И даже друг другу.

Она фыркнула, оглядела меня критически.

— Понимаю-понимаю, зачем такой вызывающий тон. Боишься, что потащу, как проигравшего, в постель снова. Потому так вот и стараешься показаться еще неприятнее, чем ты есть.

Я фыркнул.

— Разве? А может, мечтаю быть изнасилованным?..

Она сделала широкий жест в сторону постели.

— Выбирай. Либо на диване, либо в постели.

Я сказал жалобно:

— А домой не отпустишь?

Она покачала головой, голос прозвучал неумолимо:

— Ты на подозрении, за тобой должен быть глаз да глаз. Возможно, даже привяжу к кровати.

— А если мне в туалет? Потащу за собой кровать?

— Отведу на веревочке, — сообщила она. — У меня здесь чисто, не заметил, конечно?

Я вздохнул, сказал с мукой:

— Ладно, ты меня сломила... Бери меня, терзай, наслаждайся моей чистотой, невинностью и девственностью... Я лягу с краю?

— К стенке, — ответила она кровожадно. — Чтоб и не пытался сбежать! А пока дожевывай, не могу смотреть на грязную посуду, пока не вымою.

Глава 6

Мы не снимаем запреты, подумал я, поглядывая на нее искоса, мы их перемещаем. К примеру, раньше в сексе была масса запретов, в тепер сняты, зато появилась масса в других местах, где раньше не было.

Улицы переходили где угодно, полная свобода, как сейчас в сексе, потом появилась «зебра» для пешеходов, затем и по «зебре» нельзя, когда изволишь, а только по сигналу светофора... Работа усложнилась до невероятности, потому если ее нельзя упростить, то упрощаем в другом месте: хозяйка, к примеру, не готовит обед три-пять часов, как было раньше, а всего три-четыре минуты, а то и вовсе покупает готовое, но зато остается больше времени на микроскоп и рассекатор поврежденных ДНК.

Ингрид подготовлена так, как невозможно было бы не только сто лет назад, но даже в эпоху молодости ее родителей. Не только изощренные тренажеры, но и научно выверенная методика сделали ее тем, чем она сейчас является, однако все равно ежедневно и ежеминутно требует полной отдачи, работы до изнеможения.

И потому, мелькнула мысль, начинается еще одно расслоение в обществе, как на толстых и поджарых, так и на живущих в свое удовольствие, спустя рукава, и живущих на пределе усилий.

Я вот жил на пределе усилий в нейросеттинге, даже ночью ставлю опыты и рассчитываю, как переставить буквы в геноме, а она точно так же вкалывала на тренажерах, как накачивая мышцы, так и отрабатывая скорость и точность стрельбы по движущимся целям.

Она перехватила мой взгляд, поинтересовалась с насмешливым удивлением:

— Что, у меня тушь с ресниц потекла?

— Если бы, — сказал я, — был бы повод похихикать. А то совсем уж безукоризненная... А это недемократично и должно быть недопустимо в демократичном обществе. Остальные женщины могут подать в суд, ты нарочито выглядишь красивее и

вообще элитнее, чем они, а это их унижает, нарушая равноправие.

Она нахмурилась, долго смотрела с подозрением, наконец пробормотала:

— Рубль дам, только скажи, где гадость замаскировал?

— Какую гадость? — спросил я чересчур искренне. — Я в самом деле восторгаюсь. Ты как выставочная...

— Лошадь?

— Ну почему лошадь, — сказал я с подчеркнутым негодованием, — почему лошадь? Просто выставочный экземпляр! Например, машины для убийства. Или образец для модели будущего киборга-полицейского!.. Что, тобой и повосторгаться нельзя?

— Нельзя, — отрезала она. — Другим можно, а тебе нельзя. У тебя все получается с ухмылочкой. Даже когда не ухмыляешься, я все равно вижу ее, такую наглую и превосходящую... есть такое слово? Не спорь! Если я сказала, значит, есть... Или так хочешь сказать, что снова жрать намылился? Сколько в тебя влезает?

— Потому что с тобой, — заверил я. — Когда я в лаборатории, то клюю по зернышку, как птичка. Мелкая такая, не то, что ты, страус. А с тобой и я малость оживотниваюсь. Или остраусливаюсь.

— Поняла, — сказала она, — ложимся или посмотрим, какие нити наши специалисты нащупают за это время? У тебя после еды кровь приливает к мозгу или к желудку?

Я пробормотал:

— А если соглашусь посмотреть, то это не будет расценено как...

— Не будет, — заверила она. — Иди к столу. Да не к обеденному!

— Извини, — сказал я виновато, — у меня все на обеденном. Включать комп умеешь? Ах да, ты говорила, вечно все забываю...

И тут же память ревниво напомнила, что ничего не забывает, все напротив, даже давно забытое вспомнила, даже такое, что очень бы хотелось забыть, у каждого из нас бывают позорные моменты, пусть даже в детстве, когда садились прилюдно задницей в лужу.

Но другие, что видели или присутствовали, могут не забыть, потому память и держит даже эти неприятные моменты, чтобы враг не приврал, не сказал, что сперва жопой, потом мордой, а затем еще и побарахтался.

На экране высветилась заставка, я быстро вошел в браузер и пошел листать страницы, Ингрид оглянулась в недоумении.

— Это ты?

— А что не так? — спросил я. — А-а-а, ну система управления жестами у тебя такая простая, совсем полицейская, что я сразу без проблем, как и положено мужчине и доминанту... В смысле, я и ее одоминантил. Я же ученый, мы с этими программами постоянно в любой позе. А когда обе руки заняты, то приходится и усилием мысли страницы переворачивать... нужно только, чтобы камера смотрела точно на лицо. Но можно и сбоку.

Она вздохнула.

— Вот бы так...

— А что мешает?

— Некогда осваивать, — пояснила она. — Это у вас работа не бей лежачего, а мы всегда, как муравьи, носимся, ловим таких как вы, вяжем, тащим...

— Бьем по почкам, — досказал я.

— Бывает, — согласилась она, — но чаще по ребрам. Так интереснее. Попробуй как-нибудь!

— Я уже подумываю, — сообщил я. — Ндравится мчаться с мигалкой!

Она смотрела не на меня, а в экран, но я все равно старался сидеть так, чтобы камера в самом деле глядела на меня, хотя, конечно, и без нее вижу больше, чем может поместиться в браузере. Вот даже в эту минуту доступны все чеки в магазинах, кинотеатрах, парках, кафе и ресторанах, билеты на самолет и поезда, все телефонные переговоры, эсэмэски и видео по скайпу, а также загруженные фотки из дроббокса, инстаграмма и прочих сервисов хранения. Облачные хранилища открыты все, пароли замечаю, но даже не взламываю, прохожу, как слон сквозь туман...

Вообще-то еще могу подслушивать разговоры по мобильнику или скайпу, глушить, перенаправлять и посылать эсэмэски... а также подделывать голоса.

— Сейчас в машинах везде джипизс, — напомнил я, — а у каждого в смартфоне определитель местоположения, которое видят все друзья во всех соцсетях. Пароли там простейшие, мы можем видеть все, что видят они и... намного больше.

Она спросила настороженно:

— Насколько больше?

— Намного, — ответил я уклончиво, надеюсь, сочтет это просто похвальбой, все-таки перед женщинами все распускаем хвосты, а она женщина, уже оценил и убедился. — Плохо то, что в мире, где все становится открытым, хрен что найдешь из-за обилия всякой хрени.

Она подумала, сказала живо:

— А я вот читала про какого-то ученого, собирает все фотографии своих родителей, видео, доку-

менты, справки, дневники, записи в соцсетях, чтобы можно было из дэнэка восстановить его дедушку и бабушку, вписать им эти воспоминания.

Я посмотрел на нее в удивлении, потом отмахнулся.

— Вот и говорю, что в Сети обилие всякой хрени. Для самых тупых и этот сумасшедший кажется ученым.

— А что? — спросила она задиристо. — Не верите в такую научную возможность?

Я сдвинул плечами.

— При чем здесь возможность? Все это сделать в недалеком будущем будет нетрудно, вон сколько пробирок с дээнка хранится в КριοРусе, не считая тысяч замороженных тел, все ждут своего часа, но при чем здесь его дедушка и бабушка?..

— Но из их же дэнэка?

Я скривился.

— Это не кошечку восстановить! Там в самом деле можно верить, что эта она и есть. Вот кошечка издохла, а вот снова ожила... А человек если умер, то умер. Восстановленный по дээнка — это другой человек.

— Почему другой? Если ему вписать те старые видео, документы...

Я сказал терпеливо и медленно, все-таки разговариваю с женщиной, а с дурочками, особенно такими мускулистыми, нужно разговаривать отечески:

— Какие бы сведения ни напихать в восстановленное из дээнка существо — это будет другой человек. Пусть даже точная имитация умершего. Приятный обман для взрослого внука, смотрит на эту копию и представляет, что это его дед, но на самом деле он же и сам понимает, что это только

копия, в которую вложили нужную информацию, но это не тот дедушка, на коленях которого он сидел!

Она вздохнула.

— Давай спать. А то еще подеремся.

Среди ночи звонок прозвучал резкий, мне сразу приснился сигнал воздушной тревоги, нарастающий вой падающих бомб. В страхе проснулся как раз в момент, когда Ингрид дотянулась через меня, придушив, как мышь, и сцапала испуганно взвизгнувший смартфон.

— На связи.

Голос в ответ прозвучал достаточно громко, чтобы я расслышал отчетливо, даже не будь связан с сетями так, как связан я:

— Ингрид, неприятности.

Она пробормотала все еще сонным голосом:

— Что... стряслось?

— Этот Герман, — ответил голос, я сразу же увидел того рослого полицейского, что приходил к нам в лабораторию в первый же день, — оказался крепким парнем.

— Что, — вскрикнула она. — Андрей, что случилось?

Он ответил зло:

— Когда эту сволочь переводили в другую камеру, попросторнее, он сумел как-то освободиться!

Она охнула.

— Господи, как?

— Не знаю, — ответил он несчастным голосом. — Там простые полицейские, а он из спецназа. Даже в наручниках завладел табельным оружием и, тяжело ранив двух сотрудников полиции, скрылся

быстро и довольно умело... Понимаю, ты за него больше не отвечаешь, это мы тут лоханулись, но... вдруг у тебя есть зацепки, где его искать?

Она скосила глаза в мою сторону, я кивком дал понять, что все слышу.

— Нет, — ответила она, — но поищем.

В голосе тут же проступила довольная нотка:

— Что, тот яйцеголовый с тобой?.. Кто бы подумал... отважный мужик. Всем отделением полиции поздравляем, хоть и не завидуем. Ингрид, ты спасешь все наши задницы, если вдруг где-то что-то... Мы твои должники! Только свистни, все тебя в жопу поцелуем на виду всего коллектива.

— До связи, — буркнула она и бросила мобильник на прикроватный столик.

— Еще бы минут десять поспать, — сказал я. — Это же самые сладкие мгновения! Нет, не пойду служить в полицию.

Она сказала сердито:

— Кто бы тебя еще взял!.. Но как этот гад сумел вырваться из участка? Совсем обленились на ловле карманников.

— Да и какая это ловля, — сказал я, — когда камеры все пишут, а вам нужно только найти этих простаков и предъявить запись?.. Дело не в том, как Герман вырвался, а как можно скрыться в нашем насквозь просматриваемом мире.

— Помогли, — ответила она зло.

— Именно. У тебя комп включен?

— Нет, — ответила она удивленно, — зачем? На ночь всегда выключаю.

— Есть еще такие люди? — изумился я. — У нас в Европе комп включают только один раз после покупки, а потом включен до его технической старости и отправки на пенсию в дом престаре-

лых или детский сад... Ладно, делай завтрак, а я посмотрю.

Она крикнула вдогонку:

— У меня там сложный пароль!

Я отмахнулся.

— Не смейся. У простых юзеров сложных не бывает. А ты проще Васи Пупыркина.

Она выпрямилась и раздвинула плечи шире.

— В чем это?

— Делай завтрак, женщина, — сказал я властно, — а то будешь бита.

Она проворчала с угрозой:

— Я завтрак сделаю, а потом посмотрим, что ты накопишь с моего компа...

— Он же у тебя подключен не только к инету, — напомнил я, — но и к вашему серваку. Так что не надо ля-ля.

— А ты сумеешь...

— Женщина, не смейся. Скажи еще, что полицейские способны поставить сложный пароль! Вы в окошке для пароля так и пишете «пароль»...

Глава 7

Когда будем переходить в сингуляры, нужно серьезно поработать над тем, чем заменить удовольствие и даже наслаждение от поглощаемой пищи. Когда ешь, а еще лучше жрешь, то это такой комплекс счастья, никакая десятая симфония Бетховена не даст ничего подобного, как и созерцание шедевра «Бурлаки на Волге».

Для Ингрид это не проблема, для нее вообще в мире проблем мало, если не считать, что туфли жмут, а вот я всерьез задумался, что сделать нужно

будет обязательно, чтобы не просто нажимать кнопку с надписью «Счастье».

Она не выдержала, я еще жевал мясо, когда спросила с ехидцей:

— И что?

— Ага, — ответил я и пояснил: — Это синоним ну и да.

— Сделал, — уточнила она с недоверием, — то, что не смогла наша бригада спецов?

— Вы слишком профильные, — пояснил я.

— Это же хорошо?

— Конечно, — подтвердил я. — Но для профильных шаг влево, шаг вправо — уже недопустимо, а вот для меня допустимо все.

— Но-но, — сказала она строго, — не щупай меня так нагло даже взглядом. На мне пятна останутся! Тебе тоже не все допустимо.

— А что недопустимо? — спросил я с жадным интересом.

Она подумала, наморщила с усилием лоб, но тот не смог долго держать несвойственное ему усилие и через полсекунды снова стал мраморно гладким.

— Ну-ну, — подтолкнул я.

— Потом вспомню, — буркнула она наконец. — Сейчас голова другим занята, а не глупостями всякими. Глупости все, что не работа на благо страны и отечества!

— Потому, — закончил я, — мне проще. Заканчивай жрать, я вот уже почти управился, и поедем.

— Куда?

— Ловить Германа.

Она встрепенулась.

— Уже знаешь? Быть такого не может...

— По дороге узнаем, — заверил я. — Дай твой планшет... Как он у тебя открывается?.. Ух ты, никогда бы не подумал, хотя я человек вообще-то думающий, даже сапиенс... Точно для женщин делалось.

— Или женщиной, — сказала она победно.

Я покачал головой.

— Звучит сексуально-шовинистически, но в коллективе, что разрабатывал этот планшет, женщин не было.

— Ни одной?

— Ни одной, — заверил я. — Хочешь, выведу на экран имена всех конструкторов?.. Могу со справками, кто не женат, сколько зарабатывает...

— Делом займись, — прошипела она рассерженно, — а не демонстрируй свое иллюзорное превосходство самца-доминанта.

— Хорошо, — согласился я. — Рад, что переубеждать не надо. Тогда ты легче поверишь и в то, что твой подопечный сейчас находится совсем недалеко от нас.

— Мой подопечный ты, — прервала она.

— А Герман чей?

— Полицейского управления, — отрезала она. — Мы же его им преподнесли на блюдечке? Там приняли и поместили под охрану?

Я спросил с интересом:

— Здорово. Иду себе, играю автоматом, как хорошо ни в чем не быть мне виноватым, простым, совсем простым солдатом...

— Не перевирай, — сказала она сердито. — И не солдат я, а старший лейтенант. Почтение нужно иметь к званию, а ты как дикарь какой-то, никакого уважения... Конечно, мы сами отправимся за ними. Чувствую, нам везет больше.

— Да, — согласился я, — просто везет. Особенно мне.

Она посмотрела с подозрением в глазах, но я смотрел самыми честными глазами самца.

— Не знаю, — сказала она сердито, — на что ты разнамекался, но я знаю немало мужчин, которые сказали бы, что да, тебе повезло!

— Просто повезло? — переспросил я. — А я уж думал, это мои уникальные достоинства заслугой... что мы... вот-вот поймаем этих мерзавцев.

— Поймаем, — отрезала она таким тоном, словно это я с нею спорю, а она доказывает мне мою неправоту, — поехали!

Заслышав сирену, автомобили прижимались к обочине, а мы неслись, как противокорабельная торпеда, почти не касаясь колесами асфальта.

— Хорошо, — сказал я с удовольствием, — пожалуй, брошу все и пойду к вам в полицию.

— Ага, оценил!

— Как такое не оценить, — ответил я. — А если еще и дубинкой кого по ребрам на законном основании, так это вообще песня!.. Дашь отхреначить?

— Если только либерала, — сказала она.

— Идет, — сказал я. — Я их сам не терплю, хоть местами даже демократ, стыдно признаться в таких родимых пятнах...

— Фу, — сказала она, — как не стыдно? Лучше бы воздух испортил, чем о таком вслух в моем приличном обществе.

— Так я ж перевоспитываюсь, — сказал я поспешно. — Выдавливаю из себя демократа!.. Как можно быть демократом в наше суровое время всемирного щастя, когда все поют?

Она то ли дело поглядывала на экран навигатора, где я отметил нужное нам местечко.

— Как ты его вычислил?

— Метод больших данных, — ответил я значительно. — Это огромный массив, обрабатывается зачастую в фоновом режиме, если правильно настроить, но для этого нужно иметь не просто хорошо развитый мозг, но и солидную научную подготовку в близких областях, таких как нейробиология, кристоходия или аксонодендрития...

Она помотала головой.

— Замолчи. Сейчас голова разболится от твоей заумной тарабарщины. Мне кажется, и слов таких не бывает.

Я указал взглядом на ее смартфон и смартвоч.

— А их названия помнишь?.. Теперь сверни вон на ту улочку.

Она посмотрела на экран навигатора, тот вычерчивает нашу дорогу зеленым, но ничего не сказала, мой метод обработки больших данных как-то работает и уже доказал, что угадывает пробки и ремонтные работы впереди на дороге даже раньше навигатора.

Автомобиль послушно свернул, улочка тесная, пришлось снизить скорость, но минут через пять я сказал скромно:

— Вон там стоянка. Это я так, как гражданин. А ты, как полицейский, можешь заехать на газон.

— На стоянке есть места, — ответила она.

— Лучше на газон, — попросил я.

Она посмотрела настороженно.

— На стоянке опасно?

— Нет, — ответил я. — На газон приятнее. После дождика твой танк такие колени оставит! Приятно попортить. Я ради таких возможностей уже напи-

сал заявление о поступлении в полицию. Кому передать?

— Свинья, — сказала она. — Преступные наклонности налицо. Жаль, за это еще не сажают. Но не ликуй, на карандаш уже берут.

— На карандаш? — переспросил я. — Слышал эту идиому, но что она означает?

Она фыркнула.

— Еще спроси, что такое карандаш! Откуда я знаю?.. Кара — это «черный», а даш... вроде бы «гора»? Как Карадаг, где живут каракалпаки и карагезы...

Автомобиль припарковался сам, мы вышли на свежий воздух, легкий дождик, что прошел полосой накануне, прибил пыль, все чистое и радостное, чувствуется, что город, как и автомобиль, любит, когда его моют.

Район хоть и на окраине Москвы, но когда-то здесь были загородные усадьбы бояр или более близких нашему времени графов, дома старинные, чистые, ухоженные.

Я не сумел подать руку Ингрид, она вышла с той стороны, уже собранная и настороженная, сейчас ничем не отвлечь, но я все равно с восторгом посмотрел на здание и сказал скромно:

— Всегда восхищался гением Андрея Алябьевича. Построить такой дом, что сразу стал пристанищем великих и даже грандиозных гениев. Здесь бывали Репин, Толстой, Папабельников, Деглгард, Мережковский, а с ними еще бывала Зинаида Гиппокапм, что привела потом Зою Рашникову, известную суфражистку...

— Представляю, — сказала она с безразличностью, — какие они тут оргии закатывали!

— Да, — согласился я, — тогда это считалось оргиями.

Она бросила на меня злой взгляд.

— Но-но, никаких аналогий с сегодняшним днем!.. Сейчас у нас время победившей демократии. И оргии уже не оргии.

— Да я не, — ответил я поспешно. — У них это подавалось как борьба с режимом, религией и за свободу самовыражения. Сейчас вот они своего добились.

Она посмотрела на меня зло.

— Ты же медик, откуда знаешь, кто и когда строил?

— А общий культурный уровень? — ответил я с достоинством. — Думаешь, доктор наук по нейроаксинометрии обязан не знать шедевры архитектуры?.. Правильно, не должен, но я, как культурный человек, знаю. Раньше порнухи не было, все Мопассана читали!.. А Мопассан теперь классик и в школьной программе. Тебе ребенок еще не пересказывал подробности?

— Через год пойдет в первый класс, — буркнула она.

Она легко взбежала по ступенькам, я поспешил следом. Холл открылся чистый и с цветами в вазах вдоль стены. Консьерж из окошка сказал строго:

— Кто?.. Куды?.. Вы не наши жильцы!

Я ответил с любезностью чеховского интеллигента:

— Пожарная инспекция. У меня пожарная, а вот у офицера полиции противопожарная. Что значит, я поджигаю, а она смотрит, правильно ли поджег.

Консьерж вытаращил глаза.

— У нас все в порядке, поджигать никому не позволено!.. Где ваши документы?

Ингрид показала ему в раскрытом виде удостоверение, тут же спрятала и намеревалась пройти к лифту, как он выскочил, огромный и толстый, с трясущимися щеками, и загородил дорогу.

— А где предписание?.. Мне нужна бумага на разрешение такой инспекции!

Ингрид стиснула челюсти, а я сказал добродушно:

— Знаете ли, милейший... как человек высокой культуры в современном исполнении, я могу и в хлебало дать. Да так, что тыква лопнет!.. Знаете ли, общение с представителями силовых ведомств даром не проходит.

Он вытаращил глаза.

— Но как же...

— У вас сейчас когнитивный диссонанс, — сказал я любезно. — Столкновение несовместимых понятий может кого угодно дискогнитировать, как вон уже случилось с доблестным офицером полиции. Мальчик, сгинь.

Я отстранил его и хотел пройти к лифту, но вспомнил, что дом пятиэтажный, а квартира Германа всего лишь на третьем этаже, повернулся и двинулся к лестнице.

Ингрид оглянулась, догнала и обогнала, а уже в районе второго этажа сказала негромко:

— Умеешь с народом разговаривать.

— Твое влияние, — сказал я гордо. — Скоро и окурки буду бросать мимо урны.

— Ты же не куришь!

— Ну тогда обертку от мороженого. Я же сын своего народа, хотя ученые вообще-то интернациональны, это то же самое, что космополитичны, но во мне просыпаются корни, понимаешь?

— Нет, — ответила она сердито. — Ты звони, а я возьму его на мушку, когда откроет.

— Ага, — сказал я насмешливо, — щас он тебе откроет.

— Ну тогда...

— Нам повезло, — прервал я. — Если бы этот Гер-

ман был простым мужичком, он закрыл бы дверь на такой же простой засов, как он сам, но в данном нетипичном случае пользуется новейшими технологиями..

Она непонимающе смотрела, как я вытащил мобильник, повозил по экрану кончиком пальца, перемещая картинки и символы, затем шепнул довольно:

— Вот и все.

— Что, — спросила она шепотом, — снял защиту?

— И открыл, — ответил я.

Она потихоньку потащила за рукоять двери на себя, а в другой руке уже пистолет, пальцы крепко стиснулись на рукояти, ствол смотрит вперед.

Я вошел сразу за нею в холл, моментально охватывая взглядом, где что лежит, как лежит, какая мебель. Ингрид тут же скользнула в комнату и к окну, надо понять, куда ведет и что можно оттуда здесь увидеть, а затем под стеной, сжимая пистолет в обеих ладонях, быстренько перебежала к приоткрытой двери в соседнюю комнату.

Сквозь щель видно стоящего у стола спиной к нам мужчину, роется в рюкзаке и что-то напевает маршевое. Судя по фигуре и коротко стриженному затылку, это тот самый боевик Герман.

Ингрид неслышно вдвинулась в комнату и с порога крикнула страшным голосом:

— Замереть!.. Не двигаться!.. Теперь руки за голову!.. Медленно на колени!..

Глава 8

Герман остановился, весь взъерошенный и набыченный, я видел по его позе и замедленным движениям, что быстро-быстро рассчитывает все варианты схватки.

— Можно мне повернуться? — поинтересовался он и поднял руки вверх, даже пошевелил растопыренными пальцами, показывая, что не держит ни пистолета, ни гранаты.

— Только медленно, — предупредила Ингрид. — Я не промахнусь.

Он повернулся в самом деле очень медленно, лицо спокойное, даже доброжелательное, настоящий профи, совершенно не обращает внимания на черное дуло пистолета, что мрачно уставилось ему в грудь. Скользнул по нам как бы небрежным взглядом, слишком небрежным, но вижу по выражению глаз, что моментально нас оценил, взвесил и назначил цену.

Меня в расчет не берет, это понятно, а вот Ингрид сразу оценил, понимает, что, если ухитрится выбить у нее пистолет до того, как она выстрелит, все равно такого носорога в юбке победить не просто и в рукопашке.

— На колени, — повторила она страшным голосом. — Иначе...

Он прохрипел:

— Что иначе?..

— Иначе пристрелю за попытку напасть на сотрудника полиции, — отрезала она.

— С целью завладения оружием, — подтвердил я. — Я свидетель.

Он посмотрел на меня с понятным презрением, перевел взгляд на нее. Она сказала ему негромко:

— Я была в спецвойсках в Йемене. Думаешь, не пристрелю?

Он хрюкнул и медленно опустился на колени. Она осторожно приблизилась и, приставив ствол к затылку, бросила перед ним на землю наручники.

— Очень медленно возьми и надень.

Он снова покосился на меня, уже понял, что я здесь никто, ни стрелять, ни драться не смогу и не буду, но в затылок упирается холодный ствол, а если такая была в Йемене, то точно стреляла, допрашивала и убивала пленных, так что и сейчас нажмет курок без колебаний.

— Хорошо-хорошо, — прогудел он нарочито медленно, что тоже понятно, приучая нас к такому темпу, чтобы взорваться каскадом стремительных ударов. — Успокойтесь, уже надеваю...

Ингрид следила настороженно, в самом деле готовая пустить ему пулю в затылок, этот здоровяк точно не новичок, такие непредсказуемы, может рвануться, попытаться...

— Что вам надо? — спросил он утрюмо.

Ингрид раскрыла было рот для ответа, я остановил ее жестом и сказал успокаивающе:

— Знаешь, парень, как ты уже понял, главный здесь я. Доктор наук, специалист по нейрофизиологии, наркотики делаем, работаю в Центре, откуда вы украли двадцать миллионов долларов.

Он оглядел меня критически.

— Двадцать? Тот раз ты кричал, что двенадцать.

— Увы, — ответил я, — двенадцать украли пару дней тому, а восемь сперли... раньше. Те восемь не жалко, их лишился другой отдел, наши конкуренты, по сути, так что это даже хорошее дело, а вот двенадцать стибрили у нас. Обидно.

Он рассматривал меня внимательно, я смотрюсь честным и предельно искренним, наконец он буркнул:

— Я вообще и про двенадцать вчера при задержании услышал впервые. Не думал, что кто-то играет так крупно... Похоже, нас тоже надули. Знал бы я про такую гору бабок, потребовал бы больше.

Я сказал понимающе:

— Дикie гуси всегда были в цене. Вам должны были платить адекватно. А то получилось не совсем хорошо... Вы, думая, что речь идет о мелочи, сработали не совсем чисто, все равно не найдут, но так как речь не о мелочи, то по вашему следу пустили лучших из лучших... Так что с вами наниматель поступил нехорошо.

Он хмыкнул.

— Это не значит, что я их вот так возьму и выдам. Даже у наемников бывает офицерская честь!..

— Все верно, — ответил я со вздохом. — Просто по-человечески обидно, когда мелкая шушера, замыслив крупное дело, привлекает на подсобные делишки настоящих профи, платя им копейки... это неправильно, с моей точки зрения.

— С моей тоже, — ответил он. — Но раз мы согласились, теперь это наша вина. И плата за дурь.

— Достойный ответ, — согласился я. — С другой стороны, все-таки нечестно, что вас подставили. Теперь даже ту малость, которую вам пообещали, платить не нужно... сколько вам пообещали всего? Вместе с уже полученным авансом?

Он криво усмехнулся.

— Выдавать никого не стану. Честь дороже. Пусть я отставной капитан ВДВ, но все-таки не все растерял...

Я сказал с сочувствием:

— Та главная сволочь хорошо все рассчитала. Видимо, изучила ваше дело со всем пристрастием. Это вы в Кандагаре вывели с боями свой отряд из ловушки, а потом вернулись в окружение за раненым рядовым?.. И вынесли его под пулями?

Он покосился на меня снизу вверх с явным интересом.

— Ого!.. И такое знаете? Но, судя по вашей подчиненной, она слышит впервые.

— Ей такое знать не обязательно, — ответил я. — Она простая, а мы с вами нет. И знаем, как часто сволочи из штаба используют людей чести, посылая их на смерть, только чтобы прикрыть свои ошибки или получить орден. Мне кажется, больше чести в том, чтобы не дать им использовать нас втемную...

Он смотрел задумчиво, лицо потемнело, словно на солнце набежало облачко, Ингрид, как вижу, слушает нас, затаив дыхание.

— Можно мне встать? — спросил он. — На коленях отвечать... унинительно.

Я взглянул на Ингрид.

— Можно, — ответила она. — Даже руки можно опустить. Но стреляю я быстро и точно. В Кандаре я не была, но в Йемене прошла от залива и до столицы.

Он посмотрел с одобрением, медленно поднялся и так же медленно опустил руки. Мы с напряжением смотрели, как он вздохнул, начал открывать рот.

В этот момент с треском разлетелось оконное стекло. Он не качнулся, как мне показалось, его отбросило к стене, там ударился плечами и затылком, тут же начал опускаться по ней на подгибающихся ногах.

На стене за ним потянулась широкая полоса алой крови. Ингрид с пистолетом в руках перекатилась по полу и вскочила на ноги под защитой стены справа от окна.

Стекло не вылетело целиком, а только фрагмент размером с блюдце, от него во все стороны протянулись трещины, похожие на нити крупной паутины.

— На пол! — закричала Ингрид бешено. — На пол, придурок!..

Я все еще тупо смотрел на тело наемника, уже мертвое, хотя пуля разнесла не голову, а всего лишь просадила левую сторону груди, но зато дыра впечатляет, кулак пролезет, никакая чудо-медицина уже не спасет, тем более «Скорая».

— Цель поражена, — ответил я и с изумлением ощутил, что не чувствую страха. Возможно, придет потом, а сейчас я в состоянии, как говорят умники, аффекта. — А мы кому нужны?

— Пригнись! — заорала она дико, лицо перекошилось в злом крике. — Пригнись, дурак!

— Стреляли из «Сэвиджа», — сказал я, — «Сэвиджа сто десять», патрон триста винчестер магнум... Примерно вон с крыши того небоскреба... Если бы снайпер был ближе, в стекле осталась бы дырочка с оплавленными краями, а так пуля потеряла часть скорости... ничего, что я так по-дилетантски?.. Был бы стрелок чуть дальше, разбила бы все окно, как кирпичом.

Она медленно разогнулась, выглянула в окно и тут же спряталась, выждала, повернулась ко мне, злая, как дракон.

— Ты что за дурак?

— Сообщи, — посоветовал я, — пусть проверят крышу, откуда стреляли. Это вон оттуда.

Она подбежала ближе, все еще стараясь не попадаться на прямой линии с разбитым окном и башней небоскреба, всмотрелась в убитого.

Простреленное, а то и в ключья разорванное сердце все еще пытается качать кровь, но почти вся вытекла, ноги разок слабо дернулись, и тело застыло в неподвижности.

Она прошептала в злом отчаянии:

— Сволочи... это же совсем другой уровень... когда задействуют снайпера.

Лицо ее посерело, кожа на скулах натянулась, вот-вот прорвется.

— Армия? — спросил я.

— Да, — прорычала она с ненавистью. — В полиции нет снайперов!..

— А среди преступников? — спросил я.

— Тоже нет, — ответила она зло. — Ты знаешь, какого размера эта винтовка?.. Кстати, как ты сказал?

— «Сэвидж», — ответил я. — Фирмы «Сэвидж Арм». Сравнительно новая, в десятом году разработана, поступила на вооружение еще позже... У вас таких не было?.. Недавно поступила на вооружение спецподразделений.

— А ты откуда знаешь? Шпион? На кого работаешь?

— На госдеп, — ответил я. — Сейчас все на него работают. Там деньги сами печатают, потому и платят хорошо. А вообще-то я еще и любитель оружия, как все мужчины. Смотрю, люблюсь, оцениваю, мечтаю.

— А дома? — потребовала она.

Я покачал головой.

— Что, еще не проверила?.. А что тогда в туалет уходила так надолго? Я думал, обыск втихую провела. Да и ночью, пока я спал, все в доме перерыла... В общем, винтовка у этого стрелка... великовата. В карман точно не спрячешь. Значит, оборвалась единственная ниточка?

— Сволочь, — процедила она сквозь зубы. — Никому больше не верю! Надо самим осмотреть место выстрела.

Она прижала пуговицу слева на воротнике, перевела дыхание и заговорила почти спокойно:

— Срочно «Скорую». Координаты на мое местоположение... Убитый в квартире одиннадцать. Кроме того, немедленно бригаду экспертов предположительно на крышу семидесятиэтажного здания в районе парка. Оттуда стрелял снайпер.

Она кивнула, слушая ответ, отжала кнопку.

— Ну?

— Все верно, — сказал я. — Эксперты могут что-то найти. Если найдут, то... ниточка не оборвется, просто станет длиннее.

— Он должен оставить винтовку, — сообщила она с надеждой. — Они всегда их бросают на месте, иначе не уйти. А в наше время, как ее ни вытирай, следы останутся.

— В любом случае?

— Даже от дыхания, — отрезала она твердым голосом. — А ты, оказывается, гусь... Что, уже бывал в таких переделках?

— Тыщи раз, — заверил я. — Я же кина смотрю, а в них где только не побывал! Люблю, когда много стреляют. И когда полицейские машины разбиваются. Там такие взрывы!словно бензовозы. Это говорит, как народ вас искренне любит... А тебе что, странно, что стреляли не в тебя или в меня, а в их сообщника? Или обидно?

Она поморщилась.

— Ничего странного, но это не значит, что не надо прятаться.

— А смысл?

Она сказала зло:

— Во-первых, любой стреляющий знает, за убийство полицейского все перевернут и всех повяжут, даже если кто-то чай приносил, во-вторых... если видят, что мы вышли на их след, то гораздо важнее оборвать этот след. Вот потому убили

именно его. Но это не значит, что не надо прятаться нам!

Я ответил со вздохом.

— Логично. Там профи, думают трезво, а ты на меня орала, как не знаю кто. Грубая ты, да?.. Это я на их месте постарался бы прихлопнуть тех, кто на хвосте. В первую очередь тебя, конечно.

— Спасибо за комплимент, — буркнула она.

— Это потому, — объяснил я неуклюже, — что тебя ценю.

— Я так и поняла, — согласилась она. — А я бы на его месте тебя прибила. Слишком много знаешь.

— И соображаю, — сказал я скромно.

Она посмотрела зло.

— Только не понимаю, что за игру ведешь.

— Потому что соображаю.

Она снова метнулась к окну, посмотрела на улицу.

— Едут! Бежим!

— Что, — крикнул я ей в спину, — могут арестовать?

— Нет, — ответила она уже с лестничной площадки, — нужно посмотреть, что на крыше небоскреба!

Глава 9

В холле столкнулись с бегущими в дом медики, Ингрид остановила полицейского с ними, что-то сообщила коротко и выскочила вслед за мной.

Небоскреб, с крыши которого предположительно выстрелили, в километре, но все равно быстрее на авто, раз уж прямо у подъезда, Ингрид вскочила и крикнула:

— Вперед, первый поворот налево.

Я едва успел ввалиться на свое сиденье, как автомобиль рывком сорвался с места, словно у него для таких экстренных случаев предусмотрена катапульта.

Несколько подростков на перилах площадки прокричали вслед пару оскорбительных кличек, даже мне захотелось выйти и дать им по мордам, однако Ингрид будто и не услышала или так привыкла, что уже в самом деле не обращает внимания.

Автомобиль торопливо пронесся между домами. Иногда сворачивал так круто, что я почти успевал увидеть задний номер, наконец резко остановился у подъезда.

Ингрид выскочила быстрая, решительная, и хотя пистолет в кобуре, но видно, что он у нее уже снят с предохранителя и почти что в ладони готовый к стрельбе.

Вид у нее такой, что покарабкается на крышу небоскреба по пожарной лестнице, чтобы самолично проследить путь отступления стрелявшего, но, к счастью, все-таки вбежала в здание и, сбросив скорость среди жильцов в холле, прошла со мной к лифту.

К моему неудовольствию, консьержка даже не спросила, кто мы и к кому идем, что значит — снайперу было совсем вольготно. Выходящие из всех шести лифтов жильцы нами не заинтересовались тоже, в мире растет отчужденность, куда катимся, всяк по себе, а как же сингулярность, брать ли в нее таких равнодушных...

Кабинка возлифтила обоих на семидесятый этаж, дальше поднялись по лестнице к полуоткрытой металлической двери.

Ингрид вскрикнула горестно:

— Даже не пришлось взламывать! Открыл или вообще без замка... Безобразие! Ты не притрагивайся к ней, не притрагивайся!

Дверь она приоткрыла носком туфли, ринулась по металлической лесенке наверх.

— Верно, — сказал я ей в спину. — Если кто с крыши спрыгнет, упавдома посадят.

— Чего? — крикнула она, не расслышав.

— Или теперь, — спросил я, — свобода самовыражения? Как-то не слежу за законодательством. Все равно меня почему-то не спрашивают.

На крыше солнечно, сухо, но не пыльно, ветерок выдувает все до последней песчинки. Ингрид, опережая меня, ринулась к бортику. Я охватил там пространство взглядом, перед глазами запрыгали тысячи фоток снайперов, стреляющих с крыши, но все кадры из боевиков, десятки типов винтовок, есть совсем чудовищно длинные, как у Соколиного Глаза, что еще тот снайпер, некоторые винтовки с насадками поверх ствола почти на всю его длину...

Она присела на корточки и осторожно щупала кончиками пальцев бетонное покрытие.

— Пусто, — сказал я, — или совсем пусто.

Она резко обернулась.

— Что?

— Свинья этот твой снайпер, — сказал я с досадой. — Ну что за свинья чистоплотная? Раньше всегда оставляли пару окурков, слюни, сопли, не говоря уже о стреляных гильзах. А этот сморкался в платочек, интеллигент хренов, гильзы унес с собой, а сам точно был в презервативе! Весь.

— А что насчет винтовки Сэвиджа? — спросила она, глаза сузились, словно сама смотрит на меня поверх мушки. — Ты откуда знаешь?

— Я не знаю, — возразил я, — а предполагаю. С такого расстояния лучше всего достать из барретовской, но она великовата, чтобы пронести через толпу. То же самое и насчет нашей российской «Орсис Т-5000», это лучшая снайперская в мире, но ее не понесешь вот так, как ты носишь дамскую сумочку... кстати, не представляю тебя с нею.

— Заткнись, — рявкнула она.

— Можно еще израильский галац, — продолжал рассуждать я, — дальность и точность у него хороши, но размеры... только вот компактность в транспортировке.

Она спросила враждебно:

— А ты откуда знаешь?

— Так я ж кина смотрю, — повторил я и шмыгнул носом для убедительности. — А в кинах всегда подолгу заряжают и перезаряжают перед зрителем! Особенно когда девки с вот такими!.. Смотрела «Спасатели Карибу»?.. Там эти фотомодели двенадцать раз переодеваются догола и обратно, семь раз щелкают туды-суды затворами... или как они у вас называются... Представляешь, голые девки с вот такими и снайперскими винтовками среднего и даже дальнего вида действия?.. А когда выскочили из джакузи и расхватали эти штуки?.. Что, в самом деле не смотрела?

Она отвернулась, поднялась и, перегнувшись через барьер, долго вглядывалась вниз, а потом в сторону рощи и домика, в квартире которого застрелили Германа.

С семидесятого этажа тот смотрится совсем крохотным, однако окна достаточно широкие и светлые, через оптический прицел можно рассмотреть, что там в каждой из комнат, выходящих в эту сторону.

— Ветерок, — сказал я, — здесь обычно устойчивый, а сейчас так и вовсе десять сантиметров в секунду. Это прям как черепаха Зина у моих родителей...

— И что? — спросила она враждебно.

— Ничего, — сообщил я. — Снайперы такую малость в расчет вовсе не берут. Говорю, работать ему было комфортно. Легкие деньги... Нет, в снайперы не пойду, не смотри так. Я уже намылился в полицейские с мигалкой.

Дверь с металлическим лязгом отодвинулась, Ингрид крутнулась, выхватывая пистолет, но на залитую светом ламп площадку из темноты выдвинулся грузный и запыхавшийся полицейский, я узнал ее подручного Андрея.

— Быстрые вы оба, — сказал он с одобрением. — Я ближе был, но ты опередила... Следов нет?

— Ни малейших, — подтвердила она со злостью. — Надо посмотреть все по дороге с лестницы. Мог коснуться дверной ручки, перил, задеть плечом стену... Пусть не отпечатки, такие люди перчаток не снимают, но хоть что-то!

— Надо смотреть, — согласился он. — Я там внизу выставил охрану. Профи становятся все профессиональнее, но и средства обнаружения все глазастее.

Я поддакнул:

— Еще бы обучить полицию ими пользоваться, вообще искоренили бы преступность!

Он посмотрел на меня с укором, а Ингрид велела зло:

— Заткнись, яйцеголов! Андрей, пересмотри записи видеокамер, установленных у входа в здание напротив сквера.

— А также соседних, — добавил я.

— А также соседних, — сказала она, — чьи камеры захватывают этот сектор. Да, все понял верно. Действуй!

Полицейский кивнул.

— Будет сделано, герр дженераль!

На меня посмотрел с сочувствием, но ничего не сказал. Я проводил его взглядом, он дверь за собой оставил предупредительно распахнутой, слышно было, как грузно спускается, тяжело ступая по металлу.

— Ты как фельдфебель! — сказал я ей. — Чувствуется кастовость как в выправке, так и в голосе. Дед кадровый военный? Весь род от Рюрика на воинской службе царю-батюшке?

— Отец у меня искусствовед, — сухо отрезала она. — А мама архитектор. Что, обломился?

— Еще как, — признался я. — Кто же думал, что твои родители из самых низов, а ты вон какую ошеломляющую и просто головокружительную карьеру сделала! Гордятся небось. Знакомым тычут твою фотку в милицейской фуражке.

Она фыркнула.

— Пойдем отсюда. Здесь уже все, больше ничего не отыщешь.

— Я вообще ничего не отыскал, — признался я. — Разве что прицел у него должен быть с противобликовостью... или как это называется? Ну, такой толстый и длинный, как труба телескопа, а то солнце бьет прямо в глаз...

Она уставилась злыми глазами.

— А ты откуда знаешь?

Я фыркнул.

— Ты совсем дикий человек! Великий Ленин сказал, что самое важное из искусств — это кино, а в фильме «Схватка над морем» снайпер как раз

и стреляет из «Сэвиджа». Меньше бы шлялась по ночным клубам и подпольным боям без правил, тоже посмотрела бы этот шедевр от Асилума. Говорят, на «Оскара» выдвинут, что давно пора. Это же Асилум, а не какой-то зачуханный Мэтро Голдвин Майер...

Она не слушала, быстро сбегая по ступенькам, хотя, думаю, название фильма запомнит, чтобы поймать меня на брехне, что закончится очередным обломом, там в самом деле роскошная девка с вот такими и в мокрой-премокрой майке красиво стреляет из «дакота лонгбоу», всякий раз откидываясь и встряхивая ими плавно так и настолько ритмично, что больше уже ни на что и не смотришь.

Автомобиль не сказал ни слова, когда мы вышли из небоскреба и вяло плюхнулись на сиденья, хотя по нам видно, что облажались. Ингрид ткнула пальцем в экран монитора, указывая, куда ехать и оставив право выбора маршрута за электронным мозгом.

Я где-то ослабил контроль, новый выброс монбланов информации в мозг ударил как тараном, накрыл, засыпал с головой, я с ужасом ощутил, что если вот прямо сейчас не справлюсь, то через минуту на моем месте будет бормочущий и всхлипывающий придурок, что снимает с себя чертей и видит инопланетян.

Ингрид заметила что-то, спросила с беспокойством:

— Тебе плохо?.. Побелел весь... Дать таблетку?

— Нет таких таблеток, — прошептал я и закрыл глаза, — но есть мы... наша воля... наша сила... мы выше... мы рулим... блин, я же венец творения, а не тварь дрожащая!

Она выждала, а я постепенно перекрывал канал за каналом в мозгу. Мы то, чем нас делает наша воля... или не дает сделать безволие, постепенно стало легче, а головная боль отпустила.

Ингрид посматривала встревоженно, переспросила еще разок:

— Лучше?.. Морда начала розоветь... а то был как покойник.

— Это у меня реакция на грубость, — прошептал я. — На твою и... вообще на грубость бытия и вселенной. Интерфейс мог быть и подружественнее... Можно начать улучшать мир с тебя.

Она фыркнула.

— Я само совершенство!

— Кто бы сомневался, — согласился я.

— Рада, что признал.

Впереди показалась автозаправочная станция, я кивнул в ее сторону.

— Заедь на минутку.

— В ухо? — спросила она деловито. — В какое?

— Узнаю нашу самую гуманную, — сказал я. — Вижу, какое ты совершенство. Вон туды заедь!

— У меня почти полный бак, — напомнила она.

— А у меня пустой, — пояснил я. — В верхней части. Умру, если не сожру сейчас хотя бы бутерброд.

Она сказала озадаченно:

— Думала, ученые только шоколад жрут, он же для каких-то там мозгов.

Автомобиль ринулся было под навес заправочного модуля, но Ингрид торопливо велела проехать к крохотному кафе, где водилы успевают схватить бутерброд и стакан кофе, пока их машины заправляют бензином или дизелем.

Я выскочил, как только автомобиль остановился. В желудке не только квакает, но почти голодные

спазмы, а когда влетел в крохотный магазинчик, то чувствовал близость к голодному обмороку.

Ингрид вскинула брови, когда я ввалился в машину и рухнул на сиденье, прижимая к груди четыре бутерброда с толстыми кусками мяса.

— С ума сошел? Я столько не съем!

— Вообще-то это я себе, — пробормотал я, — но если хорошо попросишь... один могу дать... отрывая от сердца.

Она покачала головой.

— Один возьму, но только для того, чтобы ты не лопнул. А то вдруг понадобится, а ты весь лопнутый. И салон потом чистить.

— Я худой, — пробормотал я, — не так уж и много придется...

Глава 10

Едва выехали на дорогу, засветился экран, побежали данные из аналитического отдела полицейского участка, там уже просматривают записи не только этого небоскреба, но и соседних.

Ингрид процедила сквозь зубы, что нам везет как утопленным, никто не выходил из здания со снайперской винтовкой в руках.

— Да еще так, — согласился я, — чтобы следом по асфальту волочился парашют. Без такой приметы вашим спецам трудно будет заметить снайпера?

— Не остри, — огрызнулась она, — дело серьезное.

— Чё, правда?

— Смотри, — сказала она, не реагируя на грубость, — остальные тысячи входящих и выходящих смотрятся вполне прилично!

— А преступники все должны быть со зверскими рожами?

— Но компьютерная программа, — возразила она, — что сличает лица всех попадающих в кадр с фотографиями разыскиваемых преступников, ничего не нашла... Позовите Колесниченко!.. Игорь, слушай, прогони все лица, попавшие в кадр, через твои дополнительные проги. Надо сличить с фотографиями тех, кто живет в том доме или давно уже ходит к кому-то на вязку.

Из динамика донесся тяжелый вздох и безнадежный голос:

— За какой срок?

— От вчерашнего дня, — сказала она. — Всех, кто приходил раньше, временно отсеять. А кто сегодня впервые... их в отдельный файл.

— Будет сделано, — донесся ответ.

— Почему без видео? — спросил я. — Он там без штанов?

— Ну и что, — ответила она, — если жарко? Но он видит нас, а ты для него посторонний. Посторонним не стоит без острой необходимости знать, кто у нас работает в секретном отделе и что делает.

Я фыркнул.

— Секретный отдел?.. Да там у вас проходной двор! А что те две девки делают, одна с сиськами, а вторая с ногами?.. Не похоже, что там работают. Или у вас работают, сидя на столе?..

Она нахмурилась.

— А ты откуда знаешь?

— Предположил, — ответил я нагло. — У меня острый аналитический ум. Без этого нам, великим ученым, не делать кардинальные открытия, меняющие мир и силовые структуры.

Она буркнула:

- Проверю, насколько он у тебя острый.
- А если удостоверишься?
- Два дня буду мыть за тобой посуду, — ответила она.

Полицейский участок выглядит обычным старомодным зданием, массивным и малость утрюмым, бетонные блоки перед ним выкрашены в нейтральный цвет, сверху вазы с цветочками, все так, чтобы жизнь выглядела мирной, но теперь я оценил тщательную подготовку к отражению любой атаки. Дескать, любимый город может спать спокойно, но мы здесь знаем, что покой нам только снится, потому к нападению и беспорядкам госдеповских демократов всегда готовы...

В коридоре навстречу спешит, быстро-быстро перебирая точеными ножками, хорошенькая стройная девушка с копной оранжевых волос, в облегающем топики и в красных туфельках на высоких каблуках.

Увидев Ингрид, засияла кукольными голубыми глазами, прокричала тонким голоском:

— Ингрид, я по тебе соскучилась!.. Распечатка уже с утра на твоём столе!

Ингрид сказала благосклонно:

— Хорошо, живи. Пока бить не буду, лапочка.

Девушка улыбнулась мне, извиняясь за ее грубость, и поспешила дальше по коридору, стуча каблучками, как молодой олененок, с головы до ног хорошенькая, игривая, со звонким звенящим голоском. Ингрид уловила мой мужской взгляд и сказала словно невзначай, что это Макавея, она вообще-то человек серьезный, но выглядит так, словно кокетничает напропалую, из-за чего иногда и возникают неловкие моменты.

Я что-то уловил, уточнил:

— Неловкие для кого?

Она сказала с одобрением:

— Для тех, кто неверно оценивает ситуацию. Она достаточно упорно упражняется в тренировочном зале, учится рукопашному бою.

Я оглянулся вслед этой рукопашнобойной Макавее, она уже исчезает в дверях, энергично и кокетливо двигая тугими даже на вид ягодичками.

— А что ей надо в бумажном отделе?

— С чего-то же надо начинать, — отпарировала она. — А ты хотел сразу генералом?

— Упаси господи, — сказал я. — Но, думаю, эта девочка в бумажном отделе не останется до конца жизни.

— Хочешь сказать, с такой фигурой?

— Она вообще хороша, — ответил я безмятежно.

Не отвечая, она толкнула дверь аналитического отдела, там все тот же огромный зал на десяток столов с дисплеями на столешницах и системными блоками на полу под ногами, куртки на спинках стульев, настольные лампы в виде абажуров, настольные телефоны старой конструкции, но с защищенными линиями, пара больших экранов на стене, зашторенные окна, но теперь я вижу здесь намного больше, чем тогда, в первый раз.

Я мазнул взглядом по лицам, моментально собрав всю информацию о каждом, начиная с момента рождения, поведения в детском саду, школьных отметках, записях в социальных сетях, всех эсэмэсках и телефонных разговорах.

На экранах, в которые всматриваются эти аналитики, мелькают в быстром темпе не только лица, но и скелеты, отдельные кости, голые черепа, что, понятно, тоже в базе, но это для них мелькают, как

и для меня, если смотрю глазами, но я уже привык получать всю информацию напрямую и даже не пугаюсь, человек ко всему привыкает, а потом наглеет и хочет чего-то еще сверху, как та бабка от золотой рыбки.

Или та обезьяна, что вот так наглела-наглела и от великой наглости и непомерных амбиций стала человеком, а остальные, скромные и правильные, так и остались, как положено, сидеть на деревьях.

Ингрид подошла к тому парню, что в прошлый раз был завом по криптографии Колесниченко. Думаю, он и сейчас все еще Колесниченко, если не получил повышение за выслугу лет, в милиции это, говорят, быстро, тут на пенсию уходят рано, а в криминальные структуры — еще чаще.

Он обернулся к нам на крутящемся кресле, бодрый и веселый, доложил браво:

— Все загружено на полную мощность! На подозрении все, кто прячет рыло намеренно или нечаянно.

— Таких отделил? — спросила Ингрид.

— На особый контроль, — заверил Колесниченко. — Заново просматриваем каждое движение, каждый жест!

Хлопнула дверь, быстро вошел Андрей, сразу направился к нам.

— Я слежу, — сообщил он. — Ребята пашут неотрывно, но я велел искать характерные особенности, как ты любишь. Левшей, переученных и скрытых, ботаников, бывших военных...

— Отлично, — сказала она, — спасибо, Андрей. Ты всегда готов подставить плечо.

Он смущенно улыбнулся.

— У меня своей работы завал, но твоя намного важнее! А у меня мелочь, бытовые драки...

Колесниченко заверил Ингрид:

— Уже половину пересортировали заново!

Она покосилась на меня, я осматриваюсь с самым скептическим видом, дескать, аппаратура классная, но хотя метод хорош сам по себе, однако здесь эти силовые, какие могут быть результаты?

— Кстати, — сказала она с нажимом, — что у вас делали Далила и Белинда?.. У них что, работы нет?

Он дернулся.

— Ингрид... да их вроде бы не было...

Но даже я уловил смущение в его голосе, а Ингрид, профессионально заточенная на выявление брехни, сказала резко:

— Что?.. Ты хочешь сказать, ты в самом деле отключил видео?

Колесниченко дернулся, бросил лютый взгляд на соседа, тот съежился и едва не заполз под стол, наконец Колесниченко пробубнил виновато:

— Они отчет приносили...

— Вдвоем? — спросила Ингрид с сарказмом.

Она в самом деле разозлилась, только я понимаю, злится не столько на них, сколько на меня, снова все угадал, аналитик хренов, яйцеголовый, специалист по дрозofiлам и нематодам, а туда же, сидел бы у себя и мышам уколы ставил, так нет же, тыкает мордой в такое вот непотребное, гад, теперь вот в самом деле придется посуду мыть, а это унижительно, когда не по своей воле, а по проигрышу.

Андрей застыл, как столб, явно преувеличил свою роль в помощи Ингрид, один раз заглянул сюда и все, сейчас стоит, как памятник Пушкину на Тверской, излюбленное место для какающих голубей, что, как критики, выбирают мишень покрупнее.

Колесниченко сказал виновато:

— Ингрид, никто не может помешать нашей работе! Если этот ленивый скот не выключил передачу видео, ты бы видела, что ничего такого...

Она поморщилась.

— Заткнись. Что уже есть?

Я видел по его лицу, что ничего пока предъявить не может, кашлянул и сказал громко и с оптимизмом, вырывая этих планктоников, в полиции планктон есть тоже, планктон бессмертен, как утверждают биологи, и я в этом убеждаюсь везде:

— Вообще-то не все так уж безнадежно.

Оба с надеждой повернулись ко мне. Колесниченко смотрит умоляюще, спасай, братан, а Ингрид спросила неумолимо:

— А что есть?

— Есть некий главный вор, — напомнил я, — который и украл эти двенадцать миллионов. А до этого спер восемь. Но ему понадобились помощники, которых нанимал инкогнито.

Она буркнула:

— Инкогнито сложно.

— Ничуть, — ответил я, — если он платил щедрый аванс. От них требовалось совсем ничего, как вот разбить окно в том доме. За такой пустяк он мог заплатить столько, что охотно выполнят и вторую часть задания.

Остальные слушали, притихшие, как мыши, а потом начали мало-помалу отъезжать к своим столам, а то и к чужим, только бы оказаться подальше от этой грозы. Даже Андрей отступил на шагок, но смотрит на Ингрид неотрывно, что-то жаждет сообщить или извиниться.

— Какую вторую? — потребовала она.

— Дело в том, — проговорил я медленно, — мне кажется, что был еще кто-то. Не считая разбивше-

го окно. Байкеры и готы еще дрались, когда некто совсем уж неизвестный, пролез в разбитое для него окно, проник через пол в подземные коммуникации и вывел из строя на мгновение кабель, ведущий в наш корпус. Причем тут же восстановил, так что городским службам не пришлось посылать ремонтные бригады. Потому это и прошло незамеченным.

Она сказала хмуро:

— Он тоже получил заказ анонимно?

Я кивнул.

— Возможно, получил щедрый аванс. И обещание заплатить вдвое, если все будет сделано. А нужно, повторяю, было совсем пустяк: отсоединить кабель и тут же подключить его снова. Это как бы и не преступление, верно? Никто и нигде не заметит такую шалость.

Она сказала мрачно:

— Какие-то зацепки есть?

Я покачал головой.

— Допрашивайте пойманных, вдруг что-то вспомнят. Интонацию, голос, шум водопада, улицы... Вообще-то, копая насчет личности главного вора, прогнозирую повышенный интерес к лабораториям, где идут работы по проблемам бессмертия, а также к местным прогнозам, предположениям, путям развития, препятствиям, уточненным прогнозам... Не у всех, а именно замешанных. Эти нюансы нужно замечать и отлавливать. Вообще-то...

Она заметила мое колебание, сказала быстро:

— Ну-ну, телись!

— Мы еще не знаем, — сказал я медленно, — что за тип стоит за всем этим, но проявился небольшой мерцающий след... Слабенький, как будто фосфоресцирующая... прости за длинное слово, ты

его и не выговоришь, но именно фосфоресцирующая медуза проплыла в густом тумане. Но крупная такая медуза.

— Что за след? — спросила она.

— Ее интересы как-то связаны с проблемой продления жизни. На мой взгляд непрофессионала. Интересы медузы, хотя он точно не медуза.

Она вскинула брови, взгляд стал непонимающим.

— А это при чем? Не все равно, где воровать? Деньги везде одинаковы. Или для тебя это новость?

Андрей тоже насторожился, подошел ближе.

— Я в деньгах вообще лох, — признался я. — У меня нет дяди-олигарха и даже дяди... что наверняка что-то записал на племянницу на случай, если придут отнимать. Хорошо так это записал, я не очень-то верю, что племянница не предупреждена... Я готов поверить в воров-универсалов, которым, как ты говоришь, все равно, где и у кого воровать. Но бритва Оккама требует отсечь ряд версий, чтобы оставить в живых самую правдоподобную.

Она дернулась.

— Ты с бритвой поосторожнее. Не люблю бандитские инструменты. Этот Оккам кто, известный вор?

— Очень известный, — подтвердил я. — В своих кругах. Наших. Правдоподобность требует, чтобы вор знал нашу систему грантов, время получения и распределения...

Она кивнула, а Андрей добавил быстро:

— А также систему охраны, контроля и пропусков?

— Видишь, — сказал я, — твой напарник схватывает быстро, а ты все раздумываешь, скоро яйцего-

ловой станешь. Под старость вообще огенерализишься... Хотя да, до старости не доживешь.

Она спросила враждебно:

— Убьешь раньше?

— Сингулярность, — напомнил я. — Бессмертие, реверс к вечной молодости... Слушай, тут есть кофейный аппарат?

— Может, — ответила она с сарказмом, — тебе еще и бутербродик?

— Лучше два, — сказал я. — Если большие. Можешь и себе сразу взять, чтоб у меня не просила. Я жадный.

Она вздохнула и удалилась. Я сел за ее стол и принялся листать страницы в браузере, чтобы все видели, работаю, ищу в ее отсутствие, могут подтвердить, как ужасно стараюсь. Она вернулась через пару минут с двумя большими стаканами кофе и горькой печенья на блюде.

— Бутерброды сейчас принесут, — сообщила она сухо. — Из кафе напротив. Обещают немедленно... Ешь пока печенье.

— Подожду бутеры.

— А почему сингулярность наступит раньше? — спросила она. — Что-то я о ней вообще не слышала, а от тебя так на каждом шагу. Вообще долдонишь о ней, как малограмотный попутай, что больше трех слов не запомнил.

Я взял кофе, но прежде чем сделать глоток, сказал с ноткой превосходства:

— Помимо наших расчетов, что не с потолка, заметны следы еще одной ювелирной операции, что идет в мировом масштабе... Я имею в виду операции помимо беспрецедентных мер по снижению рождаемости. Сейчас идет мощное убаюкивание населения слухами, что новый мир наступит не скоро.

Сегодня в печати распространяется очередной прогноз ученых насчет того, что через сто тысяч лет у людей окончательно отомрет мизинец, а большой палец станет еще крупнее.

Она спросила скептически:

— Как у лошадей?

Я отпил полстакана, мой организм принял кофе с такой жадностью, что оно впиталось еще в глотке, не добравшись до желудка.

На пороге показался парнишка в красной шапочке посыльного, с корзинкой в руке. Ингрид помахала ему рукой. Он подбежал, вопросительно посмотрел на меня.

— Бутерброды вам?

— Мне, красная шапочка, — ответил я, — а у тебя в корзине еще и пирожки? Это для моей девушки.

Глава 11

Он пугливо посмотрел на мою могучую спутницу, как-то язык не поворачивается назвать ее девушкой, девушка — это что-то тургеневское, а не разбивающее десяток кирпичей ребром ладони, Ингрид, похоже, так переломит и железнодорожную шпалу.

— Три бутерброда, — доложил он, — и пять пирожков.

Ингрид расплатилась, я поблагодарил кивком и ухватил тот бутерброд, который показался крупнее. Ингрид, как мне показалось, взглянула одобрительно, женщины вообще-то любят, когда мужчины едят, как полицейские.

— Да, — согласился я, — тот же принцип прогнозирования. Или планы ряда правительств по раз-

виту добычи нефти на сто лет вперед, хотя нам с вами понятно, что уже лет через десять практически весь мир перейдет на возобновляемую энергию. Бери пирожки!

Она взяла пирожок, что к ней ближе, показывая воспитание, буркнула:

— А мне вот совсем непонятно. Даже через десять лет? Да сейчас где-то в Саудовской Аравии, где лето круглый год и безоблачное небо, такое можно... но и то там качают нефть и для себя!

Я прожевал первую половину бутерброда, кое-как сумел выдавить из себя полузадушенное:

— Ух ты, оно еще и говорить умеет!.. Да нет уж, у вас, мисс Кромешница, устарелые и даже устаревшие сведения. Сейчас даже в северных странах где-то один-два процента энергии уже с возобновляемых, а про солнечную Калифорнию и говорить нечего... Но ты права, задача поставлена, и она решается. Люди не должны знать, что эпоха сингулярности гораздо ближе, чем о ней думают. В этой беспрецедентной гонке главное успеть обогнать конкурентов и не дать основной массе населения вмешаться, требуя и свою долю.

Полицейские уже потеряли нить моих рассуждений, а с нею и какой-либо интерес, расплзлись по своим местам за столами, а кое-кто вообще ушел из отдела то ли покурить, то ли от грозного начальства.

Андрей, судя по его лицу, потерял нить, как ни старался следовать по ней, и тоже ушел к своим мелким бытовым кражам и скучным дракам в семье и между соседями по лестничной площадке.

Ингрид сухо поинтересовалась:

— Какая здесь наша роль? На чьей мы стороне?.. Справедливости или...

Я доел бутерброд и немедленно взялся за второй.

— Смотря что понимать под справедливостью. Я тоже вслух и достаточно громко поддерживаю лозунг «Бессмертие — для всех!», но прекрасно понимаю, что получают его сперва самые богатые, могущественные, как и сами ученые, что понятно. Всех нельзя снабдить одновременно даже таблетками аспирина, а что говорить о бессмертии?

Ее лицо отвердело, глаза стали темными, словно там уже собралась гроза, готовая разразиться грозами и молниями.

Я на миг проникся ее состоянием, это она сейчас представила, как стремительно будет шириться пропасть между простыми людьми и теми, кто может позволить себе заплатить за бессмертие.

— Это ты к чему? — поинтересовалась она наконец. — Как нам это поможет в нашем полицейском расследовании?

— Прости, — сказал я виновато, — что постоянно ухожу в сторону. Но я ученый, а не силовик, у нас мышление зачастую хаотичное, так легче наткаться на новые идеи.

— Я думала, — заметила она, — ученые — это логика.

— Это потом, — ответил я. — Когда нащупан путь. Потом со ступеньки на ступеньку, не пропуская ни одной... А пока вот так. Если примитивно прошерстить тех, кто хотел бы продлить жизнь, то увидим... увидим... да, увидим, что таких людей чудовищно мало. Для полиции это хорошо, для науки плохо. Все по старой привычке исповедуют мнение, что жизнь нам недорого. Из-за пары добавочных лет нормальный человек не станет отказываться от

свиного окорока, водки и крепких сигар... Но если предложить бессмертие?

Она молча и аккуратно ела пирожки, я пожирал бутерброды, даже стыдно, что не могу остановиться, но организм в самом деле выздоравливает, ремонтируется, требует добавочный строительный материал, вот-вот и бицепсы начнут расти.

— Второе, — сказал я, — украдено именно у нас. Почему? Мы не самая легкая добыча. Проще украсть у тех, кто торгует бананами на рынке. Там тоже суммы немалые.

— Если оптом, — согласилась она. — А почему украли именно у вас?

— Есть предположение, — ответил я.

— Давай!

— Мы серьезные конкуренты Антиэйджингу, — объяснил я. — Кто-то убивает двух зайцев. И деньги спер, и придержал нас.

Она поморщилась.

— Я бы предпочла более серьезную зацепку.

— А я бы предпочел, — сказал я ей в тон, — чтобы кто-то арестовал в эту минуту мерзавцев, и я мог бы вернуться к работе.

Она вздохнула.

— Ты прав, попробуем тянуть и за эту ниточку. Но очень осторожно, чтобы не оборвалась. А ваш отдел в самом деле конкурент Антиэйджингу?

— Еще какой, — заверил я. — У них годовая прибыль в семьсот миллиардов долларов. Семьсот миллиардов, Клара!.. Прости, Ингрид, хотя в некотором роде ты Клара. А если наша лаборатория создаст средство, что в самом деле продлевает жизнь, то они с того дня не получают и цента.

Она пробормотала:

— Семьсот миллионов? За такие деньги захватывают целые страны...

— Миллиардов, — поправил я. — Семьсот миллиардов! Ага, дошло, вижу по лицу. Знаешь, а оно у тебя выразительное. Как у актрисы. Ну, такой, особой... Для характерных ролей.

Она оборвала:

— Ближе к делу!

— Что, — сказал я, — начинаешь понимать, что и ученые, хоть и не совсем такие ценные кадры, как полиция, но тоже имеют право на существование?.. В общем, мне кажется, как только доем этот бутерброд... не смотри такими глазами, все равно съем!.. нам стоит посетить фармакологическую группу Лоуренс Вивальди...

— Что там?

— Создают средства, — пояснил я, — продления жизни. Сейчас это самый модный тренд.

Она спросила с недоверием:

— И что... такие средства существуют?

Я сдвинул плечами.

— Как сказать.

— Так и скажи!

— Проверено только на бактериях, — сказал я, — на червях, на мухах и мышах. Червям жизнь удлинители в сорок раз, мухам в двадцать, мышам в четыре раза. Но это вовсе не значит, что человеку можно удлинить даже вдвое. Или вообще удлинить. Человек как бы не совсем мышь.

— А на человеке, — спросила она, — опыт что показал?

Я снова сдвинул плечами.

— Во-первых, это запрещено...

Она фыркнула.

— Ну да, у нас такие все законопослушные!

— Во-вторых, — ответил я, — это не средство против насморка. Как проверить? Как, по-твоему, убедиться, что действует?.. Нужно взять тысячу человек, разделить пополам, одним давать лекарство, а другим пустышки. А потом посмотреть, кто-то из принимавших лекарство прожил ли хотя бы лет сто пятьдесят... Черви живут три дня, там проверить просто. Даже мыши живут два года, тоже все понятно. А как поставить опыт на человеке, если он и без лекарств может прожить сто и больше лет?

Она помрачнела.

— Понятно... Значит, все на вере?

— Да, — ответил я невесело. — Вполне возможно, что какое-то из запатентованных средств, что уже продаются на рынке, в самом деле продлевают жизнь. Какие-то, может быть, продлевают очень сильно!.. Но мы не узнаем, пока не появятся долгожители, которые побьют все рекорды.

Она зябко повела плечами.

— Очень уж мне такое не нравится.

— Добро пожаловать в мир хай-тека, — сказал я, — и высоких биотехнологий.

— Издеваешься? — спросила она. — Вам там самим хоть понятно что-то в этом вашем мире?.. Ладно, поедem выяснять. Как я понимаю, жуликов там хватает?

— Своих хватает, — согласился я, — а еще подтянулись и всякие разные.

— Зачуяли?

— Да, — подтвердил я. — Прибыли зашкаливают, а безнаказанность полная! Уголовный кодекс не то чтобы совсем уж спит, но... как бы сказать вежливо, у нас период князя Игоря кончился, начинается ускорение.

Глава 12

После кофе я взбодрился так, что надо сдерживаться, а то еще заору, как пещерный житель или попробую кувыркнуться, чего никогда не умел, прямо посреди полицейского участка.

Уже несколько лет не чувствовал себя таким бодрым и полным сил. Ингрид что-то заметила, поглядывает настороженно. То ли моя бледная немощ наливается здоровым полицейским румянцем, то ли глаза блестят, как при виде взятки, но если дикая мощь просто распирает, то могут и другие хоть как-то да уловить эту странность.

— Надо чаще тебя кормить, — заметила она с ноткой колебания в голосе. — Хотя уж и не знаю, как это еще чаще.

— Могу есть всего один раз в день, — согласился я. — Но с утра до вечера.

— А ночью?

— Можно и ночью, — согласился я. — Человек создан для холодильника. Поехали?

— Если ты закончил жрать...

— Я не закончил, — возразил я. — С чего бы я стал заканчивать с таким увлекательным делом?.. Странная ты. Поехали! Чем ты так усердно занимаешься?

Она взглянула искоса и даже сделала невольное движение, пытаясь заслонить экран.

— Да так, — ответила она нехотя, — проверяю тут всяких... нейродегенератов.

Я поморщился.

— Слово какое скверное. Сама придумала?.. Мне кажется, философско-мировоззренческая база преступления не совсем определена.

— Что-что?

— Не знаю, — сказал я, — можно ли это назвать новым видом преступности... но кое-что новое, как мне кажется, есть.

— Что? — повторила она грубо.

— К примеру, — сказал я, — вот эта таинственность хищения. Похоже, вы впервые столкнулись с тем, что похищенное тут же не выплыло где-то еще. Как происходит обычно.

Она буркнула:

— И что?

— Возможно, — сказал я, — это и есть новое слово в преступлениях. Я говорю о сфере, в которой сам работаю.

— Антиэйджинг?

— Да, — согласился я. — Как первый шаг. Первый — затормозить старение, второй — остановить... Собственно, второй можно условно назвать достижением бессмертия. Хотя это еще не бессмертие, а только постоянное продление жизни с помощью то ли медикаментов, то ли какой иной для вас непонятной хрени... но кто доживет до этого уровня, тот доживет и до момента, когда человеку просто сделают прививку бессмертия раз и навсегда.

Она смотрела на меня исподлобья.

— Ничего не поняла! При чем тут хищение двенадцати миллионов и... ваше гребаное бессмертие?

— Объясняю на пальцах, — сказал я мирно, но с чувством ясно показываемого превосходства, нечего ей тыкать мне в глаза своим пистолетоношением и дубинкой на поясе, — бессмертие пока что недостижимо. Это ясно?

— Это известно, — буркнула она. — Дальше!

— Второе, — сказал я, — когда бессмертие будет наконец-то достигнуто, — кто его получит первым?

Она посмотрела на меня с недоумением.

— Наверное... испытуемые?... Добровольцы? Или приговоренные к смертной казни... им все равно терять нечего!

Я поинтересовался:

— Это что, всерьез?

— Ну да... а что?

— Бессмертие, — сказал я наставительно, — это величайшее благо. Потому кто первым должен его получить? Ответы насчет президентов, миллиардеров, сироток, беженцев и прочего-прочего люда даже не рассматриваются! Первым должен стать и станет бессмертным ученый, который работает над проблемой бессмертия, что естественно. Таким образом его знания и навыки уцелеют и бессмертие для других станет доступным быстрее и дешевле. А вот вторыми будут те, кто способен заплатить за такое недешевое удовольствие. Первое коммерческое бессмертие обойдется... ну, примерно, в стоимость атомного авианосца АА класса с тысячей самолетов на палубе. Потом расценки будут снижаться, но, как всякий штучный товар, над которым работают лучшие умы мира, он очень не скоро станет по карману простому инженеру.

Она поморщилась.

— Ну и не надо. Я, к примеру, вовсе не хочу быть бессмертной.

— А еще, — добавил я, — можно объявить в масмедиа и везде-везде, что к бессмертию стремятся только трусливые. А вот вы, отважные, плевать хотели на вечную жизнь, потому жаждете прожить красиво, смело и безрассудно... Как не слышать, это же звучит громче всех.

Она посмотрела с подозрением.

— Похоже, ты считаешь этих людей... недалекими?

— Не только, — ответил я мирно, — сама знаешь басню Эзопа насчет лисы и винограда. Большинству бессмертные просто недоступно, что и так понятно. Одним из-за возраста, другим из-за недостатка финансов... Не все миллиардеры, первые годы бессмертные будут по карману только им, потом мультимиллионерам, затем простым миллионерам... А через десяток лет, если не через два, удешевится настолько, что станет доступно и рядовым гражданам. Вот они-то, понимая ситуацию, и говорят сегодня гордо, что им бессмертные и даром не нужны. Однако удешевись оно рывком и стань доступным, сразу же закричат, что быть бессмертным — это красиво, умно, отважно, изысканно и вообще правильно.

Она вздохнула, покачала головой.

— Ладно, это сложный вопрос. Что ты все к деньгам сводишь?.. Я так и не поняла, как это может быть связано с хищением двенадцати миллионов долларов?.. Что-то мне от таких ужасов есть захотелось.

Я сказал одобрительно:

— Прекрасно! Мозг начал работать!

— Что-что?

— Мозг, — повторил я отдельно. — Несмотря на то что мозг занимает два процента веса тела, он поглощает десять процентов кислорода, крови, энергии во время сна и двадцать пять, когда не спит, а просто чешется и зевает, но если напряженно думает, то этот гад потребляет почти все! Он вообще потребляет больше половины всего сжираемого человеком сахара! Загляни в вики, лауреаты нобелевских премий сжирали по килограмму шоколада в день!.. По килограмму и больше. Мозг не только жрет четверть всей еды, но выбирает лучшее, а

остальному организму, например мускулам, сойдет и говно какое-нибудь...

— Но-но, — сказала она сердито, — не увлекайся гиперболами. Или метафорами?..

Я засмеялся, хотя может показаться немножко странно, но в стрессовых ситуациях всех нас тянет поесть. Нормальных, у кого с психикой в порядке. При еде высвобождаются эндорфины, «гормоны счастья», человек сразу веселеет и чувствует себя лучше.

Женщины в стрессовых ситуациях спешат съесть пирожное или торт, мужчины предпочитают большой кусок жареного мяса.

Ингрид в этом правильном смысле тоже мужчина: мы заехали в ближайшее кафе и довольно дружно и слаженно заказали по двойному и хорошо прожаренному бифштексу.

Довольная непривередливыми клиентами официантка ушла на кухню, Ингрид взглянула на меня пылливо.

— Что такой задумчивый?.. И взгляд такой загадочный?

— Что-то упускаем, — пробормотал я.

— Что?

— Если бы знал... Так, ощущение.

Она отмахнулась.

— Ты же не бабка старая, нечего к ощущениям прислушиваться. А то еще сны начнешь в соцсетях рассказывать!..

— Ты права, — согласился я. — С этим стоит шагнуть на первую ступеньку вниз, а дальше потащит само.

Официантка принесла по блюдцу с травкой, салатики, чтобы разжечь аппетит, ну прям не обойдемся без травок... хотя, с другой стороны, витамины, микроэлементы...

— А жизнь идет, — пробормотал я, — кто-то миллионы ворует, а в мире тем временем...

Она сказала отстраненным голосом:

— В Эритрее вспыхнула война, по Афинам нанесен ракетно-бомбовый удар, Гелетти забил свой сотый гол, в лесах Белоруссии упал золотой метеорит весом в семь тонн, а в Евросоюз прибыл стомиллионный мигрант из Африки, теперь там анклав Нигерии добивается независимости и создания своего королевства между Францией и Германией...

Я скривился.

— Откуда знаешь? У тебя в ушах радиоприемник?

Она улыбнулась.

— На стене за твоей спиной большой экран с новостями. Ты ешь, ешь салатики, ботаник.

— Бред, — сказал я брезгливо. — Какие это новости? Новости, это что открыто, создано, изобретено в хай-теке, биологии, медицине... А за события с войнами и концертами когда-то будет стыдно ныне смотрящим, будто вообще за футболом наблюдали больше двух секунд.

— Тогда люди перестанут быть людьми! — сказала она высокопарно.

— Скорее бы, — ответил я со вздохом.

Она посмотрела в негодование, но я абсолютно серьезен, видно же, что в самом деле жду этого дня не с ужасом, а с надеждой и радостью.

— Сумасшедший, — выдохнула она. — Куда мир движется... подумать страшно.

— Точно, — подтвердил я с удовольствием.

— А вы все, — добавила она, — яйцеголовые, самый страшный народ. Чудовище на чудовище. Вы уже не люди!

— Мыслями да, — согласился я с гордостью. — И даже чувствами. Скорее бы всобачить те измене-

ния в себя, что так ждем! Я ни одного дня ждать не буду. Как только, так сразу.

Она поморщилась, подвигала бровями, они у нее классные, но возразить то ли нечего, то ли не захотела спорить в незнакомой для себя области, тем более что со стороны кухни показалась официантка с большим подносом в руках.

Я помог ей переставить на столешницу тарелку с громадным бифштексом для Ингрид, вызвав кислую гримаску на ее лице, видимо, задел ее суффражизм, потому она кивнула официантке, а мне буркнула почти с неприязнью:

— Давай вернемся к хищению. Если это новое слово в воровской технике, то в чем его особенности?

— К примеру, — сказал я, — некто начинает готовиться заранее. Он хочет потратить деньги на самое главное в жизни. Что самое главное? Вовсе не яхты и не покупка самого дорогого футбольного клуба, как думают люди бедные, недалекие и... сама знаешь, кто. К чему эти яхты, если все равно умрет? Лучше быть последним нищим, чем мертвым миллиардером!.. И миллиардеры это обычно хорошо и очень отчетливо понимают. В отличие от бедняка, у которого яхт и самолетов нет.

Она некоторое время смотрела, как я отрезаю от куска мяса, истекающего сладким соком, аккуратные ломтики и отправляю в пасть, фыркнула.

— Да ну?

— У нищего есть шанс стать миллиардером, — напомнил я невнятным голосом, трудно жевать очень лакомое и говорить прописные истины, — а у мертвого нет. Тем более если у нищего в запасе вечность. Потому если предположить, что некто украл деньги, чтобы воспользоваться ими через несколько лет...

Она задумалась, свой бифштекс начала резать медленно и красиво, почти леди, если бы не эти мускулы, вскинула на меня взгляд пытливых глаз.

— А не сам ты это все провернул?

— Ну вот, — ответил я, — опять за рыбу гроши. К твоему сведению, миссис Мускул, если тебе нужна голая, как Коминтерн, правда, то я должен склеить ласты, как ты уже навела справки, в течение двух ближайших месяцев. Если повезет. А то и раньше. Так что мне и триллион долларов без надобности.

Она кивнула.

— Но что-то мне говорит, ты пошел на поправку?

— Берем этот вариант, — ответил я, не опровергая и не подтверждая, — я выздоровел, но... тогда и без денег получу бессмертие в числе первых! Да-да, и по возрасту, и потому, что я в группе тех, кто его разрабатывает. Сперва мы, группа создающих, отшлифовывающих и проверяющих перед выпуском на рынок, потом миллиардеры. Так что меня можешь вычеркнуть. Но если хочешь терять время, давай, вперед с музыкой! Или без музыки.

Она кивнула.

— Хорошо, временно вычеркиваю. Только в какую-то преступную группировку тебя надо все-таки внести. У тебя вид такой. Непокойный. Я же вижу, тебе не сидится. То ли воровать миллионы, то ли убивать направо и налево... Словом, выглядишь настоящим ученым-практиком. Да и нож держишь, как Франкенштейн.

— Франкенштейн был великим ученым и хирургом, — напомнил я. — И никого не убивал.

— Ну, этот, которого он создал...

— Ой, спасибо, — сказал я, но не упустил случая

грызнуть ее снова, — только тот монстр ножом не пользовался вообще.

Она дернулась, простой народ всегда путает великого хирурга и его творение, сказала чуть громче и с вызовом:

— Тебе нужно почаще бывать у психоаналитика! Но это твое дело, а сейчас... По-твоему, деньги могут лежать до нужного времени?.. Гм... это, конечно, объясняет, почему нигде еще не засветились... хотя слишком надуманно и необычно.

— Все новое кажется непривычным, — согласился я. — Добро пожаловать в наступающий мир, мисс Опричника!.. Новые возможности, новые виды мошенничества, новые способы преступности. Как организованной, так и дилетантской.

— Дилетантской? — переспросила она. — Что тебя наталкивает на мысль о дилетантстве?

— То же, — ответил я, — что и тебя. Какое-то странное ощущение, что в нашем случае не все сделано чисто. Хотя это может быть потому, что преступление именно новое? Нового образца? Потом отшлифуют, будут делать безукоризненно?

— Сплюнь, — сказала она раздраженно, — на-каркаешь, каркатель. Я раз пять просмотрела досье всех ваших сотрудников.

Я хмыкнул.

— Только досье?.. Ладно, не вешай мне лапшу на уши, ешь спокойнее, а то удавишься со злости.

— А ты как думал? — спросила она сердито. — Похищены двенадцать миллионов долларов!.. Я просто обязана искать улики везде. А что, ты решил прийти с повинной?.. Хорошо, за это скостим срок. Если деньги вернешь все.

— Увы, — ответил я.

— Что, половину уже пропил? Или проиграл? Истратил на сексуальные игры?

— Какие игры, — сказал я скромно, — ты уже знаешь, я в этих делах прост, как Ленин. Римляне говорили: куй продест, куй боно, я с ними в большей части согласен, а меньшей как бы нет.

Она спросила сердито:

— Это что, ругательство? Что-то новое день грядущий нам готовит.

— Похоже, — согласился я, — но это кто что слышит.

— Ну, а что слышишь ты?

— Кому выгодно, — перевел я. — Давай посмотрим, кому выгодно...

— Всем, — ответила она сердито. — Особенно тебе. Хотя мне что-то не верится в твою дегенеративность.

— Ну спасибо, — ответил я. — За дегенеративность.

— Да какая разница, — отрезала она. — Все равно у тебя диагноз липовый. Что-то особо преступное задумал, да?.. Я по глазам вижу. Они у тебя какие-то особенно подлые.

— Знаешь, — сказал я, — если деньги на бессмертие, то мне, например, они не нужны. Ни доллара. Понимаешь?.. Тебе повторить, что и так доживу, если моя нейродегенерация в самом деле приостановлена? До самой сингулярности доживу по возрасту. То есть можно отсечь всех молодых... я вот себя считаю еще молодым. Видимо, можно отсечь и тех, кто и с двенадцатью миллионами не доживет до бессмертия... По возрасту.

Она смотрела на меня исподлобья.

— Это с какого?

— Здесь труднее, — признал я. — Смотря на-

сколько человек оптимистичен и сколько надеется прожить. Бессмертие по всем прикидкам будет достигнуто где-то через сорок-пятьдесят лет. Оптимисты говорят про сорок, а то и тридцать лет, реалисты прибавляют еще двадцать сверху...

— А пессимисты?

Я отмахнулся.

— Эти постоянно кричат, что все погибнем уже завтра, а то сегодня вечером. От метеорита, чумы, вирусов, генных продуктов, армии зомби... Или ты их тоже собираешься принять во внимание? Ну тогда и высадку марсиан учти.

Она отмахнулась.

— Ладно-ладно. Значит, столетних точно отмечаем, как и девяностолетних... У семидесятилетних мало шансов дожить до бессмертия, хотя... гм... крохотная вероятность есть, есть...

— Вот-вот, — сказал я, — видимо, эта группа и является наиболее заинтересованной.

— Семидесятилетние?

— Кому от пятидесяти до восьмидесяти. Сорокалетних можно почти не учитывать, они и так доживут, если не умрут от болезней или от несчастных случаев.

Глава 13

Ее глаза заблестели, лицо чуть оживилось, на щеках проступил здоровый спортивный румянец.

— Надо проработать и эту версию, — сказала она и, вдруг нахмурившись, добавила с подозрением: — А не уводишь по ложному следу, гангстер?

— Конечно, увожу, — ответил я с удивлением. — А как же иначе?.. Двенадцать миллионов того стоят!..

Она отодвинула пустую тарелку, ее пальцы обхватили чашку, но некоторое время не шевелилась, словно греет ладони в холодный день.

Я молчал, отхлебывал свой кофе, она некоторое время раздумывала, потом тряхнула головой, откидывая упавшие на лоб волосы.

— Ладно, я все равно тебя прижучу.

— Не дамся, — сказал я твердо. — Двенадцать миллионов не кот накашлял. Такую дымовую завесу создам... все ваше управление заблудится.

— Я начну проверку с этой возрастной группы, — пообещала она, — но и с тебя глаз не спущу. Значит, от пятидесяти до восьмидесяти... но это слишком широкий диапазон. Сперва выделю группу в пределах шестидесяти-семидесяти. Как думаешь?

— Мудро, — согласился я.

Она фыркнула.

— Сбиваешь со следа? Чтобы сразу и отказалась?.. Нет уж, начну шерстить сперва этих, они самые вероятные, а потом расширю, если никто не попадется... Значит, по твоим прикидкам...

— По уточненным прогнозам Курцвейла и других экспертов, — уточнил я.

— Ладно-ладно, — сказала она. — По их прикидкам...

— Прогнозам! Ученые не прикидывают и не прикидываются!

— Пусть прогнозам, — уступила она. — Видишь, я тоже покладистая. Значит, по их прогнозам, бессмертие будет достигнуто в две тысячи семидесятом? Так что у тех, кому сейчас сорок и кто мо-

ложе, есть шанс получить бессмертие и без преступно нажитых миллионов. А те, у кого возраст зашкаливает за шестьдесят, кровно заинтересованы в больших деньгах, чтобы купить бессмертие в числе первых... Хорошо, уже есть какой-то свет в туннеле...

Я подумал, что вообще-то с нынешней точки зрения даже у сорокалетних шанс дожить до бессмертия невелик. Все-таки сорокалетним через пятьдесят лет стукнет девяносто. До этого возраста и сейчас доживают не все, однако шансы на долголетие постоянно повышаются, так как медицина постоянно работает над удлинением срока жизни. Сколько народу сейчас доживает до девяностолетия, столько через пятьдесят лет будут доживать до ста десяти, так что на самом деле шансы достаточно высоки.

Тем более что если кто-то в самом деле хочет продлить жизнь, тот сможет это сделать с помощью диет, гормональной терапии, стволовых клеток, подсадки молодых органов взамен изношенных, постоянного мониторинга здоровья...

Я разместил рядом с тарелкой планшет, пусть Ингрид видит, как старательно работаю над этим делом, все равно не поймет ничего в мелькающих колонках цифр, а я объяснил, что так проще, быстрее и эстетичнее, мы же ученые, а не какие-то так малограмотные домохозяйки, которым нужны картинки и диаграммы.

— Твои датчики барахлят, — сообщил я. — Давление не сто двадцать два на семьдесят восемь, как показывает твой напульсник, а сто тридцать на восемьдесят пять при пульсе в шестьдесят восемь. Поправь или отключи вовсе, а то ложные цифры могут

неверно сориентировать, ты же такая доверчивая, такая наивная и простодушная...

Она сердито взглянула на циферблат своих часов на запястье.

— А ты откуда... У меня защищено!

— Вай-Фай, — напомнил я. — Кому нужно ставить для простых потребителей сложную защиту? Ты что, атомный центр?

Она нахмурилась, но потыкала кончиком пальца, явно отключая проги мониторинга состояния организма. Вообще-то не стоило мне вот так, но нужно иногда показывать, что, когда смотрю на бегущий по экрану код, понимаю больше, чем если бы видел картинку, а то у нее будет расти непонимание, откуда получаю слишком точные для простых догадок сведения.

— Есть, — сказал я наконец, — вот выделил группу подозреваемых. Взял семидесятилетних. Да-да, им через пятьдесят лет будет сто двадцать. Сейчас это считается пределом, но эксперты в медицине прогнозируют, что уже через десять лет сумеем создать методику, продляющую жизнь человека еще лет на двадцать-тридцать.

Она посмотрела на меня исподлобья.

— То есть у них пан или пропал?

— Да, — сказал я. — Это те, которые ждать не могут. Они дотянут до бессмертия, но получить не сумеют... если не заплатят за то, чтобы оказаться в первой если не сотне, то хотя бы тысяче. Потому им отчаянно нужны большие деньги. Чем больше, тем лучше.

Она задумчиво смотрела на появляющиеся на экране планшета портреты пожилых людей.

— Пяти миллионов не хватит?

Я понял, кивнул.

— Двадцать надежнее.

Она вздохнула, спросила безнадежным голосом:

— Сколько таких?

— Миллионы, — ответил я рассеянно, — даже десятки миллионов, но если отбросить Африку, Австралию и острова в Тихом океане...

— Не умничай!

— И оставить только тех, — закончил я, — кто реально заходил в наш Центр, то вот эти наиболее вероятные.

Она привстала, заглядывая в планшет, потом отодвинула от него свою тарелку и, перетащив стул, пересела ко мне ближе.

— Ну-ну, имена их знаешь?

— Обижаешь, — ответил я. — Спрашивай. Все, начиная с момента оплодотворения и по сегодняшний день. Включительно, разумеется... Ой, не касайся меня рукавом, я стесняюсь и начинаю такое представлять...

Она чуть отодвинулась, глаза стали злыми.

— Где ты у меня увидел рукава?

— Тем более, — сказал я со вздохом. — Коснуться голым локтем — это же интим.

— Извращенец, — буркнула она. — Это все, что накопал на них, достоверно?

— В той же мере, — ответил я с достоинством, — как и то, что этот бифштекс сожрал раньше тебя.

Она посмотрела на остатки бифштекса на своей тарелке, перевела взгляд на меня.

— Сдаюсь. Мужчины мастера переводить продукты. Ладно, что собой представляет вот этот первый на снимке?

— Иннокентий Володарский, — сообщил я. — семьдесят лет, но на пенсию не выходил...

— Зря, — сказала она, — мог бы и пенсию получать, и зарплату. Что смотришь? Что-то сказала не так?

Я поинтересовался мягко:

— Знаешь, сколько академики получают?.. Ладно, умолчу.

— Хорошо-хорошо, — сказала она торопливо. — Я сглупила, признаю. Хотя и не понимаю, где. Но почему ты решил, что он убийца, растлитель, а еще и похититель двенадцати миллионов долларов?

— Я не так решил, — возразил я. — Не надо мне присобачивать всякие ваши штучки. Я решил, что... постой, а ты уже начала прислушиваться к тому, что я мямлю? И даже оформляешь в такие звучные слова? Даже чеканные как бы? С самой правильной и справедливой милицейской точки зрения?

Она пожала плечами с самым независимым видом.

— Надо же тебе дать более длинный поводок! Мужчины короткий рвут, а на длинном ходят хоть бы что. И даже довольны. Ты, с твоим извращенным умом, лучше понимаешь таких же преступников. Потому что ученые, как я слышала, все до единого преступники.

— Мы преступаем законы природы, — уточнил я, — что не совсем как бы.

— Но близко, — отпарировала она. — Законы есть законы!.. Природные или уголовные. Я согласна, карманники и ученые не одно и то же, но крупные валютные спекулянты и продавцы межконтинентальных ракет преступным режимам... у них есть что-то общее!

— Разве что размах, — согласился я. — В общем, ты уже поняла, верно? Володарский, как человек очень умный и продвинутый, жить хочет очень

даже. Это нормально и естественно. А так как для него нормы общества... на раз плюнуть, мы же знаем, что Бога нет, то не проблема нарушить, лишь бы не поймали.

Она проговорила с сомнением:

— Мне он кажется с виду очень приличным человеком. Увеличить можешь?

— И даже повернуть, — ответил я, — любым боком. Могу показать голым, если очень хочешь. Или остальные его фото, сделанные в более... нет, менее академической форме.

— Не нужно, — возразила она. — Он все равно кажется мне очень приличным человеком.

— Потому что даже с портрета смотрит на твои сиськи?

— Есть у меня ощущение, — произнесла она медленно. — Чувство такое... А у тебя?

— Я не женщина, — напомнил я. — У мужчин больше интеллект, чем доставшиеся нам от предков ощущения. А так как я еще и ученый, что есть высшая форма мужинства, то... дальше пояснять надо?

Она фыркнула.

— Что ты наглый и самоуверенный, видно за мило. Откуда эти блинчики с мясом? Когда ты успел заказать? Хотя бы с творогом, а то снова с мясом...

— Не хочешь, — предложил я, — съем и твои. Сколько тут блинчиков? Что за мода пошла дурная насчет лилипутских порций...

Она молча смотрела, как я быстро проглотал, почти не пережевывая, и нежнейшие блинчики, жестом указал официантке на пустую чашку, она тут же с удовольствием принесла уже полную.

Ингрид все так же молча наблюдала, как я с наслаждением заливаю горячий напиток в глотку, спросила в нетерпении:

— Ну? Как в тебя все это влезает!

Я со вздохом удовлетворения опустил пустую чашку на столешницу.

— Хорошо... Можешь расплатиться, и поедem. Я имею в виду, отправимся к нему. К академику Володарскому.

Она охнула.

— С ума сошел? Без ордера? Даже без улики?

— Но мы же не арестовывать идем, — сказал я. — Просто поговорим, поделимся трудностями. Соображениями. Посмотрим, что скажет. По тому, как человек отвечает, можно ощутить, виновен или нет. Другое дело, подобрать улики... Понятно, но хотя бы первый шагок!

Она покачала головой.

— Ничего не получится.

— Почему?

— А потому, — ответила она по-женски прямо. — Станет он выкладывать тебе, как воровал двенадцать миллионов!

— Двадцать, — уточнил я. — Почему-то мне кажется, что обе суммы спер один и тот же человек. Хотя восемь миллионов не жалко, мелочь, а вот двенадцать...

— Тем более, — непререкаемым тоном заявила она. — Тем более ничего не скажет.

Я подумал, предложил:

— А если будем говорить не о том, как он украл деньги?

— А о чем?

Я сдвинул плечами.

— Можно постараться просто понять, он или не он. Если он, то будем искать улики. Если не он, то посмотрим, кто у нас следующий в списке на должность виноватого в плохой раскрываемости

преступной деятельности в нашей светлой и лучезарной стране.

Она подумала, сказала с сомнением:

— Понимаю, ты надеешься, что все старики болтливы, любят поговорить, попоучать молодежь, рассказать, что раньше и снег был белее, и солнце ярче...

— Тоже в нашу пользу, — ответил я. — Пролетариату нечего терять, кроме наручников, так что надо попытаться. В крайнем случае ударит костылем по спине... Надеюсь, не меня. Ладно, поедем. Хотя и вкусно было, но все-таки как ни здорово быть млекопитающим, я хоть сейчас готов отказаться от любой вкуснейшей еды и перейти на электричество. Конечно, и кишечник в таком случае не понадобится, но как-то переживу без этого мешка с говном.

Она поморщилась.

— Среди ученых такие термины?

— Точно, — подтвердил я. — Только животное чувствует удовольствие от еды!.. А потом, поносив в себе говно, чувствует почти такое же удовольствие от дефекации. Дефекация, это когда срет.

Она хмыкнула.

— Я тоже чувствую удовольствие от еды.

Я посмотрел на нее, как слон на муравья, она зло стиснула челюсти, едва не перекусив вилку, поднялась, оставив деньги на столе.

За порогом кафе солнечный день, автомобили проносятся быстрые, как смазанные молнии, она щелчком пальцев вызвала со стоянки автомобиль.

— Все чувствуют, — сказал я, — той частью, что в нас от животного. Но я стараюсь жить разумом. Разум, это... впрочем, неважно. Мы все равно перейдем на тот уровень, где разум будет наконец-то главнее.

— Не страдай, — произнесла она с сочувствием. — У тебя и по-животному получается неплохо. Ученые — тоже, оказывается, мужчины. Я вообще-то думала, что яйцеголовые — это когда эти штуки на голове... Значит, раскалываешь его ты, а я смотрю, чтобы ты не напортачил, так? Я правильно поняла твои полупрозрачные намеки, что, когда говорят академик и доктор наук, полицейская дура должна молчать в тряпочку?

Глава 14

Автомобиль резко остановился перед нами и распахнул дверцы, а как только мы сели, поспешно рванулся с места, чтобы не загораживать дорогу остальным.

— Ну при чем здесь дура? — сказал я с неудовольствием. — Лучше пользоваться изящным синонимом вроде «красивая женщина» или «просто очаровательная». Ты же необходима просто не знаю как, я же сам шнурки не сумею... К счастью, с тобой мне повезло.

— Я тебе шнурки завяжу, — пообещала она злобно. — Еще как завяжу! На горле.

По обе стороны шоссе замелькали высотные дома, они наряднее старых, автомобиль красиво и стремительно понесся в сторону великолепной, залитой солнцем автострады.

Издали она как нечто изящнейшее и буквально воздушное, вознесенное на тонких, как спицы, столбах, так высоко, что под нею смогли бы проплывать авианосцы с сотнями самолетов на палубе и торчащими башнями тяжелых орудий.

Ингрид в нетерпении взяла управление на себя, автомобиль тут же прибавил скорость. Минут через

пять вылетели на высоту, с которой видно землю внизу, как с самолета.

Автострада по шесть полос в обе стороны, массивная и вселяющая уверенность в несокрушимости, это издали нечто паутинно-эфемерное, а здесь вся мощь хай-тека в полной красе, а треть автомобилей, что перешли на электротяги, заряжаются прямо от полотна.

Мимо проплыла знаменитая четырехкилометровая Башня Никитина, которую начали было строить еще в середине прошлого века в Японии, но там остановили, зато через почти сто лет выстроили в Дубае, а недавно и в Москве, где стала самым северным небоскребом мира.

Внизу и по сторонам проносятся оранжевые дома, похожие на медовые соты, но когда съехали с высотной автострады и попали в паутину улиц, почти сразу впереди раздражающе вспыхнул желтый свет.

Автомобильный поток начал притормаживать, перед красным выстроилось с десятков впереди, я всмотрелся и кивнул в сторону синего «Ситроена», что замер на три автомобиля впереди и на ряд слева.

— Если тебе все равно ждать, сумеешь проверить вон того в синей машине с молнией на боку?

Она спросила настороженно:

— А что с ним?

— Не знаю, — ответил я. — Едем за ним уже минут пять, вижу, в какой он панике.

Она спросила с недоверием:

— Ты это увидел по тому, как ведет машину?

— А ты разве не увидела?

Она процедила сквозь стиснутые челюсти:

— Не выпендривайся.

— Как знаешь, — ответил я. — Но он либо психически больной, либо контуженый, либо что-то натворил серьезное.

— Либо с женой поссорился, — буркнула она.

— Да, — согласился я, — поссорился и прибил на фиг. Хотя в этом случае его винить как бы и не за что. Если женщин прибавляют, то всегда за дело.

Она поморщилась, некоторое время колебалась, глядя на дорогу и время от времени поглядывая на синий «Ситроен», наконец прижала кнопку переговорника и сказала резко:

— Говорит старший детектив Ингрид Волкова. По улице Абу-Саляма движется «Ситроен» синего цвета, записывайте номер... Поступил сигнал, нужно проверить машину и водителя.

Вспыхнул зеленый, машины впереди дружно сорвались с места, но Ингрид скорость убавила, чтобы не обогнать «Ситроен».

Я сказал с облегчением:

— Спасибо. Я тоже хочу, чтобы я ошибся.

— Не брешь, — прошипела она. — Ты мечтаешь, чтобы водитель оказался опасным серийным убийцей!

Минуты через три впереди появился автомобиль с мигалкой, полицейский вышел на обочину как раз вовремя, чтобы показать водителю «Ситроена» зебростой палочкой на обочину.

Я буквально чувствовал, как тому хочется прибавить скорости и прорваться, но электроника наверняка подключена к Сети, полиция может удаленно заглушить двигатель, так что «Ситроен» нехотя съехал к обочине и застыл.

Ингрид тоже прижала автомобиль к краю, прошипела:

— Ну, молись теперь.

— Уже, — ответил я трусливо, — а может, поедем?

Видно было, как полицейский подошел к «Ситроену» и попросил права, водитель с готовностью сунул ему пластиковую карточку. Полицейский посмотрел, вернул обратно, но, подумав, жестом попросил выйти и открыть багажник.

Водитель спорил, на что-то ссылался, наконец полицейский отступил и опустил ладонь на рукоять пистолета. Водитель, крепкий немолодой мужик, нехотя вышел, угрюмо зыркнул по сторонам.

Из автомобиля с мигалкой нехотя вылез второй полицейский и, расставив ноги, наблюдал за происходящим. Водитель нехотя открыл багажник. Я не видел, что там, но полицейский дернулся и выхватил пистолет.

Второй полицейский что-то закричал в переговорник и тоже суетливо выхватил оружие.

Ингрид прошипела нечто злое и рывком сдернула автомобиль с места. Я поинтересовался:

— Что там было? Я черепахистый, не рассмотрел.

— Я тоже, — буркнула она.

— А чего они так?

Она ответила нехотя:

— Судя по реакции, в багажнике связанный человек. Живой. На труп реагировали бы иначе. Или на ящик с оружием.

— Ух ты, — сказал я, — ты молодец, такие вещи замечаешь.

— Тренировки, — ответила она все еще раздраженно, посмотрела на меня косо. — Но твое умение важнее. Как накачал?

— Да пустяки, — ответил я благодушно. — Сперва нужно защитить кандидатскую или магистра,

хотя это одно и то же, прочесть сотни статей по нервной системе нематод...

Она прервала:

— Заткнись.

— Заткнулся, — ответил я покорно. — Обожаю отечественную полицию. Самую вежливую в мире. Спасибо, что не вдарила!

— А как хотелось, — процедила она.

Огибать Таджикиград не стали, проехали эти кварталы напрямик, хотя Ингрид напряглась, пока пробирались по запруженным прямо на тротуаре и проезжей части лавками и блошиными рынками улицам, где продаются и перепродаются краденые в основном вещи.

Пару раз в нас бросили камни, угадав белых, хотя я дал команду стеклам стать темными, как ночь, ребятишки бросались навстречу с воплями, предлагая купить дзерг, кикку и лайсу, самые популярные на сегодня и самые дешевые наркотики, но Ингрид вела машину достаточно непреклонно, оставив пистолет на коленях в готовности.

Когда пересекли черту, отделяющую их район от Чайна-тауна, а затем и района Калмыкбада, сказала с облегчением:

— Все, вырвались. А раньше это был самый мирный народ... Самыми крутыми были узбеки. Таджики у них пребывали почти в рабстве... Давно, в Средние века.

— Скинули оковы, — согласился я. — Проезжай лучше по Темирлановской. На перекрестке Мари Люпена авария и затор...

Она зыркнула на меня зло:

— Чего так решил?

— Интуиция блестящего ученого, — объяснил я скромно, — и точный математический расчет.

Там не было аварии четыре года, семь месяцев и двенадцать дней, что вообще-то рекорд для этого перекрестка. А если учесть атмосферное давление, протуберанцы на Солнце и свирепый муссон с пассатом, то...

Она прервала:

— Хорошо-хорошо, заткнись!.. Сам хоть понимаешь, что несешь? Или прикалываешься? Муссон с пассатом! Я в школе географию тоже проходила.

— Обожаю умных женщин, — сказал я льстиво. — Особенно в форме. Ты в следующий раз надень ее в постель, хорошо?

Она покосилась зло.

— Хочется поглумиться над властью?

— Ну хоть так...

— У меня нет формы, — отрезала она, — Я детектив, а не уличный постовой.

— Жаль, — сказал я с огорчением, — а так хотелось бы кому-нибудь сказать, что имел я эту власть... ну ты поняла.

— Мечтай, — ответила она недобро. — Как только возьмем главного гада, тебя посадим с ним вместе в одну камеру, а потом в Сибирь белых медведей пасти, стричь и собирать удои.

— Понял, — сказал я. — Значит, в моих интересах всячески затягивать поимку и арест главного гада. Езжай сейчас по...

Навигатор пискнул и сказал торопливо:

— Неожиданная авария на Мари Люпена!.. Рекомендую сменить маршрут. Проехать можно по Темирлановской...

— А потом через площадь Улугбека, — добавил я. — А то на Темирлановскую попрут все, надо из потока вовремя выйти.

Она покосилась на меня с подозрением уже не только в глазах, но и на лице, крунула руль, автомобиль послушно нырнул в проходной двор, а там, лавируя между домами, выскочили на улочку к площади Улутбека.

— Почему Володарский? — спросила она. — Если человек стал вегетарианцем, бережет здоровье, то, по-моему, он меньше всего готов к преступной деятельности.

— Люблю власть, — сказал я с одобрением. — Такое выдает, что любой грузчик тоже начинает умничать и указывать президенту, куда крунуть штурвал.

— Я не президент, — огрызнулась она. — Так почему?

— Ты про ускорения прогресса слыхала? — спросил я. — Такое слово, как «экспонента», знаешь?

— Это про индийского мудреца, — сказала она, — что на шахматную доску зернышки клал, на каждое в два раза больше?

— Сообразила, — ответил я. — Вот так сейчас развивается и наука. Вся. В смысле, всякая. И железнячники, и мокрохвосты. Те и другие уверяют, что бессмертие будет достигнуто. Только железнячники уверены, что бессмертие достигнут с помощью металлических имплантатов, а мокрохвосты — через изменение генетического кода.

Она буркнула:

— И что?

— Сразу прикидываешь, — сказал я мирно, — какая будет преступность и будет ли вообще? Преступность, конечно, будет, хоть снизится вовсе до минимума. Да и зачем рисковать, если уже заполучил самую высшую ценность — жизнь до бесконечности!..

Она фыркнула.

— Это счастье?

— Счастье, — ответил я серьезно.

Она презрительно прищурилась, взглянула свысока.

— Ты так боишься умереть?

— Боюсь, — ответил я честно.

Она сказала с тем же презрением, но и чуточку удивленно:

— И даже не стыдишься признаваться? Какой же ты мужик?

— Я не мужик, — возразил я с достоинством. — Это у вас там в полиции одни мужики. Даже если в юбках.

— А ты кто?

— Мужчина, — пояснил я. — Это чтоб тебе было понятнее. Как-нибудь считаешь на досуге о разнице между мужиком и женщиной. Хотя вроде бы оба самцы, но разница как между небом и землей. Ладно, как между плотником и столяром, это чтоб тебе было понятнее.

Она поморщилась.

— Ты не увиливай. Почему не стыдишься?

— А уже нет надобности, — пояснил я. — Раньше, когда все обязательно склеивали ласты, выбора не было, и нужна была философия, оправдывающая неизбежность смерти. И все мировоззрение было подчинено тому, чтобы раз уж нельзя стать бессмертным, то нужно принимать смерть гордо и с достоинством. Желательно в красивой позе, с улыбкой. Так, впрочем, и делалось во все века и во всех культурах. Даже последние слова придумывали заранее, чтобы сказать в час смерти, а потом красиво помереть.

— Ну-ну, — поторопила она.

— Что «ну»? — спросил я с неудовольствием. — Что непонятно?.. Люди не просто скоро перестанут не умирать, а это случится на протяжении нашей жизни. Если ничего не случится, то еще можем успеть!.. Тебе сколько лет?.. Ладно-ладно, молчу. Прости, я посмотрел на твой бицепс в пятьдесят сантиметров, потому и спросил. Чего нам, мужчинам, скрывать возраст?

— У меня сорок два, — ответила она, — что даже для мужчины хорошо. У тебя вроде бы меньше тридцати?

— Тридцать семь, — ответил я с обидой, — глазомер тебя подводит.

Она ухмыльнулась.

— А чего обиделся? Ты же ученый, тебе на физические данные начхать. Значит, страшно смерти?

— Кому не страшно, — ответил я так же серьезно, — тот дурак. Хуже того, животное. Животное не боится смерти, оно боится гибели. Животное не понимает, что от старости тоже умрет. А человек должен понимать, что все его знания, весь опыт, все-все исчезнет вместе с ним. Это и для общества катастрофа... ну, не полная, прогресс все же идет, но представь себе, если бы великие ученые не умирали в свои шестьдесят лет, а жили хотя бы сто-двести!.. Да и не только великие... Сейчас знаний столько, что учиться приходится до пятидесяти, а там только начинаешь брать разгон, как приходит за тобой смерть и говорит: мало ли что ты уже почти готов создать лекарство от рака и от всех болезней!.. Пришла пора ложиться в гроб.

Она буркнула:

— То другое дело. Одно — жить до ста или даже двухсот лет, другое — быть бессмертным! Я уже говорила, бессмертной быть не хочу!

— А кто неволит? — спросил я. — Как надоест — убейся о стену. Или прими йаду. Прыгни с крыши. Утопни. Да как угодно!.. Твое право. Бессмертие для тех, кто хочет умереть тогда, когда сам изволит, а не когда природа скажет.

— А-а-а-а, — протянула она, — ну, на такое бессмертие я согласна...

Я посмотрел на нее с ухмылочкой.

— Спасибо.

— Что? — спросила она настороженно. — Что опять не так?

Я отмахнулся.

— Да все так. Все-таки прогресс. Есть вообще настолько тупые, что доказывают с пеной у рта, что умирать хорошо и необходимо. Не только для прогресса, но как бы и человеку.

Она нахмурилась, подумала.

— Для прогресса еще понимаю... для эволюции, в смысле, а как для человека?

— Не представляю, — ответил я, — но говорят! Ты же знаешь, сколько у нас в стране гениальных людей, что знают, как спасти экономику, вылечить все болезни, сделать людей счастливыми... и как жаль, что все они работают дворниками, водопроводчиками, мусорщиками, почтальонами или консьержами.

Глава 15

Автомобиль с огромным облегчением вылетел за границу высотных зданий, дальше зеленый простор на десяток километров, а за этой полосой лесных легких города пошли коттеджные поселки, почти полностью сменившие устаревшие деревни и села.

Горожане, заботящиеся о здоровье и долголетию, стараются переселяться «на природу», что значит за город, а там в села или в коттеджи — это уже у кого на что хватит средств.

Володарский, как указывает адрес, живет в таунхаусе. В чем-то лучше, чем в городской квартире, в чем-то хуже. В городской квартире обычно вообще не знаешь своих соседей даже по лестничной площадке, а здесь сосед за стенкой один, знать приходится поневоле. И как-то соуживаться хотя бы на предмет шума за стеной.

— Вторая половина дома, — пояснил я, — принадлежит его дяде. Отношения хорошие, так что у них почти коттедж, разве что участок крохотный. Но клубнику сажают оба. Еще и пять кустов смородины на двоих завели. В общем, экологическая чистота.

Она покосилась на меня с недоверием.

— И про смородину знаешь?

— И даже про чернику, — сказал я: — С той стороны два кустика. По одному на брата. Каждый заботится о своем. Соревнуются! Лес, как видишь, рядом. Грибы собирают, землянику...

— А про грибы откуда знаешь?

Я усмехнулся.

— А их все собирают, если живут поблизости. Даже не пенсионеры. А тем вообще что еще делать? Володарский достаточно здоров, каждое утро пробежку делает. Без фанатизма, как бывает у других, он же ученый, все соизмеряет точно.

Она подумала, спросила очень серьезно:

— Это как-то может помочь в нашем деле?

— Не знаю, — признался я. — Пока идет процесс накопления количества фактов и домыслов, а потом, возможно, как гласит теория, начнется переход количества в качество. Ты в это веришь?

Она буркнула:

— Вообще-то в науку верю, а вот тебе нет.

— А я вот тебе верю, — сказал я льстиво. — Ты вся такая правильная, стойкая, нестигаемая, мускулистая, с этими вот...

— Заткнись, — прервала она.

— Я имел в виду, — пояснил я, — с убеждениями. Стойкими такими, твердыми, осязаемыми. А ты что подумала?

Автомобиль свернул, подчиняясь указаниям навигатора, аккуратные таунхаусные домики побежали навстречу и пошли по обе стороны ровными, как по шнурку, рядами.

Домик Володарского не отличается от других, здесь планировка у всех общая, как обязательная школьная форма, никто не должен выпендриваться.

За аккуратным палисадником по ту сторону на математически выверенном расстоянии друг от друга выстроились увешанные ягодами кусты черной смородины и ежевики. Черники за домиком не видно.

Слева от дома земляника в высоких грядках, укрепленных досками на уровень чуть выше колена. Наверное, чтобы меньше наклоняться, выдергивая сорняки. Да и вода там будет сохраняться дольше, между досками и землей проложена то ли ткань, то ли пленка, не огородник, не знаю, но сделано тщательно, это вижу.

У скромной калитки на столбике коробочка домофона с блестящим глазком камеры. Ингрид нажала кнопку, я невольно выпрямил спину и постарался выглядеть значительнее. Это я хозяина не вижу, но он, прежде чем дать воротам команду отъехать в сторону, сперва посмотрит внимательно на лица гостей.

Через пару минут из динамика донесся чуточку хрипловатый голос:

— Да, слушаю вас?

— Здравствуйте, — сказал я. — Картошку купить не хотите?.. Прямо из Белоруссии привезли... Нет-нет, это я шучу, не пугайтесь. Господин Володарский, мы к вам за небольшим таким интервью.

Он переспросил:

— Интервью? Со мной насчет интервью никто не связывался.

— С нами тоже не любят связываться, — признался я. — Вроде бы приличные люди... Я во всяком случае, точно. Или потому, что мы из полиции?

Он помолчал мгновение.

— Ну, если из полиции... Придется впустить. А то явитесь с кувалдой... Или она у вас собой?

— Даже две, — заверил я.

В калитке щелкнул замок, створки ворот пошли в стороны. Ингрид посмотрела на меня с укором, но промолчала и вкатила автомобиль на небольшую стоянку под две машины.

Как только въехали во двор, ворота тут же поспешили сдвинуться, отгораживая участок от остального пространства.

Дорожка от калитки и стоянки к дому выложена серой плиткой, уложена тщательно, но все же травка ухитряется, обдирая бока, протискиваться в микроскопические щели.

Ингрид, как я заметил, старается не наступать на нее, та и так жалобная, ей намного труднее жить, чем той, что рядом с дорожкой.

Здоровое питание здоровым, однако и про красоту Володарский не забывает: почти половину крохотного участка занимают астры, пионы, еще какие-то цветы, я в этом не силен, а также черно-

клен, что не дерево, как я думал до недавнего времени, а кустарник, страшноватый, но вообще-то красивый даже на мой не совсем классический вкус эстета сингулярности.

Дверь дома произнесла тем же голосом:

— Поднимайтесь на крыльцо, входите. Уже открыто. Я сейчас спущусь.

Ингрид решительно потащила на себя входную дверь. Большая просторная комната в уютном полустаринном стиле открылась без всякого перехода в холл: резная мебель из мореного дуба, огромный камин, на полке сверху разная хрень вроде слоников и шкатулок, там же огромная картина под потолок с изображением яблок, винограда и прочего садово-огородного изобилия.

Мягкий диван с множеством подушек, толстый ковер на полу, старинный шкаф с настоящими книгами за остекленной дверцей, все должно создавать атмосферу уюта и доверия.

Потолок из таких же деревянных панелей коричневого цвета, как и стены, только темнее, а в центре нависающая над столом люстра о двенадцати рожках с лампочками, выполненными в форме свечей.

Даже верх просторных арочных окон выполнен в витражном стиле из цветных стекол, что изображают что-то мифологическое.

Я ощутил себя так, словно приехал в гости к бабушке, но дело в том, что бабушку я не любил за ее строгость и постоянные попытки учить меня, как должны вести себя мальчики.

На второй этаж ведет деревянная лестница, там слышались шаги. Хозяин спускается не слишком быстро, но и не старчески медленно, за перила не хватается, хотя ладонью скользит по ним, выглядит

уверенным, смотрит не на ступеньки, а на своих гостей.

— Ну что, — проговорил он неспешно, — слушаю вас.

На мой взгляд, выглядит моложе своих лет, худощавый и среднего роста, что значит, в молодости считался рослым. И акселерация дала о себе знать, но с возрастом из-за гравитации каждый из нас теряет пять-семь сантиметров роста за счет сдавливания суставов и костей. Семьдесят лет ему не дашь, где-то шестьдесят, а то и меньше.

Ингрид держится сдержанно, передав мне бразды. Володарский доктор наук, как и я, и хотя экономика и нейрофизиология не совсем одно и то же, но все-таки мы хоть из разных семей, но члены одного закрытого клуба высоколобых.

Он поглядывает с интересом, уловил что-то странное, наверняка старается понять, что связывает двух таких непохожих.

— Владимир Лавронов, — представился я, — доктор наук в сфере нейрофизиологии, работаю в научном центре корпорации Игоря Мацанюка. Как и вы, кстати. Моя напарница, Ингрид, кандидат наук... У нас возникли неотложные вопросы, я решил, что вы можете помочь нам разобраться...

Он кивнул, продолжая рассматривать нас с любопытством совсем не старческими глазами.

— Не обещаю... но попробую. Садитесь пока за стол. Нет-нет, с этой стороны сажу я, а свои привычки менять уже поздно, да и не хочется.

Мы опустились за стол, белый, с идеально ровной и гладкой, как стекло, поверхностью. Посредине вазочка с мелкими цветами, что-то похожее на гвоздику, но не гвоздика, ту я видел однажды в фильме о революции.

Он сказал с интересом:

— У меня редко бывают гости. По разным причинам. Но вы меня заинтересовали. Что могло привести ко мне научных работников из Центра нейрофизиологии?

Ингрид беспокойно поерзала задницей по сиденью стула, а я сказал мирно:

— Можно, я сразу вместо танцев перейду к главному? У нас случилась крупная недостача. Кто-то выкрал весь наш последний грант в размере двенадцати миллионов долларов. Наш отдел, как и соседние, опечатан, мы пока маемся без дела.

Он кивнул, то ли ничуть не удивившись, то ли в этом возрасте лица становятся не такими подвижными, как в их же молодости.

— Понятно, — произнес он неспешно, — а как люди молодые и беспокойные, то решили, что в полиции все дураки, что приблизительно верно, а вы, как молодые ученые и обладатели более высокого интеллекта... по-вашему мнению, самого высокого в мире, можете разобраться сами.

— Это слишком жестко, — возразил я. — В полиции тоже иногда попадаются умные, я сам видел в кино.

— Я тоже верю фильмам, — согласился он. — Такое приятное и успокаивающее чувство.

— Да и мы, — договорил я, — решили не сами разобраться... слово-то какое ужасное, мы в детстве всегда разбирались друг с другом, как вспомню...

Я довольно натурально вздрогнул, подчеркивая свою суть ботаника, который теперь даже муху умертвить не сможет, а если поймает, то выпускает в форточку.

— Решили помочь, — досказал он, — тоже хорошо. Так чем могу я?.. Или в качестве подозреваемого? Говорите прямо, я не обижусь. В моей долгой жизни пришлось повидать всякого.

— Прямых улик нет, — сказал я честно, — но косвенные указывают на вас.

— Какие? — спросил он с любопытством.

— Тайна следствия, — ответил я значительно. — Раскрыть не могу, вы же можете кое-что подправить, от чего-то избавиться, хотя должен сказать прямо, этих улик очень много. А сейчас такая система, компьютеризированная, кстати, что собирает даже микроскопические улики!.. И когда их набирается воз и маленькая тележка, то они уже имеют реальный вес.

Он кивнул, старческое лицо выразило интерес, сочувствие и некоторое сожаление. Но не в том, что попался, а что мы вот, молодые и красивые, тратим время зря, идем по ложному следу, а ничего поделать нельзя, тупые, не всем удастся разъяснить самые простые истины даже на пальцах.

— Вы прибыли, — поинтересовался он, — предъявить обвинение или же пока собираете сведения? Я отшатнулся.

— Обвинения? Упаси боже!.

— Тогда, простите, в чем же...

Я сказал со смущением в лице и голосе:

— Я просто не поверил в эту чушь... Уж простите, но я не полицейский, уже объяснил, почему я здесь, у меня другие взгляды, чем у полиции... Я поделился с директором своими предположениями, он конечно же против моей поездки к вам...

Он усмехнулся.

— Естественно. Директор в первую очередь думает о репутации своего заведения. Репутация —

это и деньги, и новые сотрудники, и вес в глазах конкурентов.

— Однако мне удалось настоять, — сообщил я с нужной долей гордости. — Все-таки я уверен, откровенный разговор с вами развеет все наши сомнения и подозрения.

Его улыбка стала шире и еще ироничнее, пожилые люди не так легко покупаются на комплименты, как молодые дураки.

— Спасибо...

— А то и даст, — добавил я, — новый толчок, как говорил Леонид Ильич, в нужном направлении.

Он усмехнулся, сказал понимающе:

— А в разговоре будете ставить мне всяческие ловушки, верно?.. Хорошо, спрашивайте. Обещаю не хитрить. И хотя вряд ли вы поверите, но мне в самом деле хитрить нечего. А поговорить... Ну, старики поговорить любят.

Я сказал бодро:

— Старики? Старики, по современной терминологии, это люди после восьмидесяти лет. А вам где-то лет пятьдесят?

Он улыбнулся шире.

— Не льстите мне так откровенно, хотя вообще-то любую лесть слушаем с удовольствием. Мне семьдесят и моложе своего возраста не выгляжу.

— Выглядите, — заверил я.

— Да, — сказала натужно и Ингрид, — я бы ни за что не дала вам семьдесят. Так, от силы шестьдесят девять.

Он кивнул, принимая шутку.

— Спасибо. Вы лично из полицейского управления? Прикомандированы к этому товарищу в качестве телохранителя?

Она в замешательстве кивнула, а я сказал торопливо:

— Я не соврал, она в самом деле кандидат наук. По спортивной медицине. Хотя работает в отделе расследования крупных и особо крупных хищений.

Он сдержанно улыбнулся.

— Девушка великолепна, как символ советской эпохи. Да и любой, где крепкая власть. Спортсменка, комсомолка да и просто красавица!.. А что кандидатскую защитила, так вообще великолепно.

Я отмахнулся.

— Да кто теперь не кандидат?.. Сейчас это почти как обязательное среднее образование. К тому же купить диссертацию проще простого. Если бы вы знали, кто ее дядя, вас бы удивило, что она еще не академик!

Она зло сверкнула в мою сторону глазами. Володарский уловил, сдержанно улыбнулся.

— Чаю или кофе? — спросил он. — Все-таки вы с дороги.

— Кофе, — ответил я, — если не слишком затруднит.

— И мне, — сказала Ингрид.

— Хорошо, — ответил он. — А то я сам последние годы только земляничный да чай из шиповника, хотя почему его называют чаем?.. Привыкаем к словам...

Кофейный автомат хоть и старой конструкции, но послушался взмаха его руки и старательно загремел, перемалывая зерна.

Володарский кивнул в его сторону.

— Сорок лет я молот вручную. Были такие мельнички, крутишь ручку, а зубчатые жернова ломают и перетирают зерна в крупный помол, а потом, если требуется, то и в мелкий. На две чашки

намелешь, и уже руки устают... Потом появились электрические, такое облегчение!.. Но варить приходилось в джезвах или, как их называли дикари, в турках...

— Я застал то время, — сообщил я. — Мельнички, правда, были уже электрические, но кофе варили в джезвах. У меня кофе постоянно сбегал, а потом приходилось долго оттирать плиту.

Часть III

Глава 1

Володарский дождался, когда две светло-коричневые струйки оборвутся над пенной поверхностью обеих чашек, умело переставил их на стол, явно гордясь координацией, руки не дрожат, ноги не запинаются.

Ингрид первой подгрребла свою чашку, я взял свою, а Володарский сел напротив и поинтересовался с заметным любопытством:

— Так почему решили начать с меня?

Я заметил, он деликатно опустил слова «поиск преступника», избегает ставить нас в неловкое положение, хороший признак, не чувствует себя виноватым, даже заинтересован, у старых людей мало развлечений, а сейчас ему почти весело.

Ингрид бросила в мою сторону косой взгляд, хотя я и не собирался давать ей слово, не тот контингент, здесь не абитуриенты в полицейскую академию.

— Дело в том, — сказал я, — что...

Нового для Ингрид я ничего не сказал, много раз это обсуждали так и этак, но когда вот сейчас выкладывал Володарскому, то сам ощутил, как

выграниваю доводы, выстраиваю в логические цепочки, связываю малозначащие моменты в единое целое, и вся картина начинает смотреться законченной и понятной.

Он слушал внимательно, время от времени чуть наклонял голову, то ли соглашаясь, то ли принимая во внимание наши доводы, но это, конечно, не значит, что с ними согласен, смотрит серьезно, при всей кажущейся благодушности достаточно алертен и без чашки его чая из шиповника.

— Интересно, — проговорил он наконец задумчиво. — Интересно... Вообще тема интересная. Согласен, интересная. И когда речь идет о бессмертии, то вы правы, за обладание им человек пойдет на любое злодейство.

Ингрид подобралась, вид у нее теперь такой, что вот-вот прыгнет и повяжет, а наручниками скует руки и ноги.

Володарский взглянул на нее с любопытством, ее чувства написаны на красиво-хищном лице крупными и очень разборчивыми буквами.

— И хорошо подобрали доводы, — сказал он похвальным тоном. — Чувствуется цепкий логический мозг ученого... И даже почти жаль, что все неверно.

Она дернулась, в голосе прозвучало недоверие:

— Неверно? Почему?

— Причем, — сказал он, — не по деталям, а в самой сути. Обидно, да? Потому, следуя по этой дорожке, вы зря потеряете время. Но не буду вам мешать, а то еще чего подумаете.

Я застыл, малость ошалелый, не представляя, в какой это сути мог ошибиться. В деталях, еще могу поверить, хоть и не хочу, но чтоб в самой сути...

Ингрид пригнула голову, глядя на него исподлобья, будто собирается боднуть.

— Что можем подумать? — спросила она быстро.

— Что увиливаю, — ответил он. — Спасаю шкуру. Вам трудно поверить, вижу, но это так. В такое поверить легче.

Она сказала медленно, стараясь держать с ним контакт взглядом:

— Легче чем во что?

Он грустно улыбнулся:

— В то, как все на самом деле.

— Мне поверить трудно, — произнесла она холодно, — вы правы.

— А вот вашему коллеге, — сказал он с сомнением, — вижу, поверить легче... Он ваш коллега?

— А что, — поинтересовалась она, — похож на приبلудившегося? Что делать, с прикомандированными такое случается. А почему он может поверить? Потому что тоже из вашей когорты яйцеголовых?

Он взглянул на меня с улыбкой.

— Он лучше понимает ситуацию. Хотя и не до конца.

Я сказал осторожно:

— В сфере своей компетенции и своего возраста я понимаю, надеюсь, неплохо. Но, конечно, многое ускользает. Это Аристотель мог объять все науки да еще Леонардо, но на Ломоносове такое счастье кончилось. Он последний, кто знал все, да еще и стихи писал!

— Защита засчитана, — сказал он. — Хотя вы правы, вы не можете знать того, что знаю я. Просто не можете.

Я спросил жадно:

— Почему? Что я упустил?

Он покачал головой, улыбнулся, по получилось это очень невесело.

— Вы не упустили, потому что еще не можете упустить. Это как не можете точно сказать, хорошо ли сделала глокая куздра, когда будланула бокра, а потом кудрячила бокренка, потому что не знаете, что такое куздра... хотя вон ваша подчиненная уже насторожилась, ей не понравилось, что кто-то кого-то будланул и тем самым, возможно, нарушил правопорядок...

— Понял, — сказал я, — значит, это пока за пределами моей компетентности?

— Как и вашей напарницы — подтвердил он, — хотя вы, конечно, обладая более широкими взглядами и постоянно работающим мозгом, в каком-то приближении поймете. Смутно.

Ингрид сказала настойчиво:

— Говорите же! Вы же понимаете, подозрение с вас никто не снимет, если не будет веских доказательств вашей невинности.

Он вздохнул.

— Хорошо, но тогда я скажу вам о вещах, в которые вы не поверите. Я в свое время тоже, как и ваш друг, полагал, что знания и четкая логика объясняют все. Дело в том, я учитывал, как вот сейчас вы, только знания и логику.

Я насторожился, сказал несколько резче, чем хотел:

— Простите, но я и сейчас буду учитывать только логику и знания. На этом строится прогресс. И даже заждетсяя.

Он кивнул.

— Это понятно. Мне вообще понятно все, что вы говорите. А вот вам... гм... ладно, сейчас увидим. То, что я знаю и что в данном случае важно, на самом деле известно и понятно любому человеку моего возраста. Даже... не обладающему ученой

степенью. Рискну предположить, и вовсе неграмотному.

Ингрид произнесла с суровостью:

— Мы приняли во внимание ваши предостережения. Теперь можно ближе к сути?

— Суть проста, — ответил он замедленно, — как я уже сказал, это зависит не от суммы знаний и даже не от гениальности.

Он умолк, посмотрел на меня, на Ингрид, а я продолжал рассматривать его покрытое глубокими морщинами лицо, дряблую кожу в старческих пятнах, обвисшие щеки и свисающую кожу, особенно между подбородком и горлом, чем он напоминает не то старую дряхлую жабу, не то вара-на.

— Что же мы не учли? — спросила Ингрид, не выдержав молчания. — Да еще самое важное?

Володарский посмотрел на нее внимательно, взгляд из-под красных набрякших век показался мне ясным и оценивающим.

— Не знаю, — произнес он, — удастся ли мне объяснить...

— А вы попробуйте, — поощрила она почти весело и с вызовом. — Мы хоть и тупые детективы, но нахватались вершков на всяких помойках.

Я пояснил торопливо, смягчая ее выпад:

— Мне кажется, знания и логика помогут понять любую точку зрения.

Он сказал со вздохом:

— Ладно, скажу, и хотя вы не поймете, не оби-жусь. Я когда-то таким же дураком был, как и вы оба, уж не обижайтесь. Вы наверняка тоже чувствуете, что десять лет назад были не совсем умными и делали вещи, которые бы сейчас ни за что... Я тоже

в любом своем возрасте полагал, что уже все знаю... Сейчас вы вряд ли поймете, но я все же попытаюсь вам помочь.

— Попробуйте, — сказала она с тяжелым сарказмом, — а то детективы такие тупые, им частные сыщики, а то и вовсе посторонние, всегда указывают, куда идти и что делать. А мы даже шнурки сами завязать не умеем.

Он усмехнулся.

— Верю. Так вот, возможно, знаете, что наш разум — это продолжение инстинкта.

— Слыхали, — сказала она безмятежно. — Инстинкт — это рефлекс? Или наоборот?

— Хорошо, — сказал он. — Во время моей юности гордо твердили, что с момента появления разума время инстинктов окончилось и теперь все будут вести себя только правильно... В общем, потом приходилось нехотя признавать, что инстинкты занимают все-таки больше места в нашей жизни, чем нам хотелось. Мне, к примеру, всегда хотелось понять, когда же инстинкты ослабеют настолько, что нами будет рулить только мозг. Я имею в виду не общую эволюцию в миллионы лет, а вот сейчас, на примере одного человека. Себя единственного.

— И как? — спросила она вежливо.

— Да как сказать, — произнес он с сомнением. — Сперва, особенно в молодости, инстинкт размножения рулит не только над разумом, но и над всеми инстинктами. Потом отступает, и во главе становится инстинкт доминирования, когда нужно и место под солнцем, и зарабатывать больше, и защищать самку и детенышей...

— А инстинкт размножения? — спросил я.

Он коротко усмехнулся:

— Вам в это поверить трудно, однако этот инстинкт никогда не исчезает. Постепенно слабеет, но не исчезает.

Она спросила с недоверием:

— Но как же... Если у вас уже не только дети, но внуки и даже правнуки, если не ошибаюсь, то инстинкт размножения должен бы умолкнуть?

Он кивнул.

— Тоже так думал. Но природа предусматривает даже экстренные ситуации. Например, все мужчины погибнут!..

— А женщины выживут? — спросила она скептически.

— А для вас новость, — поинтересовался он, — что женщины гораздо устойчивее мужчин к любым болезням? И не только в целом, но даже кровь, ткани... все устойчивее?..

— Не знала, — честно ответила она, — но уверена, что так и должно быть. Женщины — высшая раса.

Он кивнул, на лице снисходительная улыбка мудрого деда, что не станет спорить с внуком.

— Так вот, — произнес он спокойно, — на этот случай природа оставила мужчинам возможность размножаться. Конечно, приняла некоторые меры предосторожности, природа на самом деле очень предусмотрительна...

— Иначе бы мы не выжили, — согласился я.

Он кивнул.

— Чтобы старики не мешались среди молодых, спермы у них выделяется капля, и желания особого нет, но если так уж надо, то да, может и старик. Это я к тому, что инстинкт следит за нами до последнего и даже ведет к нему. Я имею в виду, к нашему последнему вздоху.

Она сказала независимо:

— Он же ведет не в прямом смысле, разум в ваши семьдесят лет уже сильнее инстинкта? Не так, как вот у моего юного практиканта с докторской степенью?

— Разум и в девяносто силен, — согласился он, — но не сильнее инстинкта, потому что разум и есть инстинкт. Просто мы называем его разумом, потому что разум есть настолько рафинированный и утонченный инстинкт, что уже как бы и не инстинкт вовсе. Но... инстинкт. И говорит он ясно и четко: точно так, как в молодости: ты должен драться за то, чтобы выжить любой ценой, а потом обязан уступить место тем, кому предначертано в Великой Программе заменить тебя на земле.

Она сказала с недоверием:

— Ни за что не поверю!

Он усмехнулся.

— Я в десять лет твердо знал, что все девчонки дуры и я никогда не женюсь, потому в те годы ни за что не поверил бы, что через четыре года буду страдать из-за какой-то дуры... Да, в общем, мы все уверены, что с возрастом будем умнеть, обрастать информацией, но останемся с тем же мировоззрением, что у нас сейчас. Неважно, какое оно у нас, потому что на каждой ступеньке, оглядываясь назад, говорим с облечением: какой же я был дурак, подразумевая, что наконец-то умный и вот таким умным останусь. И никто не верит, что еще будет меняться.

— Ну-ну!

Он вздохнул и произнес терпеливо:

— Везде в ходу все эти журналистские штампы о всемогуществе разума... хотя еще Гегель писал свою

знаменитую «Критику чистого разума», хотя я так и не понял, что он имел в виду.

Ингрид спросила с неприкрытой враждебностью:

— Вы отрицаете мощь человеческого разума? Несмотря на все успехи науки?

— Разума нет, — сказал он с усмешкой. — Вообще нет. Нами управляет, как бы вам, такой молодой и красивой ни обидно, все еще инстинкт. Мощный древний инстинкт!.. Животный, как бы вы сказали. Даже самая продвинутая наука и чудеса хай-тека — это реализация самого примитивного инстинкта доминирования и распространения своего вида. Думаете, на Марс и в космос нас гонит научная любознательность?.. Ха! Все тот же инстинкт распространения и захвата новых территорий, свойственный любому животному виду. А в каком виде мы подаем эту идею другим, а то и себе, другое дело.

Я смолчал, Ингрид сказала ошалело:

— Но как же... как же все... Как математика, она же с инстинктом не имеет ничего абсолютно общего?

— Все имеет, — заверил он ласково. — У любого инстинкта есть острая потребность в усилении своих возможностей. Умнеют, как вы бы сказали, даже птицы и животные. Как только поняли, что человек перестал на них охотиться, то вот даже дикие утки садятся в городе прямо на людных улицах, олени и лоси выходят на трамвайные остановки, белки и бурундуки начали шарить по балконам, а то и прямо из карманов воруют...

Она открыла рот и тут же закрыла, вспомнив, как полчаса назад рассказывала по дороге, как к ее подруге в квартиру на двенадцатом этаже забрались две белки и, переверошив всю одежду, устроили пикник с разгромом на кухне.

Я сказал уважительно:

— Преамбула хорошая. А теперь...

Он кивнул.

— Да, понимаю. Но это было необходимо, а то начнутся сомнения, а то и совсем не поверите, будете искать против меня улики, а тем самым перестанете искать настоящего преступника. А я, как человек в возрасте, по своему инстинкту стою за крепкую власть и соблюдение всех законов.

— Да-да, — согласился я, — в молодости мы все бунтари, ругаем власть и уверены, что сами бы рулили куда умелее. Как показывает статистика, девяносто восемь процентов прошлых бунтарей становятся с возрастом сторонниками крепкой власти и строгих законов.

— Тогда вы понимаете...

Я кивнул.

— Да.

— Хорошо, — ответил он. — Перейдем к главной части. В общем, вот вам истина, неведомая молодым: никто из людей старшего поколения не стремится жить вечно. Никто!.. Все мы не прочь пожить дольше, но это другое дело, однако «не прочь» и «стремление» — разные вещи, верно? Нет той жажды вечной жизни, что была у нас еще лет тридцать-сорок тому. Инстинкт выживания особи постепенно слабеет, а взамен усиливается инстинкт выживания вида, для которого бессмертные и даже долгоживущие особи нежелательны. Потому никто из нас, людей старшего поколения... да-да, я вижу, как вы переглядываетесь, я все еще не могу произнести слово «старики», а заменяю на вот такие эвфемизмы... так вот никто из старшего поколения пальцем не шелохнет, чтобы продлить себе жизнь.

Она пробормотала с недоверием:

— У меня это все еще не укладывается.

— Инстинкт, — сказал он, — громко и властно говорит, что нам пора уходить. Он даже придумал за тысячелетия красивые и возвышенные философские системы, по которым смерть величественна, прекрасна и необходима. Это и сейчас звучит во мне настолько громко и мощно, что я чувствую себя преступником. Дескать, живу и ем мясо мамонта, хотя давно не охочусь, тем самым как бы объедаю соотечественников. В смысле, соплеменников. Нет, друзья мои, из цепких лап инстинкта вырваться не удастся! Никогда!

Я пробормотал:

— А в сингулярности?

Он взглянул на меня остро.

— Это интереснейший вопрос, но... отдельный. На подходе к сингулярности человек сможет перестраивать себя, убирать какие-то черты характера и даже личности, вписывать новые... однако если уберет все инстинкты, что останется?

Ингрид брякнула громко:

— Компьютер.

Он посмотрел на нее благосклонно.

— Вот-вот. Не только человек неотделим от инстинктов, это мы пережили бы, однако... и разум не может существовать без инстинктов!.. Повторяю, разум — это часть инстинкта. Причем неотрезаемая.

Ингрид пробормотала, не отрывая от него пристального взгляда:

— Тогда создателям искусственного разума придется всобачивать в него и сами инстинкты?

— Да, — ответил он. — В первую очередь инстинкт выживания. А это значит, искусственный разум сотрет человека с лица земли сразу же с

первых же шагов... Однако мы ушли в сторону. Это сложная тема, но мы вряд ли сами сейчас ее решим.

Я понял, поднялся.

— Спасибо за кофе и удивительно мудрые слова. В самом деле вы открыли нам глаза на многое.

Ингрид поднялась и сказала чуточку резковато:

— Жаль, не удастся вас арестовать сразу же. Зато у меня вторая половина дня была бы свободной. Сходила бы в кино...

Он улыбнулся, тоже поднялся.

— Рад, что чем-то помог. Позвольте, провожу до машины. А то у меня такая система, без моего разрешения и не выпустит.

Глава 2

Автомобиль еще не пересек черту, но створки ворот сразу же пошли сдвигаться навстречу одна другой, словно Симплегадские скалы, норовя отхватить нам зад, как перо из хвоста голубя или доску из кормы «Арго».

Ингрид за рулем злая и сосредоточенная, молчит, я наконец поинтересовался:

— Ну как?

— Меня он не убедил, — ответила она резко.

— Меня тоже, — признался я. — С другой стороны, по себе знаю, я не просто приобретал знания, но и менялся. Менял взгляды, политическую ориентацию, вкусы, мировоззрение... А мне еще не сто лет!

Она спросила враждебно:

— И что?

— Предполагаю, — ответил я осторожно, — что где-то когда-то и в чем-то изменюсь. Еще изменюсь. Вдобавок. И хотя в это сейчас не верю, не с чего мне меняться, замечательнее меня уже нет на свете человека, я само совершенство, но все же... вдруг смогу стать еще замечательнее? Да, я верю, даже знаю, что с возрастом буду слабеть, суставы истираться, обмен замедлится, болезни станут ослаблять организм, но это одно, а вот мировоззрение... гм...

Она сказала сердито:

— А вообще не поняла, что он хотел нам втюхать? Мог бы что-то и поубедительнее придумать.

— Я понял больше, — ответил я с удовлетворением.

— Что понял?

— Я понял, что ничего не понял, — пояснил я, — а для умного человека это сразу же повод задать себе вопросы. Почему не понял, что он хотел сказать, что мне помешало понять? Он сказал, что будь я на его стадии развития организма и с его уровнем гормонов, то, возможно, понял бы сразу. Сейчас начинаю чувствовать, мужик прав... нет, не в том, что надо умирать, а что инстинкты с каждым прожитым годом давят все сильнее.

— Сам ощутил? — спросила она язвительно.

— Уже, — согласился я.

— В чем же?

— Да так, — ответил я и посмотрел на нее. — Научился сдерживаться.

Она чуть прикусила губу, вид непривычно задумчивый, вот так в самом деле смогу со временем поверить, что диссертацию сама писала.

— Знаешь, — произнесла она замедленно, — хоть он говорил очень убедительно, однако...

— Не убедил? — спросил я.

— Не убедил, — согласилась она. — Но чуть-чуть задел. Или колебнул. Малость. Потому знаешь что...

— Ну-ну?

— Кто у нас там еще в списке?.. Толстолюбов?.. Давай заглянем и к нему. Если и он такое скажет, выражая общее мнение старшего поколения, тогда почти... нет, все равно не поверю... хотя, скажу честно, этот Володарский говорил довольно убедительно. Наверное, как профессор, привык выступать перед студентами.

— И выступил убедительно, — признался я. — И скажу честно, для меня тоже новый взгляд. Как-то не думал насчет изменения мировоззрения с возрастом. Более того, неминуемого изменения, вот что раздражает... да что там раздражает, просто бесит!

— Может, — сказала она, — все-таки хитрит? Уводит в сторону?

— Может быть, — согласился я. — С другой стороны, звучит, как уже сказал, жутко убедительно. Я-то хорошо знаю, что многие истины, впитанные, как говорится, с молоком матери, оказывались ложными... Хотя, конечно, перед женщиной особенно не хочется признаваться в дурости и неумелости...

Она спросила с интересом:

— Ну-ну?

— Все больше кажется, — ответил я откровенно, — что я где-то лажанулся. И не в умении стрелять из пистолета или бить ногой в челюсть, а в самом важном... что всегда было моей сильной стороной.

Она буркнула:

— В этом случае лажанулись бы все восемь миллиардов человек. Никто и никогда еще с таким не

сталкивался. Но все-таки не начинай посыпать череп пеплом. Я все еще сомневаюсь, что он сказал правду, слишком уж непривычно звучит... В твоём списке еще пятеро? Хорошо, едем к этому Толстолюбому. Если скажет что-то подобное, я поверю. С неохотой, но...

— Если трое говорят, — сказал я, — что ты пьян, то не спорь, а иди спать. Да, рассуждаешь верно.

Она поморщилась.

— Не старайся быть ближе к народу, яйцеголов.

Я быстро взглянул в список.

— Толстолюбов на год старше Володарского, все остальные параметры... гм... ну, мы подбирали всех в одну группу не зря. Ладно. И тебя нужно убедить, и самому... утвердиться.

Она провела взглядом по навигатору.

— Этот Толстолюбов выбрал местечко в городском квартале в центральной части города, что потом сместился... Отсюда минут тридцать. Едем сейчас?

Я сдвинул плечами.

— А есть выбор? Едем. Только пусть твой дурной навигатор везет не по кратчайшему маршруту, он у тебя дурак какой-то, а по оптимальному. А то так и вижу, как он с отличием заканчивает полицейскую школу и получает ваш значок.

— Разве кратчайший путь не самый оптимальный?

— самого оптимального не существует, — огрызнулся я, — как и масляного масла. На кратчайшем если пробки, сужение дороги, поворот на проселочную, то да, чувствую оптимальную полицейскую логику. Но мы сейчас ни за кем не гонимся... вроде бы.

— Полиция всегда на посту, — отрезала она. — И всегда гонится за нарушителями, даже если они сидят рядом.

Москва постоянно расширяется, но власти пытаются держать процесс управляемым, потому в черту города заносятся районы, пригодные для застройки многоэтажками. Там вырастает скопище высотных домов, а то и вовсе небоскребов, но народец то и дело, начитавшись о вреде ГМО и пользе жизни на природе, убегает в частную застройку. Хоть крохотный участок земли, но свой, можно картошку посадить без всякой химии, что как бы сразу спасет от всего на свете.

Ингрид мрачно смотрит вперед, один такой район вырастает на горизонте и неспешно раздвигается ввысь и в стороны. Дорога к нему хорошая, достаточно широкая, но как-то заброшенная, даже трещины в асфальте, а на обочине, мощно раздвигая бетонные плиты бордюра, на волю и к солнцу пробивается вечно подневольный бурьян.

— Хоть один живет в приличном месте, — сказала она, я не понял, всерьез или с сарказмом, — а то все им частные владения подавай...

— Капиталисты, — подтвердил я. — Буржуи. Раскулачивать пора. Ученые должны жить бедно! И работать не за деньги, а за идею.

— Вот-вот, — сказала она таким серьезным голосом, что я понял, не шутит, большинство народа до сих пор уверены, что ученые должны работать за идею, писатели писать и ликовать, если их читают, а денег не просить, а певцы петь бесплатно, как и кино для народа должно сниматься на голом энтузиазме.

Автомобиль, быстро сбавляя скорость, приблизился к указанному в навигаторе зданию, я видел, как компьютерный мозг в панике начал перегреваться от непосильной задачи найти стоянку, которой нет.

Ингрид взяла управление в свои руки и остановила машину прямо у подъезда. Я ощутил, как мозг автомобиля даже всхлипнул от облегчения, что кто-то за него решил эту задачу так же просто, как Александр Македонский проблему гордиева узла.

— Хорошее здание, — сказал я. — Эдакое... колоритное.

Ингрид вышла из автомобиля настороженная, на дом взглянула с подозрением, слишком уж заброшен, а что в нем половина помещений пустует, это к бабке не ходи, мало кто возжелает жить в квартирах с выбитыми окнами.

Входная дверь расписана лозунгами фанатов и телефонами доступных девиц, комнатка консьержа пуста, а из четырех лифтов работает только один, да и тот так скрипел и раскачивался, что у меня в желудке стало холодно и сразу снова захотелось есть.

Ингрид тоже напряжена, лифт кое-как и с огромными усилиями всталил нас на седьмой этаж, скрипя суставами и жалуясь на судьбу, остановился там, двери распахнулись, она выскочила первой. Хорошо хоть руку не подала, а то я хоть и не старого воспитания, но равноправия не признаю, пусть вслух и не хрюкаю, мы же в цивилизованном, блин, мире все еще как-то живем, хотя уже не живем, а выживаем.

Площадка на этаже сравнительно чистая, разве что общий балкон полностью завален остатками старой мебели, битой посуды, ночными горшками и прочим непотребством, которому место на свалке за городом.

Ингрид мазнула взглядом по шести входным дверям и сразу направилась к той, где и номера не видно, и сама дверь обшарпана, словно все коты подъезда точили о нее когти, вжала кончик пальца в кнопку звонка.

Долгое время никакого ответа, она хотела надавить снова, но дверь распахнулась, на пороге возник низкорослый мужчина, весь взъерошенный и с дико всклокоченными волосами то ли а-ля Григ, то ли Перельман.

Распахнутая до пояса рубашка запорошена чем-то белым, а когда я увидел его пальцы и ладони, на сердце потеплело, уже и забыл, как выглядит школьный мелок.

— Гражданин Толстолюбов? — произнесла Ингрид протокольно требовательным голосом. — Мы к вам по крайне неотложному делу.

Он ответил несколько удивленно:

— Если по неотложному, то да, заходите... А что стряслось?

Ингрид ответила веско:

— Полиция. По делу чрезвычайной важности.

Он вытаращил глаза в безмерном изумлении.

— Полиция?... Вот уж кого не ожидал!.. Заходите, заходите, мне безумно любопытно...

Прихожая выглядит так, будто и здесь регулярно устраивают дикие драки шайки дворовых котов: стены ободраны, от обоев остались жалкие клочья.

За его спиной в комнате на дальней стене видна огромная черная доска, на которой мелом начертаны сложнейшие уравнения, в которых даже не все значки мне знакомы.

Ингрид покосилась на нее с отвращением, сейчас на всю стену можно установить дисплей, деше-

во и просто, а рисовать на нем точно так же, но лучше и аккуратнее, не пачкаясь, вон у него даже ботинки и туфли в белой крошке.

Он на ходу повернулся ко мне.

— Я вас помню, — сказал он живо, — вы один из лаборатории Геращенко? Говорят, ваша группа получила грант благодаря вашим разработкам? Поздравляю!..

Я отмахнулся.

— Дело в том, что именно этот грант и сперли. Да, нашелся кто-то... Потому полиция ринулась тащить всех в кутузку и бить по ребрам, выбивая показания, а мы с моей сотрудницей, она кандидат наук, взяли часть списка и сказали, что поможем. Естественно, мы взяли три фамилии настоящих ученых, к которым эту грубую и бесчеловечную полицию лучше не допускать.

Ингрид закусил губу и убивает меня взглядом, а он просиял и воскликнул справедливо:

— Буду просто рад помочь.. Задавайте любые вопросы!.. Ах да, сядьте же, пожалуйста! И вообще поменьше этих дикарских церемоний!

— Мы быстро, — пообещал я, — это простая формальность, просто стараемся оградить тонко чувствующих людей от соприкосновения с грубой действительностью в лице нашей бесчеловечной полиции, защитницы отвратительного кремлевского режима. Надеюсь, вы либерал?

Он отмахнулся.

— Надейтесь... А от полиции чего такого ждать, она другой и не бывает. По определению.

Я сказал с чувством:

— Как мне здесь нравится! Вот что значит квартира настоящего ученого!.. Ингрид, смотри и учись. Если хочешь мне понравиться, ты должна увидеть

красоту в такой вот великолепной небрежности к мирским условностям!

Он смотрел с удовольствием, а Ингрид пробормотала:

— Хорошо. В следующий раз я все твою квартиру вот так же обдеру. И еще всю мебель переломаю.

Он сказал бодро:

— Что вы, что вы, у меня не вся мебель переломана!.. Проходите в гостиную, там вполне приличный стул и почти устойчивая табуретка... На трех ногах, правда...

— Это же великолепно, — сказал я. — Трехногие никогда не шатаются. Дилетанты такой простой истины не знают. Особенно, если они из полиции.

Глава 3

Ингрид молча прошла вперед, огляделась тяжелым полицейским взглядом. Я направился было к стулу, но она уселась быстро и уверенно, а я прошел чуть дальше к трехногой табуретке.

— Здорово, — сказал я с восторгом. — Чувствуется человек науки! Мало кто поймет наслаждение возможностью заниматься своим любимым делом. Человек простой, он же хомо вульгарис, смотрит на мишуру, но мы, люди науки, понимаем, насколько все это мало в сравнении с тем, что видим в своих восхитительно прекрасных формулах!

Ингрид кашлянула, я умолк, а Толстолюбков сказал живо:

— А как я попал в число подозреваемых?

Я развел руками.

— Так уж получилось, жизнь пока что, как сказал великий поэт, так и не успевший из-за преждев-

ременной гибели стать ученым: для счастья мало приспособлена... Прошли мимо не в том месте и в не то время, бац — и в записи камер наружного наблюдения через минуту после преступления... Мир все еще несовершенен, в нем пока что правят политики, а не мы, ученые! Словом, наши аналитики решили, что если смотреть по римскому праву, кому выгодно куй продест, куй боно...

Ингрид встрепелулась:

— Чё-чё?... Ах да, ты что-то плел, уже не помню...

— Кому выгодно, — повторил я терпеливо, словно уже начал читать лекции особо тупым студентам, а они все тупые, это я был дивно умным. — Это выгодно людям старшего возраста, которые как на пределе сил доживут до эпохи начала бессмертия...

Толстолюбков слушал внимательно, даже не улыбнулся на реакцию моей напарницы. Я рассказывал более сжато, чем Володарскому, выпуская несущественные детали. Он слушал внимательно, как умеют слушать ученые, на лету схватывая, осмысливая и перерабатывая информацию.

Ингрид вздрогнула, когда он ответил почти весело:

— Да понимаю вас, понимаю!.. Но все не так, все не так... Я даже не стану опровергать ваши детские... нет, младенческие измышления! Потому что все не так!

Она поинтересовалась холодновато:

— Почему мы должны вычеркнуть вас из числа подозреваемых?

Он сказал весело:

— Да потому что меня никакие миллионы или триллионы вообще не колышут!.. Почему? Очень просто: вся Вселенная заточена под меня. Начиная

от Большого взрыва все шло к тому, чтобы материя усложнялась и усложнялась и в конце концов создала меня! Тем самым материя обрела способность мыслить и осознавать себя изнутри. Теперь старается сделать меня бессмертным, чтобы я быстро перестроил ее, как она хочет, но в силу ее астрономических возможностей не может... а нужно это сделать быстро!

Ингрид спросила с таким интересом, словно полностью поверила:

— Почему быстро?

— Вселенной грозит нечто, — сообщил он таинственным голосом. — Возможно, то же самое, что и нам.

— Что?

— Смерть, — ответил он серьезно. — Вселенная, как мы знаем, тоже когда-то умрет, но только ученые полагают смертью полный распад материи, вплоть до атомов... Глупцы! Это все равно что считать смертью человека его полное и абсолютное превращение в гумус, когда даже кости истлеют!.. Нет, Вселенная умрет точно так же гораздо раньше. Звезды еще будут светить, галактики разбегаться, но Вселенная уже умрет...

— Гм, — сказал я с самым серьезным видом, — тепловая смерть наступит, конечно, раньше полного распада...

Он кивнул.

— Потому, — сказал он, — Вселенная делает все, чтобы я поскорее достиг бессмертия! И неважно, если достигну даже в глубокой старости. При бессмертии все процессы можно обратить вспять, нарастить свою интеллектуальную мощь, превратиться в сингуляра, а затем в теле из силового вихря начинать спасать Вселенную, стараясь дать ей то,

что она для реализации ее идеи дала мне — бессмертие! Бессмертие Вселенной!

Я пробормотал:

— Интересная концепция...

Он вскрикнул:

— Это истина! Вы же знаете, наше Солнце и наши планеты такие пригодные для жизни только потому, что зародились на обломках взорвавшихся солнц и планет!.. Первые солнца всегда примитивные, в них отсутствуют тяжелые элементы, даже в звездах второго поколения их еще нет, только в третьем-четвертом...

Я пробормотал:

— Да, как-то слышал краем уха. Потому жизнь не стоит искать в районах молодых звезд.

— Эти вот взрывы звезд, — сказал он, — правильный и нужный процесс эволюции Вселенной. Они усложняют своим распадом структуру нашего мироздания, на их обломках возникают более сложные и продвинутые звезды с планетными системами, с необходимыми условиями... Мир подстраивается под нас!

— Как на отживших цветах вырастают новые, — сказала Ингрид, — еще более прекрасные? Потому что им был нужен гумус?

— Точно, — подхватил он. — Гумус нужен всем. Даже человечеству. Почему человечество стремительно умнеет?.. Не знаете? Мы, умирая, удобряем своими телами почву. Но мы не распадается полностью до атомов, а в виде сложных молекул поднимаемся в растениях, которые идут нам в пищу.

Она изумилась:

— Нам? Я думала, траву съедают коровы и всякие там овцы?

— А коров съедаем мы, — ответил он. — И тем самым наши тела еще при зачатии строятся всякий раз из более сложных органических молекул, чем тела наших родителей. И этот процесс идет по нарастающей!.. Мы выше предков уже по структуре тел, по возможностям. Это не значит, что все пользуются этими возможностями, кто-то живет, как его дикие предки, но другие разворачиваются во всю новую мощь, и мы видим, как цивилизация уже не ползет вперед, не скачет даже, а летит!

Я сказал Ингрид:

— Ты что морщишься?.. Я противоречий не вижу.

Он сказал вдохновенно:

— Вполне возможно, Вселенная сумела стать настолько сложной и дать нам жизнь лишь потому, что сама возникла на обломках предыдущих вселенных!.. Большой взрыв был не в пустоте, как нам кажется, а в той среде, которую мы пока не в состоянии уловить своими примитивными приборами.

— Темная материя? — спросила Ингрид, как мне показалось, выложив половину всех своих знаний по астрономии.

Он посмотрел на нее с уважением.

— Верно. Можно предположить, что темная материя — это первозданный звездный планктон, в котором началось зарождение вселенных. И с того момента началось все убыстряющееся усложнение, пока не привело к созданию меня!

Ингрид поднялась, выдавила из себя улыбку.

— Вы совершенно правы, глупо вас присобачивать к каким-то мелким уголовным делам в крохотном уголке одной из вселенных! Спасибо, что приняли и ответили.

Он проводил нас до двери, но, уже когда закрывал за нами, я успел увидеть по его сосредоточенному лицу, что успел забыть о двух таких примитивных существах, как мы, и вернулся к своим сложнейшим формулам устройства Вселенной.

Ингрид, подходя к лифту, зябко передернула плечами.

— Он же просто сумасшедший!.. Как еще не покусал...

— Мы все сумасшедшие, — утешил я. — За исключением полиции, естественно. Чем человек умнее, тем больше он не от мира сего.

Она нажала кнопку лифта, бросила на меня быстрый взгляд.

— Ему точно семьдесят?

— Да...

— Не скажешь, — заметила она странным голосом, в котором я почти расслышал зависть. — Я бы и пятьдесят не дала.

— Вселенная ни при чем, — заверил я. — Ты не знаешь статистику, но самая долгоживущая категория населения — это ученые. Более того, люди науки практически никогда не впадают в маразм. Академики в среднем сейчас живут до девяноста девяти лет, профессора и доктора наук до девяноста семи... Ну, а он наверняка и в сто десять будет еще живым и с ясным умом.

Она вздохнула.

— Слышала. Оптимизм и работоспособность — залог долгой жизни. Но какой тут оптимизм, когда таскаюсь с тобой по таким непонятностям...

Едва вышли на крыльцо, автомобиль поспешно распахнул обе дверцы, стремясь поскорее забрать нас и умчаться из такого запущенного места.

Ингрид опустилась на сиденье, ее плечи зябко передернулись.

— Бр-р-рр!.. Как он серьезно говорил о смерти Вселенной!.. Вот так она умрет, а мы, как черви в трупе, еще тысячи лет будем жить в ней, еще не понимая, что она уже мертва.

— Это случится не сегодня, — заверил я и уточнил. — Разве что завтра... да и то к вечеру.

Она сказала зло:

— Прекрати!

— Ты чего? — спросил я. — Когда Вселенная умрет, никто и не заметит. Для нас это случится в миллиардную долю секунды.

Она сказала нервно:

— А ты откуда знаешь? Тоже мне умный нашелся. Вдруг она уже начинает умирать?

— Не настолько она и старенькая, — буркнул я.

— А ты откуда знаешь? Двенадцать миллиардов лет... вдруг это уже долгожительство? И она вот-вот умрет?

Я посмотрел на нее внимательно.

— Поверила...

— И что?

— Не такая уж и тупая, — сказал я с изумлением. — А с виду и не скажешь. Вон какие бицепсы! Вообще-то все верно, идея оригинальная, глубоко продуманная.

Она охнула:

— Ты что, веришь в этот бред?

— Я допускаю, — ответил я серьезно, — что он говорит чистую правду. Противоречий нет.

Она вытаращила глаза.

— В чем? Что вся Вселенная существует только ради него?

— А-а-а, — сказал я, — вот ты о чем. Да, в этом пункте он точно ошибся...

— Ну слава богу! — сказала она с сарказмом.

— Потому что, — закончил я, — с какой стати Вселенная будет существовать для него? Да он просто сумасшедший!.. Мания величия!.. Понятно же, что она существует только для меня. Это настолько несомненно, что другие варианты даже рассматривать глупо. Остальной мир... так, статисты. А дальше в его рассуждениях все верно. Однако нас не это интересует, верно? Мы пытаемся понять, украл или не украл двадцать миллионов долларов?.. Так вот, это точно не он. Избранник Вселенной не станет размениваться на жалкие двадцать миллионов. Он и так Избранный.

Она посмотрела на меня зло и растерянно, явно собиралась выдать что-то очень уж острое, но сдержалась, сказала с таким видом, словно сама себя душит обеими руками за глотку, только чтобы не придушить меня:

— Я все-таки не поняла. Он нас убедил или не убедил? Ну, в том вопросе, из-за которого мы старшее поколение шерстим?

Я покачал головой.

— Нет, этого просто не засчитываем. Вообще. Ни за, ни против. Пусть он и у нас, как у демократов, проходит по графе сумасшедших...

— Но-но, — сказала она с предостережением.

— Ох, — ответил я поспешно, — по графе людей с иной оценкой реальности. А так как мы живем в той реальности, где и основная масса, то поедem к следующему. Кто там дальше в списке?

— Королькович, — ответила она, — но это на другом конце города. Намного ближе, чем Володарский. До него пятнадцать минут по Симферопольскому шоссе...

— Давай к Корольковичу, — согласился я. — Что тот солдат, что этот...

Она вырулила на шоссе, а когда машина пошла набирать скорость, сказала с неохотой:

— С детства была уверена, что мир преступности где-то внизу... ну, на бытовом уровне. Зато наверху, в мире ученых, великих писателей, музыкантов, художников... ничего преступного быть не может! А сейчас ты мою светлую мечту нагло и с особенным цинизмом топчешь грязными кирзовыми сапожищами!

— С навозом на подошвах, — добавил я. — Ты права в житейском смысле... ну, бытовом, как ты говоришь.

Она вытаращила глаза.

— Что?

— А по-вашему, по-ученому, в мире науки преступлений нет?

— погоди, — сказал я, — ты имеешь в виду нормы права, созданные людьми и для людей, или более общие нормы, созданные как бы господом?.. Ну типа не убий, не укради, не лжесвидетельствуй...

Она огрызнулась:

— Конечно, общие! На которых и построены частные нормы уже с указанием, кому, сколько и за что.

— Все этические нормы, — пояснил я с сочувствием, — были рассчитаны смертными людьми. И для смертных.

Она вызверилась на меня, как на опасного сумасшедшего.

— А что, ты где-то видишь бессмертных?

— Вижу, — ответил я и, отвечая на ее полный непонимания взгляд, уточнил: — На горизонте.

Она фыркнула, как конь на водопое, которому волной плеснуло и в ноздри.

— Это когда будет!

— Но будет, — заверил я. И скоро. Потому люди, что мечтают дожить и стать бессмертными, уже сейчас отказываются от старых законов.

Она насторожилась.

— Ты считаешь, легко нарушат Уголовный кодекс?

Я сказал с тоской:

— Да насрать нам на все Уголовные кодексы всех стран и все законы... Я говорю даже не о тех законах, которые принимают народные избранники хоть у нас, хоть в любой другой стране... Я говорю о Великих Законах, которые дадены Богом, как принято считать, или же сформированы человечеством за десятки тысяч лет его пути, как утверждают атеисты. Те законы намного важнее, они вечные, они основа для тех мелких закончиков, что принимают люди. Еще не поняла?

Она буркнула:

— Хочешь сказать, стремящиеся к бессмертию полные отморозки? Безбашенные? Что игнорируют даже эти законы?

— Примерно так, — согласился я. — Более чем безбашенные. Они уже перестают быть людьми, потому что людьми нас делает этика. Даже в первобытных племенах существует этика, не слишком отличающаяся, впрочем, от современной. Если ты не знала, то атеисты тоже руководствуются законами или заветами, прописанными в Библии: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй... и так далее. Это общие законы, а люди в своих странах и племенах лишь уточняли, кому за воровство или убийство какое наказание... Но даже эти законы, даже Библия и Коран уже не будут рулить в мире бессмертных! Загробный мир отпадает, как и наказания в нем, а

бессмертие дает иные преимущества, смысл жизни и другие цели. Еще не врубилась?

Ее плечи зябко передернулись.

— Знаешь, мне от твоих слов страшнее, чем в ту ночь, когда у меня не раскрылся парашют над горами Тибета.

Я указал на экран навигатора.

— Сейчас предупредит о ремонте дороги. Жаль, уже проскочили удобный съезд с трассы. Потому вон там сверни...

— Какой ремонт, — проворчала она. — О ремонтах сообщают заранее.

— Что-то непредвиденное, — пояснил я. — Может быть, бензовоз опрокинулся, сейчас как раз трассу моют.

Глава 4

Ингрид посопела, но послушно свернула, некоторое время прислушивалась к навигатору, но тот молчит, что и понятно, мы уже на другой дороге, какой смысл сообщать о заторе тем, кто там не окажется точно.

Еще через несколько минут слева от дороги выросли два огромных столба с широкой доской наверху, где название поселка, пара дурно нарисованных птиц и какие-то нелепые цветы.

— Дуй прямо туда, — велел я, — вон там крыши особняков на горизонте... Блин, зажиточно живут! Не миллионеры, конечно, однако... Как твоя классовая ненависть?

— У меня все в порядке.

— Ах да, — сказал я, — ты же на страже режима.

— А ты? — спросила она.

— Ну, я, конечно, против, — объяснил я, — как гуманист и демократ. Я всегда против!.. А еще я на содержании госдепа. Но в данном историческом моменте я за крепкую власть, так как ускоренному продвижению к сингулярности необходима стабильность и непрерывность. Меня из списка непримиримых врагов режима можешь временно вычеркнуть. Вплоть до порога сингулярности.

— Пока погожу, — заверила она мрачно. — Мало ли что говоришь, а термоядерную бомбу кто придумал?.. А йеллоустоунский вулкан?.. А Фукудзиму?..

Забор, окружающий поселок, чуть выше простого палисадника, а между планками пространства достаточно, чтобы видеть все, что по ту сторону, но все же собака не протиснется, разве что перепрыгнет, хорошо видны аккуратные домики. Все непохожие, в России еще дикий капитализм, много поселков, в которых каждый хозяин на таких участках строит свой дом как хочет. Никаких предписаний сверху насчет одинаковой этажности для всех, лимита квадратных метров, цвета крыши и размера окон, как это за океаном и в гребаной заполиткорректной Европе.

— Ого, — сказал я, — есть совсем роскошные... Надо бы красного петуха подпустить.

Она дернулась.

— Ты чего?

— А чего живут богаче нас? — возразил я. — Надо поджечь. Нечего им измываться над пролетариатом. У нас Россия или уже не?.. Если Россия, то поджечь!.. Ах да, ты же наймит правящего класса буржуазии, цепной пес кровавого режима, все забываю.

Она поморщилась.

— Навигатор указывает, мы прибыли, а тут везде забор.

— Дорога ведет дальше, — сказал я и потыкал пальцем вперед, все-таки имею дело с силовыми структурами, а не с нормальным человеком, который даже спрашивать бы не стал, — вот там дальше какие-то столбы.

Въездные ворота в самом деле отыскались сразу за столбами. В сторожевой будочке дряхлая старушка даже не посмотрела в нашу сторону, а кнопку шлагбаума нажала заранее, когда мы только свернули в сторону ворот.

Шлагбаум поднялся резво, современный, мы вкатили по широкой дороге, где сразу за детской площадкой дорожка сузилась чуть ли не до тропки.

Дороги внутри поселка до центральной части заасфальтированы, а дальше всего лишь засыпаны асфальтовой крошкой. Ингрид повела машину вдоль аккуратных домиков, дальше карта привела к изящному домику за ажурным забором.

Участок невелик, как и сам домик, но все-таки не таунхаус, этот Королькович живет заметно зажиточнее Володарского. Явно летом не тратил жалование и премии на поездки в южные страны, на дорогие коньяки и ветреных женщин.

Аккуратно подстриженный газон от забора и до замощенной площадки перед крыльцом, две ступеньки, дальше черная дверь в белой раме и с ажурными окнами справа и слева, крупные вазы по обе стороны, торчащие бутоны багровых роз на голенастых ветках.

Ингрид коснулась сенсорной панели домофона, я приготовился ждать, но почти сразу раздался живой энергичный голос:

— Вы точно ко мне?.. Открываю.

Я пропустил Ингрид вперед, что она приняла как должное, полиция обязана грудью защищать гражданских, с чем я полностью согласен, но все-таки грудью это не то же самое, что сиськами, потому во дворе я догнал и пошел рядом.

На крыльце домика она не успела поднять руку, чтобы постучать, как дверь отворилась, выглянул очень немолодой, но крепкий и кряжистый мужчина, совершенно лысый, но с седой аккуратной подстриженной бородкой.

— Заходите, — сказал он приветливо. — У меня здесь нечасто бывают гости...

Он недоговорил, но я отчетливо услышал недосказанное «...так что и таким иногда рад», Ингрид, радостно улыбаясь, как могут только лицемерить женщины, прошла в прихожую, хотя в частных домиках уже нет такого четкого разделения, как в плановом хозяйстве.

Я осторожно вдвинулся следом, там справа и слева вешалки с множеством всякой одежды, но, как я понял, она вся принадлежит Корольковичу: в одной стрижет газон, в другой выгуливает собачонку, в третьей возится в саду с плодовыми деревьями.

— Жена в гостях, — сообщил он, — у них в это время собирается собачий клуб. На самом деле просто языками чешут... Собака — это приспособление, чтобы знакомиться с посторонними людьми и находить сообщников для прогулок.

Он повел нас на кухню, что, как у большинства, давно не кухня, а гостиная и вообще центр квартиры. Ингрид светски оглядывается, играет леди, блин, только такому геркулесу играть такое, как не понимает, что... хотя вообще-то получается, если не слишком присматриваться.

Королькович, рассматривая нас любопытными глазами исследователя, указал на легкие кресла у стола.

— Садитесь, рассказывайте...

— Владимир Лавронов, — представился я. — Доктор наук, тружусь в корпусе нейрофизиологии. Мы с вами, похоже, где-то пересекались...

— Лицо знакомое, — подтвердил он. — Не на конференции?.. Вы не были на сенсационном докладе Керлега о новых методах CRISPR?.. Ох, что это я, вспомнил, вспомнил!.. Мы с вами после той конференции потянулись за последним бутербродом!

Я улыбнулся.

— Да, точно...

— Спасибо, — сказал он, — что заставили меня взять тот бутерброд. А уже смешно было, как мы уступали его друг другу!

Он засмеялся, Ингрид заулыбалась, но тут же он стал серьезным, и я быстро и кратко рассказал о нашем деле, стараясь не увязать в деталях.

Ингрид помалкивает, сидит с ровной спиной и развернутыми плечами, еще бы, леди, только плечи как у пловчихи или, хуже того, ватерполистки.

Он слушал внимательно и даже с заметным интересом.

— Очень интересно, — сказал он. — Сейчас я вас угощу черникой из своего сада... Из всех ягод ее просто обожаю. И другие люблю, но чернику особенно. У меня она просто отборная, крупная, сочная, что странно — абсолютно без генной модификации. Хотя я не шарахаюсь от нее, но так уж получилось, что натуральная еще крупнее...

Ингрид спросила вежливо:

— А зачем ее тогда модифицируют?

Он отмахнулся.

— Для северных районов требуется что-то поустойчивее. Чтоб и в мерзлоте прижилась. А здесь и такая дает прекрасный урожай. Вот полюбуйтеесь... Прямо перед вашим приездом собрал!

Он поставил на середину стола огромное блюдо, темно-синие ягоды идеальной пирамидой расположились от самого края тарелки, даже страшно брать, все вот-вот и так посыплется на столешницу.

Ингрид аккуратно вкладывала в рот по одной ягодке, а я сразу загреб пятерней и совал туда морду, чувствуя себя тем самым медведем, что завидовал бегемоту из-за его огромной хари.

Королькович наблюдал за нами с отеческой улыбкой, хотя по возрасту дед, а то и прадед, потом заметно посерьезнел, вздохнул.

— Проблема в самом деле есть, — сказал он наконец уже другим голосом, деловым и строгим. — И, как вы правильно заметили, сейчас с грохотом рушатся сами понятия Добра и Зла. Они действительно создавались для человека прошлых времен, для смертных людей... Это верно, но трудность в том, что эту новую и шокирующую истину трудно понять большинству даже в нашем мире элитной аристократии ученых...

Я сказал уклончиво:

— Я уже почти стар... во всяком случае, на пути к возрастной зрелости. Постараюсь понять.

Он спросил неожиданно:

— Вы в какие баймы предпочитаете?

— В стратегии, — ответил я с некоторым удивлением. — А что?

— Всегда предпочитали? — уточнил он. — Или год назад еще баймили в стрелялки-догонялки-рубилки?

Ингрид смотрела сердито, ничего не понимая, я слегка запнулся с ответом:

— Вообще-то да... Даже полгода тому. Но, честно говоря, почему-то вот стратегии стали интереснее.

Он посмотрел с хитрым огоньком в глазах.

— Стратегии или вы стали интереснее?.. Пусть ваша подруга не хмурится, я как раз к этому веду.

Она прервала:

— Я хмрюсь не из-за вашего странного монолога, а что считаете меня подрутой. В данном случае я его временная напарница, а не подруга!

— Простите, — проговорил он со скрытой иронией, — мне показалось, что вы все-таки женщина со всеми женскими атрибутами. Так вот, молодые все баймят в стрелялки потому, что у них еще нет ни опыта жизни, ни умения мыслить шире. Они рядовые по жизни и потому выполняют работу рядовых, понимаете? Как в реале, так и в баймах. Бегают и стреляют все-таки молодые, не так ли?..

— Ну да, — согласился я, — а как иначе?

— А те, — пояснил он, — кто постарше, уже разрабатывают эти операции, руководят в штабе. Это и есть иначе.

Я уточнил:

— Хотите сказать, старшее поколение играет в стратегии?

— Вот-вот, — сказал он. — Человек с возрастом должен расти и уметь. Если он и до старости бежит с ножом и автоматом, это говорит о том, что его интеллект так и не развивался. Как был дураком, так им и остался. Когда говорю «дурак», я не вкладываю в это слово ничего обидного. Не зря же мы все, взрослея, говорим с досадой: эх, каким дураком я был...

— Так-так, — сказал я, — вроде бы начинаю смутно понимать...

Он сказал с одобрением:

— Потому что уже баймите в стратегии. Все верно, это связано. Точнее, это один из ясных и отчетливых показателей. Когда вы играете в стрелялку, вы действуете за себя и для себя, а когда в стратегии, то уже для других, понимаете?.. Либо выигрываете битву, либо спасаете мир от инопланетян... Ваши личные интересы уходят на задний план, вы о них не думаете. Вы поднимаете экономику страны или всего мира, добываете руду, строите заводы, развиваете хай-тек, защищаете, кормите, развиваете... Вы работаете на человечество, а не на себя!

Ингрид смотрела непонимающе, а я кивнул, сказал со вздохом:

— Да-да, наши предположения... несколько пошатнулись. Во всяком случае, мои.

Он мягко улыбнулся.

— Ничего страшного. Вы же впервые столкнулись с таким вызовом, не так ли? Это не воришек на блошином рынке ловить, как было все века раньше. Мир меняется, новые мотивы преступлений тут как тут. Нужно иметь не просто хорошие мозги, но и уметь мыслить по-новому.

Ингрид посмотрела на меня зло.

— А вот я, — произнесла она с вызовом, — так и не поняла, из-за чего что-то должно было пошатнуться.

Королькович сказал с невеселой улыбкой:

— Вы умные ребята, но не замечаете очевидного. Это свойственно молодым и увлеченным, они не рассматривают другие варианты...

Я спросил нетерпеливо:

— Что мы упустили?

— Вспомните апологетов бессмертия, — предложил он. — Среди них только юные и люди среднего возраста. Но совершенно нет людей старшего возраста... уточняю, тех, кому за восемьдесят, а то для вас и сорокалетние уже старики, верно?

Глава 5

Он грустно улыбнулся, наверняка вспомнил, что и для него в двадцать лет сорокалетние казались древними дедуганами.

Я пробормотал:

— Это так, но могут быть и другие причины. Молодые и средние просто активнее...

Он сказал, страдальчески морщась:

— Я вам говорю, ужас смерти может охватывать только молодых... Инстинкт твердит, что умереть, не успев дать потомство — преступление. Дать потомство и поднять его на ноги. А вот потом, когда поднял на ноги даже внуков, инстинкт говорит успокаивающе, что теперь можно. А когда начинаешь дряхлеть, он говорит все громче и настойчивее, что уже не только можно, но и нужно...

— А ужас смерти...

Он кивнул.

— Выработался инстинкт принадлежности к обществу. Молодой в первую очередь помнит о своих нуждах, старик думает уже о всем племени. Полагаете, почему основные поглотители новостей о международной политике как раз старики?... Старый человек с каждым годом все больше чувствует, что его жизнь перетекает в его племя. И смерть уже не страшит, так как он чувствует, что его жизнь про-

должается в них, его потомках, даже если они не его прямые потомки.

— Гм, — сказал я, — от меня пока такие чувства... далеки.

— Знаете, — сказал он, — что пугает старых людей гораздо больше смерти?

— Нет.

— Предположение, — ответил он, — что человечество может погибнуть от удара гигантского астероида, вспышки Солнца, схода с земной орбиты... Собственная смерть их не страшит, страшит смерть человечества! А молодых заботит только своя шкура, что биологически оправданно.

Я ощутил, как по спине пробежал незванный холодок ужаса.

— Что... так уж и никто не хочет жить вечно? Из стариков?

Он грустно улыбнулся.

— Сам бы не поверил, услышь такое в свои юные пятьдесят лет. Но это правда.

— А сверхдолгожители, — сказал я, — что живут больше ста лет?

Он слабо поморщился.

— К сожалению, даже несмотря на все успехи науки и технологии, последние годы жизни они не живут, а существуют.

— Догадываемся, — внезапно сказала Ингрид, — как растения.

— Точно, — сказал со вздохом Королькович. — Некоторые, предвидя такой конец, пишут строгие наставления, чтобы при усиливающейся деменции их подвергли эвтаназии. Но, конечно, никто этого не делает. Такие люди, если пользовались известностью, надолго выпадают из сферы внимания прессы, а потом появляется сообщение, что вчера после долгой

и продолжительной болезни скончался такой-то и такой-то. Последние месяцы их никому стараются не показывать, это отвратительное зрелище!

Ингрид буркнула:

— На днях видела в Сети ролик, как отмечали столетие какой-то старушки. Показали ее сидящей в кресле, от горла закрыта цветистым пледом, как в парикмахерской, это на случай, если под нею утка или шланги, на голову надели легкую корону из фольги, поставили на стол пирог со свечами, сами задули, а именинница совершенно не понимала, по ее виду, кто она, что с нею и почему это вот все... Я бы точно не хотела такого конца! Пусть лучше меня убьют в перестрелке.

— Ну-ну, — сказал я, — лучше я тебя сам убью. А вам большое спасибо за интервью! Вы нам очень помогли. Нет-нет, в самом деле помогли. Мы шли, похоже, по неверному следу. Вы правы, некоторые вещи можно узнать только с возрастом. Самому.

Ингрид поднялась, но на лице крупными буквами все еще написано упрямство и недоверие, что и понятно, женщины консервативнее и менее мобильны.

— Все-таки, — сказала она холодно, — хотя я, как сказал мой напарник, слегка поколеблена, но не убеждена.

Он поморщился, сказал с укором:

— Простите, а хоть кто-нибудь и когда-нибудь спрашивал у должностных, хотят ли они жить еще, скажем, сто лет?

Я подумал, сказал в недоумении:

— А, действительно...

Он понизил голос:

— Хотите, кое-что скажу? Да-да, я спрашивал. Ответы такие, что даже я не решился бы их опу-

бликовать. Потому что все вразрез с общепринятым мнением. Вижу, угадали. Я спросил у одного, дескать, а почему же тогда еще живет, а он ответил: только Господь дает жизнь и только он один имеет право ее забирать. А так бы, дескать, давно бы совершил эвтаназию, хотя ничего не болит и сам в здравом уме и памяти.

— Может быть, — сказал я нерешительно, — он... исключение?

Королькович покачал головой.

— Вы наверняка посмотрели мое досье. Мое финансовое положение и раньше позволяло мне не только вести беззаботный образ жизни, но и ездить по свету. Но, правда, ездил я большей частью на симпозиумы и конференции. Могу показать записи бесед с сорока тремя центаврианами, у вас их называют супердолгожителями. Так вот, все эти перешагнувшие столетний рубеж не желали бы продлевать себе жизнь, будь это в их власти. Все они считают правильным умереть «по законам природы».

Покинув коттеджный поселок, Ингрид погнала машину настолько резко, что не надо быть психоаналитиком, чтобы увидеть, насколько рассержена.

— Отрицательный результат, — пробормотал я, — тоже результат... Правда, это в науке, а в полицейском управлении, как я слышал, ученых вообще вешают?

— Если бы, — ответила она зло. — Тогда был бы мир и покой, а я бы ходила в креолиновом платье с оборками.

— В шкуре, — уточнил я. — Креолин — сознание научной мысли. Ну что, едем в город? Нужно начинать по новой?

— Чего вдруг?

— Он изложил все очень убедительно.

Она в раздражении вся перекосилась, словно превратилась в существо из жидкого металла.

— Ты ему веришь?

— Звучит убедительно, — повторил я. — Так что я принимаю во внимание... Дипломатично? Значит, мне можно в МИД. Жаль, там не поймут мой творческий потенциал, а я могу такое наворотить!.. Но, думаю, он в самом деле не стоит за этой группой.

Она сказала с тоской:

— Не обрезай все нити!

— А еще, — сказал я неумолимо, — придется отбросить и остальные версии насчет...

Я запнулся, она сказала быстро:

— Насчет чего?

— Насчет престарелых миллиардеров, — ответил я. — Не знаю, как тебя, но меня он убедил окончательно.

Она покачала головой.

— А меня не очень...

— Тогда что?

— Будем рассматривать другие варианты, — сказала она. — Он не убедил, но поколебал... Вполне возможно, наш подозреваемый как раз в стадии репродуктивного цикла, когда особенно страшатся смерти, так как инстинкт велит стремительно размножаться.

Я посмотрел на нее с интересом.

— Значит, веришь в то, что он сказал?

— В целом, — отрезала она. — Как в теорию. Что к жизни ни одной ногой!.. Хотя, конечно, исключения могут быть.

— Значит, — ответил я, — на этот раз возьмем возрастную группу помоложе. Как Володарский и

сказал, а Толстолюбков и Королькович подтвердили, боязнь погибнуть особенно сильна у тех, кто еще не выполнил, как считает природа, своего предназначения. Теперь именно они, эти не выполнившие, и должны быть у нас под подозрением...

Она кивнула, взгляд ее шарил по карте, неожиданно сказала:

— Смотри, возвращаемся в город мимо Анастачковой.

Я сделал вид, что не понял, подозрительно все время выставляя себя знающим, переспросил:

— Анастачкова? Это кто?

Она объяснила победно:

— У тебя выпадение памяти? Она у тебя в списке под номером пять. Коллега.

Я буркнул:

— Только в нашем Центре Мацанюка трудится пять тысяч научных сотрудников. Я что; всех должен знать?

Она ответила победно:

— А я вот уже знаю, что она хоть у вас уже не работает, но частенько является в лаборатории, интересуется делами, дает некоторые советы. Наверное, дельные, если ее еще пускают.

— И что? — спросил я. — Ах да...

— Значит, — сказала она с подъемом и чуточку кровожадно, — у нее есть тоже доступ... и возможность спереть деньги! Что смотришь? Да, женщины менее криминогенны, чем мужчины, но я, как сторонница равноправия, не сбрасываю ее со счетов!.. Тем более что проедем буквально рядом с ее домиком.

Рядом не получилось, хотя на карте село Васькино совсем возле трассы, но пришлось свернуть на

проселочную дорогу и попетлять по узким тропкам, пока не открылся ряд домиков, большей частью заброшенных.

Молодежь сбегает в город, что и понятно, но домик Анастачковой выглядит почти новеньким, хотя старый сад такой огромный, что крыша дома едва-едва выглядывает из-за вершин деревьев.

По ту сторону на огромном участке оставлено местечко для стоянки машин гостей, потому я остался в автомобиле, а Ингрид выскочила и позвонила в домофон.

Я не слышал, о чем говорили, хотя мог бы, но приходится сдерживаться, чтобы не перегружать мозг, а то и до инсульта недалеко, ученые должны быть отважными, но осторожными и рассчитывающими каждый шаг.

Дощатая решетка ворот отъехала в сторону, Ингрид, не возвращаясь в автомобиль, сделала ему знак, и он послушно вбежал во двор и припарковался, абсолютно игнорируя человека на переднем сиденье. Вот так и до бунта машин рукой подать. Наверняка им будет руководить человек с несколько оригинальным мировоззрением.

Хозяйка, очень немолодая, но крепкая женщина с породистым лицом и живыми глазами встретила нас на крыльце.

— Я вас приняла за курьеров, — сказала она с улыбкой. — Мне иногда присылают с нарочным кое-какие материалы... какие не перешлешь имейлом. Потом смотрю — полицейский автомобиль! Заинтригована... Проходите в дом.

Я всматривался в ее лицо, обстановку в комнате и уже твердо знал, что она ни в коей мере в кражу денег не вовлечена, прибыли зря, нужно вежливо попрощаться и возвращаться в город.

Не знаю как, но мой мозг так решил... а может, и не мозг, а решил я весь, начиная с самых примитивных пещерных чувств, что определяли еще тогда во тьме веков, кто друг, кто враг, и только это чувство позволило человеку выжить.

— Проходите дальше, — сказала она в прихожей так радушно, что Ингрид расцвела совсем не полицейской улыбкой, а я поневоле прошел следом, не зная, как поскорее поблагодарить и попрощаться. — Не обращайтесь внимание на этот хлам, там комната попримечнее...

Комната в самом деле не смотрится деревенской, начиная от телеэкрана во всю стену, ультра-современной кухни, электрогриля, кофейного автомата и прочих понятных уже только для женщин приспособлений.

— Садитесь, — предложила она, — я как раз только что собрала клубнику. В этом году на нее просто невероятный урожай... А вы, кстати, очень интересная пара.

Ингрид ответила быстро:

— Мы не пара!

Анастаскова усмехнулась.

— Я не имела в виду ваши близкие отношения, а чисто профессиональный дуэт... Сильная решительная женщина и тонко чувствующий мужчина с предельно развитым интеллектом. Это ново для человека моего возраста, у нас было все иначе, однако это прекрасная связка. Современные узы.

Она села за стол напротив, придвинула к нам огромное блюдо с клубникой.

— Чтоб все съели!.. Завтра будет вдвое больше. Сердце кровью обливается, когда приходится такое выбрасывать, но отдать некуда.

— Соседям, — предложила Ингрид.

Анастаскова посмотрела на нее с мягким укором.

— Шутите? Они люди серьезные, у них такого добра вдесятеро...

— А заготавливать на зиму? — спросила Ингрид. Анастаскова отмахнулась.

— Из меня никакая хозяйка. Мне все еще копаться во внутренностях нематод куда интереснее. В соседней комнате у меня вся необходимая для работы аппаратура.

Ингрид взяла первую ягоду, но ревниво уточнила:

— Близких отношений у нас нет, как и профессионального дуэта. Мы не из полиции оба, как и не из мира науки. Это только на этот исключительный случай.

Анастаскова посмотрела на нее, на меня, снова перевела взгляд на нее.

— Да?.. А мне показалось, вы прекрасно друг друга дополняете. У каждого есть сильные стороны, которых нет у партнера. Ну ладно, это не важно. Что вы хотели узнать?

— Нужна консультация, — сказал я, опережая Ингрид. — У нас из лаборатории похитили огромную сумму денег. Для кого-то это семечки, а для ученых, что и так нищие, эти двенадцать миллионов долларов — выше крыши. Потому есть люди, которые заподозрили в причастности самых... пожилых сотрудников нашего Центра. Мы с Ингрид усомнились, но нам велено проверить.

Она пристально всмотрелась в мое лицо.

— Усомнились, но все-таки подозрения остались?..

— Иосиф Виссарионович говаривал, — сказал я, — доверяй, но проверяй!

Она улыбнулась.

— Да, помню эту фразу моего детства. А можно поинтересоваться, почему усомнились?

Я бросил взгляд на Ингрид, предупреждая, что здесь стрельба по движущимся мишеням и лихие прыжки с крыши на крышу не помогут, вообще не котируются.

— Нам показалось, — ответил я со всей учтивостью, — в сохранении жизни во что бы то ни стало заинтересованы больше люди среднего возраста. Они и активнее, и сильнее ощущают, что им еще жить и жить бы...

Она чуть наклонила голову.

— Вам показалось верно.

— Однако, — произнес я со вздохом, — как вы понимаете, все-таки есть вероятность, что такую аферу провернул человек пусть не самого преклонного возраста, но все же близкий к нему. Именно по тем же причинам, хотя у старших эта жажда должна быть снижена в результате воздействия инстинкта общности рода. Потому мы поставлены перед неприятной и нелегкой проблемой...

Она улыбнулась, но улыбка показалась мне горькой.

— Я вас прекрасно понимаю. Общество нередко требует от нас, ученых, чересчур многое. И эти требования бывают как раз... требованиями простого человека. Как и в этом вашем случае. Вы знаете, что это не так, но общество не верит и требует, требует...

— Вот-вот, — сказал я.

— Потому ответу без обид, — сказала она, — это же не вы спрашиваете, а через вас спрашивает ваше руководство, не слишком умное... потому что умные уходят в науку еще со школьной скамьи.

Ингрид сердито хрюкнула и беспокойно задвигалась на стуле.

— А в правительство? — спросила она.

Анастаскова посмотрела на нее ласково, как на ребенка.

— В правительство уходят, — ответила она, и было видно, что подбирает слова, чтобы не обидеть человека, работающего на правительство, — люди... другого склада... Так вот, вы, молодой человек, правы в том, что в сохранении жизни любой ценой заинтересованы молодые. А вот старые... Как бы вам на пальцах... Ага, вот! Наверное, все вы слышаны о крионике, но так как вам еще далеко до того момента, когда о ней начинают думать всерьез... или считается, что начнут думать всерьез...

Она сделала нарочитую паузу, я поинтересовался:

— А на самом деле не задумаются и потом? Почему?

Она спросила с той же невеселой улыбкой:

— А как вы думаете, почему в крионике... такие неудачи?

— Неудачи? — перепросил я. — Она же развивается просто стремительно!.. Уже научились размораживать и теплокровных животных!.. Мыши и даже крыски, пролежавшие в жидком гелии по месяцу, разморожены. Их проверяют очень тщательно целыми комиссиями и не находят повреждений!.. Опыты повторяют в разных странах, как это водится, и все подтверждается!

Она кивнула.

— Да-да, я неудачно выразилась. Точнее будет, отсутствия успехов. Первый пациент, профессор Джеймс Бредфорд, заморожен в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году. С того времени умерло

восемь миллиардов человек, из них заморожено... сколько?

Я запнулся, в мозгу сразу появилась точная цифра, но знать ее как-то странно, во всяком случае, вот так сейчас брякнуть вслух, и я пробормотал:

— Подозреваю, маловато.

— Меньше тысячи, — произнесла она с расстановкой. — О чем это говорит?..

Я спросил осторожно:

— О неверии в крионику?

Она покачала головой.

— Нет, в крионику большинство верят. Верят, как в поступь научного прогресса. Однако... все гораздо сложнее.

— Не понимаю, — пробормотал я.

Она взглянула на меня с сочувствием.

— Это долгий разговор. Но если вы готовы...

— Да, — сказал я, даже не глядя на Ингрид, — готовы.

Она вздохнула, сказала негромко:

— Вспомните Ротшильда, Рокфеллера... Они умерли в весьма преклонном возрасте, Рокфеллер вообще стал первым миллиардером, перешагнувшим столетний рубеж... Их состояния настолько огромные, что все известные миллиардеры перед ними малые дети. Их семьи владеют триллионами долларов! Вы поняли, что я хочу сказать?

Ингрид смотрела на нее непонимающими глазами, а я обронил осторожно:

— Ни один из них даже не подумал крионировать себя. Это?

Он наклонил голову.

— Да. И оба совершенно не проявляли стремления жить дольше. Как только начали проступать

проблемы со здоровьем и когнитивные расстройства, оба приняли решение умереть.

— Что-то религиозное? — спросила Ингрид. — Евреи верят в воскрешение или как?

Она поморщилась.

— Ладно, зайдем с другого конца. Все крионированные, если посмотреть, — люди молодые или среднего возраста. Можете проверить по базе. Люди, у которых не угас животный инстинкт продления рода. Подчеркиваю, животный!.. Чем сильнее угасает в человеке животность, уступая доминирующее положение уму, тем меньше человеку хочется бессмертия. Кстати, среди крионированных есть несколько действительно старых...

— Ну вот, — начала было Ингрид победно, однако Анастаскова предостерегающе вскинула руку, и Ингрид послушно умолкла.

— Эти, — сказала Анастаскова, — кто действительно стар, все до единого были крионированы после их смерти... по настоянию родни!.. Обычно дети так восхотели или внуки. Таких крионировали зачастую с нарушениями процесса, так как заранее не были подписаны контракты, не оговорены суммы и сроки, а бригады скорой заморозки не дежурили в ожидании... а иногда мчались сломя голову на другой конец света в какую-нибудь джунглевую Колумбию.

Глава 6

От Анастасковой мы выехали молча, я чувствовал себя усталым и опустошенным, а Ингрид, как мне показалось, смотрится не лучше.

— Ну что, — спросила она, когда впереди поднялись небоскребы окраинных районов, — как я

поняла, тебе необходима срочная выработка эндорфинов?

— Нужна, — согласился я. — Эти ягодки только раздражили аппетит. Да какой аппетит, голод! Посмотри на карте...

— Не нужно, — ответила она, — я этот район хорошо знаю. Вон там за сквериком. Тебе нужно поесть как следует или можно как-нибудь?

Я сказал поспешно:

— Никаких как-нибудь. Как-нибудь у нас и дома... а здесь надо хорошо. Можно и тебе поставить мисочку.

Она смерила меня пытливым взглядом.

— Молодец, быстро оживаешь. Устойчивая психика. Из пучин отчаяния одним прыжком к деловому тону. Но у меня тоже живот к спине присох. С утра крошки во рту не было. Не считая ягод.

— Ты кофе выдула большую чашку у Володарского, — напомнил я.

Она покачала головой.

— Он интеллигент, так что и чашка была маленькой, и печенья не предложил. А у меня перед глазами уже вот такой бутерброд маячит! Но ты можешь не есть, тебе худеть надо, а я недавно прошла сушку, семь килограммов сбросила...

— Что рельефнила?

— Все, — ответила она. — Люблю четкость.

— Четкая женщина, — сказал я с одобрением. — Это даже не по-женски. Они все какие-то мутные, недооформленные, а ты как из высококачественной стали отлита.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Это был комплимент?

— Как могу, — ответил я скромно. — Я отяго-

щен докторской степенью, значит, предельно строг и сурьезен. И не какой-то там физик.

— А что физики?

— Шутят, — ответил я. — А нейрофизиологи работают. Кстати, ничего не замечаешь?

— Чего?

Я покосился в зеркало заднего вида. Внедорожник угольно-черного цвета держится все на той же дистанции, но показался еще страшнее, словно там уже кто-то достает из-под сиденья гранатомет или что там еще, стреляющее ракетами...

Она взглянула на меня в некотором удивлении.

— Заноза в сиденье?

— За нами погоня, — сообщил я.

Она фыркнула:

— Мы на скорости в сто десять. Догнать и обогнать может при желании любая пенсионерка.

— Не погоня, — поправил я себя, — а преследование. Вон тот черный джип...

Она поморщилась.

— Ну да, джип, да еще черный... В них только бандиты ездят, да?

— И правительство, — подтвердил я. — Что тоже... в некотором роде... Или в джипах только охранники правительства? В общем, этот джип преследует нас. Следит.

— Ты параноик, — сказала она с убеждением в голосе. Насчет моей нейродегенерации не добавила, но это я прочитал по ее лицу, довольно выразительному, несмотря на ее профессию. — Давно их заметил?

— Только что, — признался я.

Она хохотнула.

— Тогда за нами следят сотни автомобилистов! Вон смотри сколько едут сзади!

— Как знаешь, — буркнул я чуточку пристыженно.

Она весело расхохоталась, это прозвучало звонко и победно, у нее красивый голос, только слишком громкий и наглый.

Мимо кафешки мы проехали без остановок, мимо ресторана тоже, я наконец поинтересовался:

— Ты что, выбираешь ресторан, в котором президент ужинает?

Она хмыкнула.

— Нет, проверяю твое дикое предположение.

Я торопливо оглянулся. Черный джип все еще держится за нами, только теперь уже не внаглую, отстал, пропустив между нами пять-шесть автомобилей.

— И что?

Она ответила неохотно:

— Я проехала мимо кафе, кино, трех супермаркетов и городского бассейна, так что их интересует что-то другое... А, вон свернули в переулок!

Я сказал нервно:

— Это потому, что я оглянулся!

— Может быть, — ответила она с той же неохотой. — Но и слежка какая-то странная. Спонтанная.

— Это как?

— Могли бы заранее прилепить маячок к нашей машине, — пояснила она. — Значит, решение проследить пришло внезапно. Или им велели по связи. Но почему так явно?... Хотели дать понять, что за нами глаз да глаз?

— Или новички, — предположил я.

Она подумала, кивнула.

— Тогда это не связано с хищением. Люди, которые причастны к краже двенадцати миллионов долларов, так себя не ведут. Вспомни, чью жену обрюхатил? Кому рога наставил?

Отвечать на этот риторический вопрос я не стал, это раньше за такие пустяки убивали, народ был совсем мелочный и раздражительный, теперь даже морду не бьют. У нас демократия и гуманизм, жены имеют те же права, что и мужья, и даже если мужчина правом налево не пользуется, то это не значит, что его жена тоже вот так возьмет и добровольно откажется от завоеванной в трудной борьбе феминисток за равные права и возможности немордобитно вязаться с чужими мужьями.

Ингрид послала автомобиль в сторону правой полосы, слегка нарушила, но полиция вне правил, если не оставляет немотивированных трупов, а там быстро съехала в сторону достаточно просторной стоянки.

Все верно, у Scenario Café фирменность видна еще и в том, что стоянку у своего заведения гарантируют всегда и для любого филиала.

Опускаясь за стол, Ингрид сказала с неудовольствием:

— Знаешь, если всем этим троим все-таки поверить, круг подозреваемых сократится. Я имею в виду, если поверить, что старики вовсе не рвутся любой ценой стать бессмертными.

Я кивнул.

— Предлагаешь вычеркнуть всех долгожителей?

— Да. Таким образом отсекаем не только миллиардеров, те и так вне подозрений, а именно небогатых...

Подошла хорошенькая девушка, вся светлая и ясная, как утреннее солнышко, в руках толстая кожаная папка с надписью «Меню» золотыми буквами, хотела положить ее передо мной, но посмотрела на Ингрид, на меня и положила все-таки перед нею.

Ингрид победно улыбнулась. Я сделал вид, что не заметил этого жеста, официантка признала мужчиной ее, а не меня, даже и не знаю, так ли уж это здорово и почетно, хотя, конечно, так жить удобнее.

Вообще-то, если честно, задело, но самую чуточку, а вот Ингрид... впрочем, похоже, она к такому привыкла. Возможно, даже нравится ее подчеркнутая доминантность, которую не просто замечают другие, а еще издали бросается в глаза.

Когда же эти суффражистки успокоятся, вот так мы их научили бороться за свои права работать так же, как и мужчины, теперь они на этом поприще вообще лбы разбивают.

Она начала читать вслух меню, вроде бы консультируясь со мной, но по ее виду заметно, что женщины лучше знают, что нужно мужчинам, даже если те против. Это в науке или военном деле мужчинам виднее, а на бытовом уровне женщины рулили и рулить будут...

Я отмахнулся.

— Да пропусти ты все эти салаты и салаттики... Давай сразу жареное мясо. Не так уж и важно, как они его тут назовут, выпендриваясь перед другими рестораторами.

Она фыркнула.

— Неужели так уж все равно?.. А как же гурманство?

— Оставь дуракам, — разрешил я, — которые жаждут выглядеть эстетами и знатоками. В науке себя показать не могут, там действительно нужно знать... и знать точно, а вот в еде и винах, где достаточно сослаться на свой изысканный вкус...

Она улыбнулась, не отрывая взгляда от меню.

— Или в искусстве, да?.. Достаточно сказать «...а я так вижу!», и все, вроде бы у тебя такой особый

взгляд, другие просто ничего не понимают... А что на второе, блинчики подойдут?

— С мясом, — осведомился я, — или с чем-то вегетарианским?

— Есть с творогом...

— С мясом, — отрубил я.

Она посмотрела с интересом.

— Ты как пауэрлифтер. Только мясное. Может, в самом деле мышцы взялся наращивать?

— Это не я, — сообщил я. — Это инстинкт. А разве с ним можно спорить, как нам недавно и так дружно объяснили?

Она посмотрела на меня оценивающе. Девушка принесла заказанное, я принялся есть со сдержанной жадностью. Мой организм в самом деле как с ума сошел, требует еды, хорошо хоть не фокусничает, а то вон беременные оконную замазку едят, школьные мелки грызут, листья с деревьев рвут и тут же жрут, как козы какие ненормальные.

Ингрид, хоть и сообщила, что у нее от голода живот прилип к спине, но лопает все же с манерами, явно в детстве вдолбили так, что никакая служба в полиции никак не вышибет. На меня посматривает то ли с осуждением, то ли интересом. Мы, высоколобые, манеры соблюдаем только в случае, если те абсолютно не усложняют жизнь, а на мнение доморощенных эстетов нам с высокого дерева.

Я резал мясо и быстро отправлял в рот, иногда с кончика ножа, Ингрид поглядывает странно, а насрать, теперь манеры соблюдают только полицейские и дворники, высоколобые выше условностей прошлых веков.

— Чтобы сузить поиск, — сказал я, — нужно взять людей возрастом от пятидесяти и выше. Согласно уточненным прогнозам, бессмертие будет

достигнуто в две тыщи семидесятом. Или я тебе уже говорил?

— Это всеобщее? — уточнила она.

— Именно. Всеобщее. Потому рамки можно сузить еще больше. Возможность бессмертия достигнут где-то в шестьдесят пятом. Стоить это будет многие миллиарды, но уже в следующем году цена упадет до одного-двух миллиардов, в шестьдесят седьмом бессмертие обойдется в десятки миллионов долларов, а годом спустя будет стоить два-три миллиона, если верить прогнозам специалистов.

Она задержала кусок семги на вилке у рта, взгляд ее не оставлял моего лица.

— Продолжай, — произнесла она несколько напряженно, — я слежу за твоей мыслью, хотя и с трудом. Извини, я больше привыкла к более простым мотивам преступления. А когда станет наконец бесплатным?

— Именно в семидесятом. Вернее, стоимость упадет до такой величины, что различные благотворительные фонды смогут оплачивать эту процедуру неимущим. Потому всех подозреваемых, которые доберутся до семидесятого еще в крепком возрасте, предлагаю исключить.

Она повторила задумчиво:

— То есть мы отсекаем всех явных стариков, потому что они уже во власти инстинкта...

Я уточнил:

— Мы все во власти инстинкта. Но в нашем возрасте инстинкт мощно велит «плодитесь и размножайтесь», это самая первая и главная заповедь Господа, как ты должна бы знать, раз уж училась в Высшей милицейской школе. А вот старикам инстинкт говорит уже другое!.. Потому они вне подозрений. Как и очень молодые.

— В основном, — пробормотала она. Увидев мой вопрошающий взгляд, пояснила: — Могут быть исключения. Какой-то из стариков может возжелать жить вечно с такой силой, что пойдет на преступление, как и кто-то из молодых попытается создать себе капитал заранее... то ли опасаясь в будущем ухудшения здоровья, то ли еще чего, но чтоб успеть в числе первых.

— Исключения всегда есть, — согласился я нехотя, — но все же давай придерживаться логики. Если я девять раз попаду камнем в лужу у своих ног, то я уверен, что и в десятый раз невесть откуда взявшийся ураган не отнесет мой камень в сторону. Хотя теоретически это возможно.

— Да-да, — сказала она. — Прости, это я так. Ты такой умный и правильный, что противно просто. Вот и восхотелось возразить. Давай дальше.

Глава 7

Некоторое время ели молча, словно гурманы, что не желают отвлекаться на разговоры от восхитительнейшего поглощения вкусно приготовленной еды, хотя вообще-то всего лишь набор протеинов, аминокислот, витаминов, минералов и прочего-прочего, что не просто приятно, а необходимо организму.

Уже понятно, часть молодежи успеет дожить до эпохи бессмертия, но те, кому это понятно, молчат и даже стараются заглушить голоса тех, кто начинает о чем-то догадываться.

Лучше, чтобы основная масса о такой перспективе и не догадывалась. Пусть живут, как живут, тем более, что жизнь вообще-то счастливая, беззаботная

и сытная. А что умрут... так все умирают. И все человечество, живущее ранее, умерло, в том числе и все величайшие гении.

Бессмертие — это продукт, который возжелают все или почти все, а достаться может очень даже немногим. Первые годы это будет больше экспериментальная дисциплина, очень сложная, дорогая и трудоемкая, так что кто-то будет получать бессмертие, а все остальные обречены умереть.

Вроде бы нормально, ничего необычного, все умирают, но когда кто-то уже получает возможность жить вечно, то это уже совсем другое дело. Сейчас все понимают: смерть равняет всех, умирают и миллиардеры. Многие даже раньше, чем бедняки. Но если миллиардеры получают, то есть купят бессмертие, то общественность заволнуется: начнутся крики и протесты, почему их, а не нас, разве перед Богом не все равны?

Потому пусть лучше эпоха бессмертия кажется массам настолько далекой, что о ней и говорить не стоит. Есть более достойные темы для обсуждения. Вон Аня Межелайтис снова вышла на улицу в платье, что она этим хочет сказать?.. Что уже против стиля ню?

Я уверен, даже при нашей жажде бессмертия вскоре должна быть запущена мощная кампания на всех уровнях, чтобы для общественности снизить это грядущее достижение. Остальные должны знать, что это не только очень дорого, но и очень рискованно.

Дескать, человек, которого сделали бессмертным, вскоре рухнет от изменений в мозгу, или его мозг переполнится, и человек сойдет с ума, станет монстром и прочее-прочее, наша фантазия безгранична, и все это будет запущено в массмедиа, чтобы уменьшить социальное недовольство.

Население должно знать, что стать бессмертным — это опасно. Такой человек наверняка вообще не доживет до отпущенного ему срока, в организме произойдут мутации, и он умрет в страшных муках...

Она спросила негромко:

— У тебя такой вид... О чем задумался?

— О твоих сиськах, конечно, — ответил я галантно. — О чем еще я могу сейчас думать?

Она сдержанно улыбнулась.

— Это после большого куска хорошо прожаренного мяса?.. Спасибо. Молодец. Правильный ответ правильного мужчины для правильной женщины. Но я не совсем правильная, да и ты, чтобы не сказать жестче...

— Философствую, — пояснил я уже серьезнее. — Основа всему — мировоззрение. В древние времена целыми поколениями могли жить с одним мировоззрением, а теперь человеку на протяжении жизни приходится менять его несколько раз. А это трудно и болезненно. Начинаются неврозы, в стране ударными темпами строятся психлечебницы... Полагаю, уже сейчас надо разворачивать кампанию, в которой простому человеку дать возможность считать себя лучше того дурака, рискнувшего получить бессмертие.

— Ого!

— Точно-точно, — подтвердил я. — Человеку всегда нужно оправдание. Посмотри, каждый сопляк указывает правительству, как нужно действовать, писателям указывают, как и что писать, музыкантам, что сочинять, а футболистам, как играть. Этим людям наша умелая политика дает почувствовать, что они что-то значат, иначе началась бы депрессия, а потом бессмысленные бунты.

Она допила кофе и поставила чашку рядом с моей чашкой, чуть коснувшись боком, у женщин это что-то означает, но я хорошо знаю только язык науки.

— Хочешь сказать...

— Да, — подтвердил я. — Мягкая сила в действии. Массы должны чувствовать свое превосходство над теми чокнутыми трусами, что получают бессмертие! И, конечно, пока не следует сворачивать общую пропаганду насчет того, как хорошо и правильно умирать на бегу или в своих ботинках.

Она негодуяще фыркнула.

— Но это так и есть!

— Еще лучше — жить, — ответил я, но, посмотрев на ее воспламенившееся лицо, поспешно уточнил: — Конечно, если все же умирать, то лучше на бегу, чем в постели с аппаратом искусственного дыхания.

Она проследила взглядом за официанткой, махнула той рукой, но девушка о чем-то увлеченно спорит с барменом, умело твиркая упругими ягодицами.

Из виртуальных колонок гремит ретромузыка, отчаянный голос вопит в муке: «Остановите музыку! Остановите музыку!.. С другим танцует девушка моя!..»

Она заметила мою ироническую улыбку, спросила быстро:

— Что, ностальгия?

Я покачал головой.

— Нет, песня сравнительно недавняя... ну, не из прошлых веков, однако как быстро все меняется! Сейчас школьникам уже непонятно, из-за чего такие страсти бушевали в глубокой древности.

Она фыркнула.

— Ну да, древности. Хотя, конечно, сейчас как-то совсем устарела... Ну танцует, ну повяжется, ну и что?.. Даже если забеременеет от него, то мужчине не все равно? Дети есть дети, какая разница... А тогда вон прямо сердце себе рвали непонятно из-за чего. Дикари-с.

— Дикари, — согласился я.

Неприятное чувство тяжелого взгляда заставило нервно оглянуться, но никого не увидел, да и ощущение быстро уходит, но нервы остаются напряженными, кто-то смотрел на меня внимательно и враждебно.

Ингрид посмотрела внимательно, в глазах промелькнуло что-то вроде сочувствия.

— Болит?.. Извини, все никак не забуду, что у тебя за гадость...

Я покачал головой.

— Нет, не болит. Это безболезненное. К тому же пошло в обратную сторону. Так иногда бывает. Маятник. Это не излечение, спешу обрадовать, просто иногда организм дает сдачи и даже переходит в контрнаступление.

— А-а-а, — сказала она озадаченно, — но ты не провоцируй, чтоб не ускорилося. Я могу чем-то помочь? Понимаю, как уже глупо звучит...

— Нормально звучит, — заверил я. — Простое человеческое сочувствие, ты же вроде бы тоже в какой-то мере человек, хоть и женщина, да еще с такими мускулами.

Она на мгновение задумалась, я видел, как быстро потемнело ее лицо, а когда заговорила, голос тоже сел, стал совсем невеселым:

— Все? Поел?.. Может, теперь признаешься, что лажанулись? И начнем заново?

Я скривился, сказал со злостью:

— Дай бифштексу опуститься в желудок. А то будет несварение... Да, лажанулся, еще как лажанулся. Кто знал, кто мог подумать? Как же, раз старики, то именно они и должны жаждать бессмертия больше всех!.. Но, с другой стороны, мы вторглись на поле неизведанного. Никто не сталкивался с таким вызовом... Мы первые!

Она сказала торопливо:

— Успокойся. Только успокойся!.. Как будто кто-то тебя винит. Да и не ты лажанулся, а мы оба. И кончай с этим мужским шовинизмом, что за все отвечаешь ты.

— Как не винит? — спросил я убито. — Еще как..

— Кто?

— Я сам, — ответил я. — Ученый должен быть беспристрастен к себе первым. Остальные пусть идут лесом, мне их мнение фиолетово. Даже ультрафиолетово, что значит, вообще за гранью видимости. Ну идиот, я идиот... Так упорно переть по ложному следу...

Она снова махнула рукой официантке, а мне сказала с сочувствием:

— Это не ты выбрал.

— А есть разница? — спросил я. — Неважно, кто выбрал на самом деле, отвечает доминант, а значит, самец. Так что да, ошибся я. Нужно в самом деле вернуться к категории от сорока до пятидесяти. Именно они как раз доживут до самого момента достижения бессмертия... но не смогут ввиду преклонного возраста ждать, когда оно подешевеет до стоимости проезда в метро.

Я перехватил острый взгляд, по нервам пробежала пугливая дрожь, осторожно повернул голову, сам пугаясь своей возросшей чувствительности затурканного интеллигента.

Шагах в десяти крепко сложенный мужчина смотрит мимо, но чувствую, что это он рассматривал меня интенсивно и зло. Мозг моментально собрал в Сети все, что о нем было, тут же полез глубже, такое уж свойство нашего разума, никогда, гад, не успокаивается, пока не сведет нас с ума или не выведет в цари природы и венец творения.

В этом «глубже» все записи врачей, что хоть и не тайна, но как бы врачебная тайна, что не совсем тайна, а так, некоторая условность, кому попало разглашать нельзя, а не кому попало можно.

Григорий Окунев, сорок семь лет, здоров, трижды ранен, один раз тяжело, две контузии, воевал в Эмиратах, Йемене, Сирии, снова в Эмиратах, сейчас работает в охранной структуре... Ну да, конечно, все они в охранных, чтобы иметь право носить оружие. И эти структуры, судя по некоторым моментам, созданы только для того, чтобы несколько тысяч головорезов, вернувшихся из горячих точек, не расставались с оружием.

Она посмотрела на меня настороженно.

— Что-то увидел?

— Да, — ответил я. — Как прекрасен этот мир, посмотри-и-и...

— Иди к черту, — огрызнулась она.

— Пришел, — сказал я. — Разве ты не черт?.. А я, конечно, ангел... И как мы еще не подрались?

Она сказала с неудовольствием:

— Не люблю эти новые схемы воровства. То ли дело гоняться за грабителями и налетчиками... Там все ясно и красиво!

— Добро пожаловать в мир высоких технологий, — сказал я. — То ли еще будет. Ну что, кто у нас там первым из нового списка?

Я положил купюру в папку меню и, оставив ее на столешнице, поднялся.

Она вскинула брови в изумлении.

— У тебя и бумажные есть? Сам печатаешь?

— А для чего тогда принтер дома? — спросил я. — У меня рынок возле дома, у бабушек с клубникой все-таки в ходу бумага.

Мы вышли на улицу, дорога блестит, только что прошли поливальные машины, захватив струями и часть пешеходной части, все сверкает чистыми красками, даже камни бульжника под ногами не серые, а объемно стереоскопичные.

Чтобы не оглядываться, я подсоединился к видеокамерам кафе внутри и снаружи, этот Окунев за нами не пошел, но тут же позвонил кому-то по мобильнику.

— Ты как, — спросил я, — на скорости отстреливаться умеешь?

Она вскинула бровь.

— Что-что?

— Слежка продлится, — пояснил я. — Только нас передадут кому-то еще. Тот первый, похоже, понял, что спалился.

Она звучно фыркнула.

— Боевиков рассмотрелся?

— Я их вообще не смотрю, — ответил я высокомерно. — Я белая кость и голубая кровь. Интеллектуал, мать вашу. Но и ты увидишь, если вас этому учили.

— Посмотрю, — ответила она с иронией.

Когда покинули кафе, я изумился ночному небу и тому, как моментально, пока мы ужинали, преобразился город. Не так уж и долго чавкали, но вошли в кафе из одного города, а вышли в другом: не менее ярком из-за обилия реклам и массовой

подсветки зданий, но незнакомом и таинственном.

У меня какое-то иное мышление: ночной город для меня всегда что-то другое, как просто лес и ночной лес. Лес днем — это цветочки и мило чирикающие птички, а ночью страшно ухающие во тьме совы и злобно воющие волки, и хотя умом понимаю, что город днем и ночью почти тот же, но что есть ум, как не продолжение инстинкта?

Автомобиль подкатил к краю бровки и распахнул двери. Ингрид села сыто и молча, я опустился на сиденье рядом и подумал еще раз, что человек я все-таки дневной, ночь инстинктивно не люблю, она сужает мои возможности, и сейчас вот даже в надежном автомобиле с надежным управлением компьютера чувствую себя настороже, хотя днем бы откинулся на спинку сиденья и наслаждался поездкой по скоростным автострадам, с развязками то в виде устаревших клеверных листьев, то ленты Мёбиуса, светящихся столбов высотных эстакад, везде эта индустриальная мощь и, что важнее, стремительная поступь хай-тека.

А сейчас вот широкая лента шоссе пугающе упирается в грозно вознесенные к темному небу массивные небоскребы, выстроенные не для туристов, а для деловых и очень деловых людей.

Из-за ярких реклам на всю стену небоскребов звезд не видно, небо абсолютно черное, зато внизу море праздничных огней, потому что мир постоянно что-то да празднует, стараясь наполнить жизнь радостью.

Когда видишь встающие вдаль светящиеся столбы, сразу и не сообразишь, что это стоэтажные небоскребы, различного типа башни-офисы, тоже в огнях, с роскошными бассейнами на

крышах, где вода подсвечена снизу празднично и ярко...

— Да что за дурость, — слышался рядом раздраженный голос Ингрид.

Я приоткрыл глаза, она перехватила мой взгляд, поморщилась.

— Что? — спросил я.

Она буркнула:

— А ты ничего не слышишь?

Я поймал себя на том, что в самом деле, спасая мозг, отрубил всю льющуюся в него информацию, даже слишком рубанул, в другой раз надо осмотрительнее, а то еще оглохну и ослепну.

— А-а-а, — сказал я, — ты про эту дискуссию...

В эфире несколько дикторов, как теперь это модно, перебивая друг друга, рассказывают, что в последние годы значительный рост заболеваний рака яичек. Часть ученых предположили, что из-за обилия свободного времени мужская привычка почесывать яйца стала занимать вдвое-втрое больше времени, это и спровоцировало рост заболевания. К тому же свобода самовыражения теперь позволяет чесать яйца как на улице, так и в людных местах, в культурном обществе все, что не вредит другим, считается приемлемым, потому яйца чешут как в пивных барах, так и на концертах Бетховена, а уж на Моцарте так и подавно...

Но несколько довольно видных ученых выдвинули контраргумент, что мужчины издавна чесали яйца, вон в Италии совсем недавно Берлускони запретил под угрозой огромного штрафа чесать яйца на улице, дескать, это неприлично, но это древний обычай, ведет начало из пещерных времен, и человечество давно к нему приспособилось, а кто был

склонен к заболеваниям, связанным с чесанием, тот давно вымер.

Сейчас вот Всемирная организация здоровья в конце концов решила провести эксперимент, чтобы выявить, вредно ли это чесание, а если вредно, то насколько. Начался отбор в большую группу, куда должны войти мужчины разного возраста и разных рас, после чего их разделят, половина будет чесать не меньше часа в сутки, а другие не должны этого делать ни в коем разе вообще, что и покажет постоянное наблюдение видеокамер.

Ввиду серьезности проблемы предполагается такие группы для более точной статистики создать хотя бы в десятке стран, чтобы были выявлены и другие факторы, влияющие на частоту заболеваний: страна, климат, раса, национальность, вероисповедание...

— Не хочешь в такую группу? — поинтересовалась она, я уловил в ее голосе иронию, но взгляд оставался серьезным. — Такой рак развивается слишком быстро! Если его не заметить на ранней стадии, то моментально дает метастазы в другие органы, слышал? Даже при современной медицине почти всегда смерть. Так что подумай...

— Да ты же все проверила, — ответил я мирно. — Была бы опухоль, ты сказала бы сразу, ты грубая, для тебя все ха-ха, а то и гы-гы...

Глава 8

Я тоже поглядывал в зеркало заднего вида, но это больше для Ингрид, а так мне удобнее следить за дорожными камерами, те показывают очень подробно, вплоть до мелких царапин на номере.

Она снова перехватила мой взгляд, кивнула.

— Конечно, могу оторваться. У нас усиленные моторы, да и правила дорожного движения, как догадываешься, можем игнорировать, если того требует ситуация.

— Ну?

— Ситуация не требует, — ответила она хладнокровно. — Если оторвусь, поймет, что засекли. В следующий раз могут придумать что-то хитрее. Сейчас хорошо бы узнать, кто он...

Я прервал:

— Сделано. Посмотришь на моем планшете?

— Ты быстр, — сказала она с уважением. — Выведи на лобовик. Не хочу оставлять руль.

На лобовом стекле появилось лицо Окунева, сбоку несколько мелких фото в полный рост, дома и в лесу, пара на морском берегу, а одна фотка в десантной форме, но без опознавательных знаков.

Она рассматривала удивленно, потом кивнула на скромное фото в самом уголке.

— А это откуда?

— С камеры дорожной полиции, — ответил я, — двенадцать секунд назад.

Она вскинула брови.

— И как ты сумел?.. Впрочем, это не мое дело. Выглядит он крутым и тертым.

— Он такой и есть, — сказал я, — вон смотри, где воевал, что умеет еще, кроме как водить «Тойоту»... кстати, бронетранспортер водит тоже, вон даже фото... А это из крупнокалиберного бьет по вертолету... Судя по вектору, вертолет набрать высоту не успеет, времени на маневр тоже нет...

— Блин, — сказала она встревоженно, — чей вертолет?

— Да какая разница, — ответил я.

— А вдруг наш?

Я изумился:

— У тебя есть вертолет? У меня нет точно.

— Гад ты, — буркнула она. — Нет в тебе священного патриотизма и духа Отечества.

— Все мы питекантропы, — сообщил я. — Ты не представляешь, как смешно будет вспомнить наше питекантропье, когда станем сингулярами! Если, конечно, восхотим такое вспомнить. Это даже не детство, это амебство.

Она нахмурилась и дальше вела молча, только поглядывала в окошко. Темный джип на одном из перекрестков свернул, но я предположил, что передал нас другому, Ингрид же промолчала.

Я изредка поглядывал на ее орлиный профиль, сосредоточена и вообще нацелена на бой и полное искоренение преступной деятельности. Еще не понимает более важную проблему, чем искоренение преступности. Ей кажется, что власть чересчур гуманничает, хотя на самом деле власть всегда власть, гуманизм и власть несовместимы.

Если ей сказать правду, это ужаснет и наверняка повергнет в депрессию. На самом деле полный контроль над исполнением законов не вводится совсем по другой причине, хотя ввести технически просто и уже дешево.

Все дело в том, что самые лучшие умы в психологии твердят в один голос, что человечество, лишенное возможности вести себя противозаконно, быстро деградирует.

Потому поддерживается строго определенный уровень законности, чтобы, как говорят в правоохранительных службах, слишком не нагнали.

Было подсчитано, что если установить строгий контроль за супругами, чтобы не ходили тайком

друг от друга на сторону, то семей разрушится в восемь раз больше, чем при адюльтерах. Не на восемь процентов, что и так было бы много, а в восемь раз! Правительству не все равно, крепкие семьи — это весомая прибавка к росту ВВП!

То же самое и с преступностью. Уничтожь ее целиком, а возможности есть, инициативность населения упадет, как и в случае нарушения супружеской верности, не на проценты, а в разы! А то и вовсе прекратится.

Нет уж, дешевле держать штат полиции и всякого рода следователей по выявлению, чем жить среди населения с полностью подавленной инициативой.

Потому что инициативность и преступность друг от друга неотделимы. Грани между ними нет. Мы сами проводим ее то здесь, то там в зависимости от идеологии, уровня просвещения, требования общественности, а часто просто по наитию.

Ингрид не понимает, почему я время от времени поглядываю на нее покровительственно, словно бывалый майор на молодого лейтенантика, но на самом деле в сложных вопросах она даже не лейтенантик, а солдат-первогодок.

В окнах полицейского участка горит яркий свет, и, хотя все зашторено, чувствуется по мелькающим теням, суэта еще не закончилась, даже чуть выше нормы, так мне показалось.

Ингрид ничего не заметила, вижу, однако, перед дверью ее отдела навстречу попался Андрей, все такой же полный энергии, словно сейчас утро, даже проводил блудливым взглядом чью-то женскую попку, но при виде нас торопливо сделал шаг вперед.

— Стоп-стоп!.. Ингрид, дело о хищении двенадцати миллионов наверху сочли то ли слишком важным, то ли еще чего...

— Говори быстрее, — прервала она.

— Сверху прислали двух следователей, — сообщил он страшным шепотом. — Сейчас оба там у тебя...

Она рванулась к двери своего кабинета.

— Да кто посмел...

Он ухватил ее за руку.

— Тихо-тихо, остынь. С ними начальник полиции. И чин из Главного департамента. Похоже, из ФСБ или еще что-то не наше. Но серьезное. Так что лучше туда не лезть... если не с чем.

Она нахмурилась, я посмотрел на Андрея с интересом. Бравый сержант, с виду умом не блещет, но то ли интуиция развита, то ли наши рожи говорят яснее ясного, что успехов у нас ноль. Если не считать, конечно, что отрицательный результат тоже результат, но это хоть и верно, но как-то слабо утешает.

— Сейчас допрашивают друга твоего напарника Жоржика, — пояснил он, — можешь посмотреть. Туда можно.

Про меня он ничего не сказал, явно мне смотреть нельзя, потому я пошел сам, уверенный, как носорог по саванне с антилопами. Похоже, мне удалось себя поставить, на меня посмотрели с неуверенностью, но остановить не решились.

Из кабинета начальника участка через широкое окно с поляризационным стеклом хороша видна комната для допросов. Мавры сделали свое дело и пошли на хрен, но смотреть не запретили, и за то спасибо, и мы с Ингрид торопливо бросились к этому окну, настолько прозрачному, что приходится напоминать себе, что с той стороны это простое чистое зеркало.

Допрашивают одного из тех, кого мы застали тогда в брошенном цехе, а потом он вместе с Гер-

маном отстреливался в домике, похожем на очень удаленный сортир.

Сейчас этот лупоглазый Жоржик даже с наручниками на руках смотрится крутым и опасным. Даже опаснее, чем тогда, когда омоновцы провели их с Германом и еще одним мимо нас к полицейскому автобусу.

И уже не Жоржик, а Георгий Авилов, что Джорж, Георг и много других модификаций, что произносятся куда как уважительнее.

Следователей двое, то ли для игры в хорошего-плохого, то ли следят друг за другом, а потом стучат по одиночке руководству. Один массивный и вальяжный, по его виду уже готов занять кресло повыше, сложить обязанности на толковых помощников и жить в свое удовольствие, второй худой и жилистый, этот еще боец, такие на ходу подметки рвут, сел напротив Авилова, впившись в него острым взглядом, а вальяжный стоит в сторонке, как бы наблюдая и оценивая, дескать, он хоть и стоит, но по рангу выше...

Я услышал, как Авилов говорит с тоской в голосе:

— ...не понимаете, что все бессмысленно, если нет бессмертия?.. Все, чего я достиг, что сумел... все исчезнет вместе со мной! Зачем качал мышцы, собирался поступить в универ?.. Как только откину копыта, меня не станет. И весь мир для меня исчезнет. Как исчезну и я. Только потому я и принял предложение помочь... ну, в том деле.

Жилистый проговорил с сочувствием:

— С такими взглядами... гм... да, понимаю. Интеллигент. Жизнь всего дороже. Но насчет кражи гранта ты узнал совсем недавно? После того как вас захватили?

Авилов буркнул:

— Ну да, и что?.. А я раньше был сторонником этого, как его... семинаризма!

— Сингуляризма, — поправил жилистый, но, судя по его глазам, сам усомнился в точности термина, тут же спросил: — И что тебе сказали?

Авилов сдвинул плечами.

— Только то, что прокричал тот, который выследил нас. Что мы якобы украли двадцать миллионов долларов! С ума сойти. Теперь понимаю, почему все провалилось.

Вальяжный поинтересовался густым голосом высокого начальника:

— Почему?

— Потому что мы готовились прикрыть какую-то мелкую кражу, которую, скорее всего, вообще не заметят. А если у вас что-то получится, то пошлете пару самых тупых полицейских. А за двадцатью миллионами, понятно, вы бросили лучших... А уже здесь мне сказали, что кому-то захотелось дожить до бессмертия. Я подумал и... проникся.

Ингрид прошипела мне тихонько:

— Найду и удавлю того, кто пускается в такие пояснения! Здесь мы получаем сведения, а не от нас!

Вальяжный спросил лениво:

— Что, в самом деле жизнь так дорога?

Авилов вскинулся.

— А вы? Разве для вас не так?..

Вальяжный смолчал, зато жилистый произнес строго:

— А я вот все еще чувствую себя веточкой, а то и вовсе листиком на могучем древе своего рода. Одни листья живут свой срок и опадают, на их месте вырастают другие, а само дерево растет и мужает. Потому листку хоть и не хочется умирать, но он по-

нимает, что отмирает только его часть, а остальное перешло в ствол, а потом весной снова возродится в новом листочке... Скажи, почему нигде не зацветили украденные те первые восемь миллионов?.. Пять лет назад, с ума сойти!.. Я бы на другой день начал покупать дворцы и яхты...

— А зачем мертвецу яхты?

Жилистый переспросил живо:

— Полагаешь, тебя сразу грохнули бы поделньники? Которых ты обвел тоже вокруг пальца?

Авилов вздохнул.

— Не понимаете... Мы все мертвецы. И вы тоже. Да-да, вы.

Жилистый вскинул брови.

— Почему я?

— Я же говорю, — повторил Авилов замогильным голосом, — все мы мертвецы, потому что умрем. Какая разница, что сейчас пока что живы?.. Это ненадолго. Через несколько лет, пусть даже через пару-тройку десятков все умрем. Потому какая разница, был я богатым или бедным, красивым или уродом, умным или не совсем...

Жилистый потряс головой.

— Погоди-погоди. Что-то не врубаюсь. А при чем здесь двенадцать миллионов?

Авилов посмотрел на него со снисходительностью и жалостливым презрением.

— Прогнозы не читаете?

— Прогнозы погоды?

— В задницу погоду, — сказал Авилов с видом полнейшего превосходства. — Прогнозы тех, кто зарабатывает мозгами, а не как мы... Через пятьдесят лет в их лабораториях создадут бессмертие! Те, кто сейчас гадит в пеленки, бессмертие получают даром, а вот мне, как и вам, до всеобщего и дешевого не

дожить. Я наслушался этого, так что когда мне будет семьдесят пять, оно будет стоять от пяти миллионов до десяти!

Вальжный сказал со стороны:

— Теперь понимаю, почему вы не истратили ни доллара. Но сейчас средняя продолжительность жизни уже семьдесят два года...

Авилов помотал головой.

— Средняя!.. А в моем роду не было долгожителей. Наоборот, у нас все умирали в пятьдесят-шестьдесят. Конечно, они не заботились о сохранении здоровья, тогда моды не было... да и я о ней не знал, пока сюда не попал. Подумать только, чего только в полиции не узнаешь? В общем тот, кто спер восемь миллионов долларов, с этими копейками окажется в конце стотысячной очереди... но все-таки это шанс!

Жилистый сказал быстро:

— А если спереть еще двенадцать, то с двадцатью шансы выше?.. Но все-таки остается главный вопрос...

Авилов снова помотал головой.

— Я уже говорил, ничего не знаю!.. Указания получал по эсэмэске. Догадываюсь, что по одноразовому мобильнику.

Ингрид наблюдала за допросом неотрывно, я сказал ей вполголоса:

— Он играет, повторяет то, что слышал, на самом деле никакими идеями трансгуманизма не проникся... То ли прикалывается, то ли наводит на ложный след... однако сам того не желая, намек дал... Даже ниточку.

Она спросила в нетерпении:

— Ну? Что за ниточку?

— Кто-то его очень хорошо знает, — шепнул я. — Либо по работе, либо по закрытому клубу.

К примеру, клубу трансгуманистов. Не просто коллега, а кто общается достаточно близко, чтобы знать его взгляды, страхи, потайные желания... Это либо сотрудник, который с ним не раз обедал в перерыв, забегал в кафешку, либо играет с ним раз в неделю в боулинг или какую-то еще тупую хрень.

Она ответила тем же шепотом:

— Все, бегу проверить. Подниму все связи.

— Давай, — сказал я. — Если что, кричи «Тону!».

— Не дожdessenя, — отрезала она.

Глава 9

Чтобы не задремать в теплом помещении, я вышел на свежий воздух, торопливо перекрыл лавину информации, радостно хлынувшей мне в череп. Артериальное давление где-то под сто семьдесят на сто, у меня почему-то между систолой и диастолой всегда семьдесят вместо положенных по норме сорока, пульс тоже за восемьдесят, хотя раньше был в пределах пятидесяти-шестидесяти, нужно научиться успокаиваться, отрезать от себя всякое, а то хрен заснешь... Не всегда же в постели окажется что-то еще живое, что отвлечет...

Я открыл автомобиль Ингрид, он довольно пискнул, узнавая, я еще в первый раз поставил в его электронный мозг свою приоритетность, так что для меня все открыто и готово к выполнению любых приказов.

Где-то через четверть часа ожидания уже начал клевать носом, двенадцатый час, а я привык в такое позднее время засыпать и без мелатонина, хотя сегодня чувствую себя достаточно бодрым.

Все-таки мозг среагировал: перед глазами вспыхнула картинка — Ингрид, что идет по коридору к выходу из участка, вот открыла дверь и остановилась на крыльце, нетерпеливым жестом подзывая автомобиль, но тот и не подумал сдвинуться с места.

Я открыл дверцу, помахал рукой.

— Эгей, красотка!.. Не желаешь прокатиться с джигитом?

Она спустилась со ступенек надменная и монументальная, как памятник святой Ольге, что убила древлян, а потом сожгла их главный город вместе с населением.

Я продолжал улыбаться, хотя она смерила меня злым взглядом. Я все еще держал дверцу, другой рукой похлопал по сиденью, как приглашают болонку занять место рядом.

Она села, угрюмая и раздраженная, буркнула:

— Как залез? За проникновение в полицейскую машину можно припаять срок.

— Ой, — сказал я, — как страшно.

— Не страшно? — спросила она. — Тогда сейчас вызываю наряд...

— А я скажу им, — ответил я смиренно, — что ты сама дала мне код, а также все ключи от полицейского управления, где деньги лежат.

Она поморщилась.

— Свинья. А как сумел?

— Ты не закрыла дверь, — сообщил я.

Она фыркнула.

— Не ври. Она сама закрывается так, что не взломать.

— Да уж и не помню, — ответил я и посмотрел ей в глаза. — Ты чего такая злая? Палец прищемила?.. Или просто есть хочешь?

— Это ты хочешь, — сказала она обвиняюще. — Ничего найти не удалось. Какая-то хитрая тварь против нас играет. Тоже, наверное, доктор наук.

Я посмотрел на нее внимательно, вся кипит от злости, но вот так нечаянно и брякает то, что самое вероятное. Хотя в нашем Центре далеко не все доктора наук, обслуживающего персонала все же побольше, но изъятие двенадцати миллионов проведено просто ювелирно. На следующий день Геращенко уже начал бы тратить на закупку нового оборудования, у него целый список наготове, так что все сработано с умом и холодным расчетом.

— Давай в кафе, — посоветовал я. — Ты мне иногда кажешься почти нормальным человеком, а нормальные лучше думают, когда что-то едят. Лучше, когда едят хорошо и вкусно.

Она фыркнула.

— Снова есть? На ночь? Ты что, лигасперсом пользуешься?

— Так это ж для дела, — сказал я серьезным голосом. — Все ученые им теперь пользуются! Без него доктором наук стать труднее. А с ним и ты сможешь...

Она поморщилась, машина вроде сама по себе развернулась, а Ингрид только ткнула пальцем в экран навигатора.

Лигасперс, уникальный и пока что дорогой препарат, появился сперва в спортивных магазинах, атлетам всегда нужно что-то мощное для сушки, а недавно переполз потихоньку в аптеки. Он позволяет есть вволю все, чего душа пожелает, но не набирать лишний вес. В первые месяцы все ленивые дуры и толстые дураки ломанулись покупать, на некоторое время даже образовался дефицит продуктов на полках магазинов. Особенно раскупали сладкое и

жирное, производство тортов возросло на восемьсот процентов, но торговля быстро увеличила поставки из других стран и регионов, производители ощутили возможность расширить свои хозяйства, но в обществе после эйфории наметился заметный и закономерный откат.

В то же время самые фанатичные и стойкие заявили, что как сами следили за своими фигурами, так и дальше будут следить без всяких препаратов. Еще часть населения после первых недель и месяцев непрерывных пиршеств вернулась к более-менее умеренному потреблению продуктов, и только где-то треть продолжили ежедневно потреблять лигасперс, все больше скатываясь на уровень животных, что, на мой взгляд, вполне устраивает и трезвую часть трансгуманистов, эти паталогические жруны не только не потребуют бессмертия, но и недостойны его даже с точки зрения последователь матери Терезы.

Посетителей в кафе мало, те переместились в ночные клубы, нам сразу же принесли заказанное, все-таки у нас нет капризов, вкусы стандартные, то есть всего лишь крепкий кофе, а к нему некоторые мелочи вроде рыбного салата с курицей, по бифштексу, а потом пирожные к кофе, мы только ради него и явились, так что остальное не считается.

Звякнул смартфон, я коснулся панельки, появилось сияющее лицо Катеньки, улыбнулась широко, как веселый бурундук, пропищала счастливо:

— Судя по координатам, ты сидишь в кафе «Scenario Café»!.. Я как раз еду мимо...

— Присоединяйся, — пригласил я. — Ты же на своей службе даже кофе не пьешь...

— Через две минуты, — пискнула она.

Ингрид с интересом смотрела, как я сунул смартфон в нагрудный карман.

— Ты прямо засветился весь. Значит, тебе повезло с женщиной. Такое теперь редко.

— Надеюсь, — ответил я.

— А чего там у себя кофе не пьет?

— Там вода пахнет хлоркой, — пояснил я. — Сколько ни очищай. Загадка природы.

Через пару минут в зал в самом деле почти вбежала Катенька, легкая и быстрая, как молодой козленок, чуть замедлила шаг, настороженно посматривая на Ингрид, та настоящая королева варваров, пусть и в гражданской одежде полицейского.

Я жестом указал на свободный стул за нашим столом.

— Садись, пиццундрик. Это Ингрид, старший детектив убойного или какого-то там страшного отдела... Ингрид, это Катенька, младший агент главного в стране Турагентства...

Ингрид с интересом посмотрела на Катеньку, что опустилась на сиденье пугливо, как птичка на качающуюся ветку.

— Ух ты, какой мышонок.. Она мне нравится. Маленькая женщина до старости щенок.

— Но-но, — сказал я предостерегающе, — это мой мышонок.

Ингрид улыбнулась несколько плотоядно.

— Да ладно, не жадничай. Я смотрю на вас, таких subtilных, чувствую, у нас такой прайд получится!

— Я старомодный, — заявил я. — Теперь это входит в тренд. Правда-правда, как бы консервативная оппозиция осточертевшей демократии. Мы те паписты, что святее папы. Потому в моей постели только я и самочка! Ничего больше. Даже кота.

Она прищурилась.

— У вас так тесно?

— Нечего-нечего примазываться, — сказал я. — Иди гантелями помахай, со штангой поработай. Вот там кайф!

Она понимающе заулыбалась.

— А-а, понимаешь. Как у тебя кайф от твоих вирусков?.. Ты прав, там у нас настоящие радости. Хотя иногда жаль, что старые радости то ли уходят, то ли обесцениваются... Добро пожаловать в новый мир, Владимир!

Я кивнул, лицо у нее бодрое, но в глазах грусть, я ощутил, что у меня выражение примерно такое же. Новый мир жаждем, стремимся в него и приветствуем, но и потеря старых ориентиров то ли печалит, то ли даже тревожит.

— Знаешь, — сказал я честно, — в новом мире приветствую все-все из техники. Из медицины, из литературы, кино, даже архитектуры, хотя и не понимаю, зачем она... но отношения между людьми...

— Да брось, — прервала она. — Хочешь принимать только то, что тебя не обязывает, не беспокоит? Так не бывает. Любишь кататься, люби и самочку возить. Даже двух, ха-ха!

Я буркнул:

— Ты тоже... самочка?

— Еще не рассмотрел? — поинтересовалась она. — Показать?

Катенька испуганно дернулась, я сказал поспешно:

— Я не про плоть, а про суть. Так как там внутри?

Она с улыбкой кивнула на притихшую Катеньку.

— Внутри я вон такая. Но только очень глубоко. Даже сама забыла, какая была в детстве. Наверное,

такой же пицундрик, как твоя девушка. Эй, малышка!.. Ты чего такая пугливая?

— Я не пугливая, — ответила Катенька с достоинством. — Я боязливая.

— Но меня ты не боишься?

— Боюсь, — сообщила Катенька гордо и спряталась за мою спину.

Ингрид расхохоталась.

— А вы мне нравитесь. Оба.

Катенька прошептала мне испуганно:

— Это что же... она будет нас обижать?

— Не дадимся, — успокоил я. — Сейчас вроде бы демократия. Хотя в стране все так быстро меняется.

Ингрид картинно вскинула брови.

— Что-что?.. Кто здесь против законно избранной власти?.. Девушка, еще заверните мне бутерброд с собой и сделайте большой стакан эспрессо...

Официантка кивнула.

— Бутерброд один?

— В этот раз один, — ответила Ингрид. Оглянулась на меня и Катеньку. — А вы кровать в мое отсутствие не развалите!.. Лучше я ее потом раскачаю с вами.

Катенька открыла в изумлении ротик.

— Ты чего?.. Хочешь лечь... в его постель?

Ингрид ласково погладила ее по шелковым волосам.

— Я следователь, милая. А мужчины лучше всего раскрываются в постели... Еще не заметила в своем полудоминанте что-то такое... не совсем стандартное?.. Тогда постарайся после секса подластиться и поговорить откровенно. Мужчины в расслабленном состоянии выбалтывают такое...

Катенька сказала храбро:

— Не смей его пытаться!.. Это запрещено! Я читала!

Ингрид приняла из рук официантки пакет с огромным бутербродом и ломтем жареного мяса, другой рукой взяла пластиковый стакан с горячим кофе, а пиццундрику подмигнула почти по-женски.

— Учись пользоваться возможностями. Твой полудоминант уверяет, что иначе бессмертным не стать.

Я даже привстал, прощаясь, у себя дома открыл бы для нее дверь и даже выскочил на площадку, чтобы нажать кнопку вызова лифта, здесь же только проводил взглядом.

Ингрид поблагодарила кивком, выглядит довольной и даже торжествующей, что малость обеспокоило. Уже на выходе из зала оглянулась с насмешливой улыбкой, вытянула губы и чмокнула в поцелуе, и хотя до нее не меньше двадцати шагов, я как-то ощутил ее твердые и горячие губы.

Когда сел за стол, Катенька прошептала устранным голосом:

— Я ее боюсь!

— Я тоже, — признался я. — Есть же такие люди... Но уживаться приходится.

Потом, когда она везла меня на своей машине, всю дорогу расспрашивала о страшной женщине. Для ее хрупкой и нежной натуры встретиться с такой — настоящее потрясение, я как мог подробно рассказал о сложном деле, в которое оказался вовлечен. Она пришла в ужас от невероятной цифры в двенадцать миллионов долларов, что просто не помещается в сознании. Конечно, знает, что есть миллиардеры, Гугль вон стоит триллион, а Илон — два триллиона, но это где-то там, а это здесь, прямо вот почти в пределах протянутой руки.

В квартиру мы поднялись, когда на часах уже половина второго ночи, для меня это много, но Катенька достаточно веселая тусовщица, может всю ночь провести на танцполе, а сейчас, едва перешагнула порог, раскрыла ротик и весело пропищала:

— Ка-а-а-к прекра-а-а-асен этот мир, посмотри-и-и-и-и!

Я подхватил ее на руки, сам изумившись, как это у меня получилось почти само, и я не совсем слаб, и она такая легонькая, ее руки обнимали меня за шею, а счастливый голосок повизгивал прямо в ухо, щекоча теплым женским дыханием.

Пока она раздевалась, я открыл шампанское, медики признали его более полезным, чем красное с его хваленным ресвератролом, хотя, уверен, торговцы вином заплатили за такой вывод приличные деньги, можно бросить работу, купить виллу на берегу моря и жить припеваючи.

Всевозможные свободы привели к тому, что человек вернулся в беспечное детство язычества, когда еще не существовало жестоких запретов появившейся потом авраамической религии.

А это значит не только свободу в сексе, что вполне терпимо, но и во всем остальном, что допускали не только дикари, но и просвещенные, как мы считаем, эллины. Для эллинов, к примеру, врагами были все, в том числе даже жители соседних городов. И вот сейчас у нас та же ситуация, ослабевшие религии уже не скрепляют нации и страны, все воюют против всех, как в те славные времена, когда религия не навязывала свободному и гордому человечеству общие принципы и не свойственное человеку миролюбие.

И, конечно, нет тех моральных скреп, что вдалбливались веками, то есть воровать все же до-

пустимо, если, конечно, не из кармана у кого-то, а у государства, банков или огромных корпораций, в тех случаях как бы никто и не страдает...

Она скакнула в постель, там приняла из моей руки фужер с шампанским.

— Ты чего, — чирикнула весело, — такой серьезный?..

— Да так, — пробормотал я, — ощутил, что в тревожном мире живем. Раньше было прекрасно: Добро и Зло, Тьма и Свет, хорошие и плохие... а сейчас нет абсолютных злодеев, не заметила? Даже в кино нет. Тем более в сериалах. Все смещено, у всех своя правда, все люди идеи, все верят в свою правоту!

Она пискнула:

— Не задумывалась. Я когда смотрю сериалы, то реву, когда там кого-то обижают. Хоть хорошего, хоть плохого... Но ты прав, уже нет целиком хороших и целиком плохих... Даже смотришь на хорошего, а он постепенно становится плохим, а плохой оказывается не совсем плохим, а то и совсем хорошим, так что все перепутано в этой жизни...

Она договорила совсем жалобным и упавшим голосом, я обнял свободной рукой ее узкие плечики с тонкими птичьими косточками.

— Все наладится, — пообещал я. — Мы с тобой обязательно доживем до сингулярности.

Она скупно улыбнулась, голос ее прозвучал почти весело, но я все равно уловил жалобную нотку:

— Не представляю, как это... жить вечно? Читала где-то, что тогда разводиться будут еще чаще. Совсем-совсем часто! Никто не сможет жить с одной женщиной вечно. И вообще институт брака уйдет окончательно! Это правда? А чем его заменят?

— Давай сперва доживем, — предложил я. — По срокам вроде бы успеем, хоть будем уже стариками, но это если все пойдет, как ожидается...

— А может не пойти?

Я сдвинул плечами.

— Еще Маяковский просил, чтобы воскресили, а Брюсов настаивал, чтобы его не смели оживлять. Тогда все верили, что бессмертие вот-вот... Прошло сто лет, а мы все еще на том же месте. А если еще черный лебедь пролетит...

Она зябко повела плечами.

— Только не черный... Черный лебедь, черный ворон... Володя, я не останусь на ночь.

— Что так?

— Муж начинает сердиться, — пояснила она упавшим голосом.

— Странно, — сказал я. — Он же знает о нас.

Она сказала упавшим голосом:

— Он не знал, что ты неизлечимо болен. Пока ему казалось, что просто иногда делаю жизнь более разнообразной, как это принято, то не возражал. Хотя, наверное, ему это не очень нравилось, но всем нам что-то не нравится, верно?.. Но вчера он как-то узнал... уж и не знаю как, я не говорила, что у тебя болезнь прогрессирует и тебе осталось, как он сказал, прости, недолго...

— Так почему его это рассердило?

— Он не хочет, — сказала она жалобно, — чтобы я страдала. Он знает, что буду реветь... и реветь долго. Он не хочет такого. Он меня бережет!.. От всего бережет.

Я кивнул, все понятно, мужик поступает верно. Хотя здесь не только забота о ней, но и о себе. Сейчас я один из многих случайных романов, но когда склею ласты, останусь в ее памяти надолго, а то и

навсегда. Гораздо спокойнее знать, что все мужчины, с которыми жена как-то и где-то повязалась, тут же испаряются из ее женской памяти.

Она прижалась ко мне всем телом, маленькая и трепещущая, испуганная этим громадным жестоким миром, где так холодно, неуютно и страшно.

— Все будет хорошо, — проговорил я, — все наладится...

Она прошептала в мою грудь:

— Как?.. Ты сейчас выглядишь лучше... Может быть... Как-то остановилось?

— Не знаю, — ответил я откровенно. — В самом деле окреп, но сколько это продлится... Время покажет.

Глава 10

Перед выходом она задержалась ненадолго в душевой, смывая мои запахи, поцеловала крепко-крепко и торопливо выбежала на лестничную площадку.

Настроение у меня препаршивое, но сумел провалиться в сон, едва доковылял обратно до постели, что еще хранит аромат и тепло ее тела.

И снилось приятное, однако проснулся с трезвой и тревожной мыслью, что мои сложности не столько в том, как добывать информацию, а как объяснять окружающим, откуда взял. Потому придется либо указывать на пути, как в самом деле можно было получить, чтобы всякий говорил с досадой «Ах, как это я сам не догадался!», либо ссылаться на особое мышление, присущее ах-ах, такой особой интеллектуальной элите, как доктора наук, у которых все не как у людей, даже стрелять и прыгать по крышам не умеют.

С другой стороны, это в самом деле прокатывается. В полицейских управлениях не работают доктора наук даже на самом верху, так что лапшу вешать на уши можно, если не зарываться.

Господь отвечает на все молитвы. Но на некоторые отвечает: «Нет». Мне то ли повезло, то ли Он решил вознаградить как инвалида, но еще когда те особо важные следователи допрашивали Жоржика, он же Георгий Авилов, я моментально просмотрел все контакты, разговоры, фотографии, медицинские карточки и даже файлы, что хранятся на ух как защищенных серверах в облаках, так что за ночь мозги продолжали работать, сортировали Big Date так и этак, потому, когда во время короткого, но обильного завтрака я вызвал в памяти аватарку Ингрид, ее лицо моментально появилось на большом экране в полстены.

— А-а, проснулся, — сказала она, — а где твой пискливый пищундрик?

— На ночь не осталась, — сообщил я зачем-то, — муж против. Ты еще в постели?

Она молча отдалила изображение, уже одетая к выходу сидит перед компом, справа большая чашка с кофе и маленький кусочек сыра на огромной тарелке.

— Заезжай ко мне, — сказал я. — Тебе же почти по дороге. Подумаешь, половину Москвы проскочить. Почти без пробок и ремонта дорог.

— Что-то накопал? — спросила она с надеждой.

— Ну, как сказать...

Ее рука с чашкой замерла на полдороге.

— Так и скажи!

— Потянем за нитку, — сообщил я, — выйдем если не на самого главного гада, то на его подручного.

Она чуть не захлебнулась, но допила, со стуком

поставила чашку на столешницу. Глаза уже горят злым азартом.

— Никуда не уходи!.. Прибью!

— Жду, — ответил я покорно. — Не могу же я советскую власть обманывать...

Через десять минут она перезвонила и велела выходить из дома, а когда я в спешке выскочил, ее автомобиль как раз подкатывал к ступенькам.

— Что за черепаха, — сказала она с неудовольствием. — Должен был уже ждать и тревожиться.

Я опустил на сиденье рядом, сообщил:

— Мне кажется, за тебя вообще тревожиться невозможно. Ты как терминатор, пройдешь и сквозь каменную стену. Интересно, была ли ты такой всегда?

Она сказала быстро:

— Не смей смотреть в мое прошлое. Нет-нет, никакого криминала, но...

Я пробормотал:

— Ладно, не буду.

Она указала пальцем на экране куда ехать, автомобиль с готовностью ринулся выбираться из тесного двора, а она посмотрела с подозрением.

— Уже посмотрел? Признавайся, вегетарианец!.. Посмотрел?

— Да нет...

— А почему морда такая? Почему на морде выражение?

— Да не смотрел, — ответил я, защищаясь. — Думаешь, ты самое интересное на свете? У меня есть куда заглядывать.

— Неужто еще не все порносайты просмотрел?

— А что, — спросил я с вялым интересом, — там есть что-то новое? Мне казалось, посмотри один — увидишь остальные... Да и что там интересного, сей-

час выйди на улицу — сплошной порносайт... А что, в твоём досье в самом деле что-то... особое?

Она посмотрела с раздражением, я видел, как в ней борются противоречивые чувства, наконец сказала со злостью:

— Да ладно, смотри! Подумаешь. Просто не хочется, чтобы видели такое, но на самом деле... чего стыдиться? Да, я была такой!

— Какой? — поинтересовался я. — Нет-нет, я не смотрел и не смотрю!

Она вздохнула, посмотрела на меня исподлобья.

— Брешешь. Мужчины все брешут. Просто я была в школе, начиная с младших классов, самой никчемной. Может быть, я была такая не одна, но мне доставалось. И за очки с толстыми стеклами, и за кривые зубы, и что толстая...

Я охнул как можно искреннее.

— Это ты была толстой?

— Да ладно, — буркнула она, — так и поверила, что не смотрел мои фотки тех лет! В общем, только в последних двух классах школы я наконец-то взялась за себя. И, конечно, каторжанилась в спортивном зале. Никакие женские фитнесы, только силовой тренинг, только боевые искусства, игры на выживание, скалолазание... Потом сумела поступить в школу ГРУ, там тренинг, участие в боевых операциях...

Я спросил с удивлением:

— И чего скрывать? Гордиться надо!

— Что была толстой?

— И что толстой, и полуслепой, и кривоzubой, и глуховатой...

Она возразила:

— Глуховатой я никогда не была!

— Жаль, — ответил я. — Было бы еще очко в копилку твоих достижений. Те, кто родился с хоро-

шими фигурами и красивыми зубками, пусть благодарят родителей, это их заслуга. А то, какая ты есть сейчас, — заслуга только твоя. Я бы на твоём месте носил свою фотку, где ты толстая и в очках, и всем бы хвастался.

Она посмотрела на меня исподлобья, явно не веря, что говорю всерьёз, но мой голос звучит настолько искренне, что вроде бы поверила.

— Умом я это уже понимаю, — сказала она со вздохом, — но пока не решаюсь переступить. Все-таки живём в мире людей.

— Простых, — уточнил я.

— Но все же людей!

— Пока что людей, — подтвердил я. — Потом их оставим позади, а сами уйдём с постлюдьми в новое общество. Но вообще-то уже пришло время, когда имплантатами в груди, бедрах, на заднице и вообще везде хвастаются напропалую. Как и липосакцией и подтяжками. Дураки, что вопили насчёт силикона, наконец-то заткнулись. Или вымерли, да и не жалко. Скоро имплантаты сможем вставлять прямо в мозг!

Она посмотрела на меня косо.

— А у тебя там ещё нет?.. А то хоть и знаю, что пока такие ещё не созданы, но бывает такое впечатление... Хорошо, наверное, быть доктором наук!

— Хорошо быть и чемпионом мира по паурлифтингу, — согласился я. — Да только трудно им стать, верно?

Она поморщилась.

— Ну что ты на больной мозоль грубыми сапожищами... Я вот вчера, когда вернулась, успела увидеть по жвачнику дискуссию насчёт того, что теперь невозможно прожить литературой. Смотрю, выступают какие-то алкаши, которым бы только пить да по бабам, так и хотелось закричать, что и футболом

прожить невозможно, и теннисом, вон дворовые и даже районные команды за свой счет одежду спортивную покупают!.. И как только Рональдо концы с концами сводит?.. Как топовые теннисисты гребут миллионы долларов за один матч?

Я прервал:

— Вон там на перекрестке возьмешь налево, а дальше дуй с километр прямо...

Она широко распахнула и без того круглые орлиные глаза.

— Есть адрес?

— Да, — ответил я — пора брать человека, который сумел украсть двенадцать миллионов.

Она посмотрела на меня с недоверием.

— Да ну? А я вот ну никак не хочу его брать, да? А ты настаиваешь, настаиваешь... Что накопал? И как?

Я проговорил с тем оскорбительным выражением очень взрослого, который берется что-то объяснять малолетнему придурку:

— Видишь ли, любое несанкционированное вторжение оставляет, так сказать, цифровую пыль. Это я для доступности...

Она среагировала так, как и рассчитывал, в нетерпении мотнула головой, как лошадка, встряхивающая гривой:

— Оставь эту заушную муть на потом. Адрес есть в самом деле?

— Да, — ответил я. — Пробил по базе, это легко. Остап Ратник, тридцать два года, служил в десантных войсках...

— Нужно вызвать ОМОН! — прервала она быстро.

— Уже едут, — заверил я. — Через три минуты будут.

— Ты откуда знаешь?

Я сдвинул плечами.

— Шутишь? Или забываешь, что в нашем цифровом мире нет тайн?

— А ты не забываешь?

Я вздохнул.

— Хотел бы. Но не дают.

— Кто? — спросила она. — Ах да, твой высокий интеллект! Как ты им обременен, как обременен!

Я кивнул, соглашаясь, что, конечно, ее сердит еще больше. На самом деле такое отследить по инету не удастся. Асимметричный алгоритм защиты отправляет слишком умного на миллионы серверов по всему миру. Здесь во весь рост выступает проблема Больших Чисел, или, как уже привычнее говорить, Big Date.

От поисковых систем в Интернете не скрыться, но можно их поиск усложнить так, что ответ найдут только через тысячу лет, если бросят на решение проблемы все имеющиеся силы.

А силы в распоряжении человечества пока что небольшие. Все надежда на квантовые компьютеры, чья работа по мощности будет сравнима с человеческим мозгом, а то и круче.

Но у меня мозг помощнее квантового.

— Кое-что проясняется, — сказал я. — Я не математик, но всегда чувствую дискомфорт, если два и два дают три или пять. А если стеариновую свечу, то такое заметит даже полицейский... Это у вас в полиции можно подогнать факты, чтобы получить премию, а в науке все должно быть тютелька в тютельку, как у поженившихся лилипутов.

Она прервала в нетерпении:

— Что проясняется?

— Прошлые несостыковки, — ответил я. — Разный уровень исполнения и даже разные методы.

И даже... в общем, очень умный гад все задумал и осуществил, только пришлось прибегать к помощи тех, кто не такой умный...

— Байкерам?

— И байкерам, и прочей шелупени. Но была и не шелупень, хотя умом тоже не блистала, однако в воинской выучке даст сто очков даже тебе. Главный гад использовал их, чтобы подчистить хвосты и обеспечить охрану, однако, как мне кажется, эти дикие гуси, похоже, решили сыграть чуть более важную роль. То ли хотели присвоить все деньги, то ли потребовать долю побольше.

— Почему так решил?

— Помнишь, как те боевики ахнули, когда я назвал сумму в двадцать миллионов? Наверняка думали, что прикрывают грабеж от силы тысяч в сто... Потом мы столкнулись с их повышенной активностью, что, как я уверен, была вызвана именно их вниманием, а не по указке сверху.

Она нахмурилась, сказала нерешительно:

— Я слышала, что все эти фильмы, как хаке-ры влезают через Интернет в секреты Пентагона... полная брехня. У Пентагона вообще нет Интернета. Именно на случай, чтобы уж точно никто со стороны не влез.

— Молодец, — сказал я. — Фильмы — это фильмы. Не только у Пентагона нет выхода в Интернет, нет и у любой другой солидной фирмы или компании. Однако залезать к ним бывает настолько просто, что и не знаешь, смеяться или плакать.

— Ну-ну?

— К примеру, — сказал я, — заходишь под видом посыльного или разносчика пиццы. Где-то по дороге на столе или даже в коридоре оставляешь флешку и выходишь. Вот и все.

Она подумала, лицо омрачилось.

— Ну да, понятно. Любая дура, завидев флешку, тут же вставит ее в комп, чтобы посмотреть, кто потерял. А этого, как догадываюсь, достаточно, чтобы хоть вирус внедрить, хоть нужную программу.

— Точно, — сказал я. — В дурах ты разбираешься. Нет-нет, никаких намеков, это я о твоём высокопрофессиональном умении женщины!.. Тьфу, сотрудника столичной полиции. Внедрить вирус...

— А с его помощью, — договорила она, высокомерно не обращая внимания на возможный шовинистический выпад, замаскированный под оговорку, — украсть все необходимые данные, скрываемые так тщательно, что нет даже доступа в инет.

— Слушай, — сказал я пораженно, — ты умница. Я думал, придется разжевывать! А ты с ходу, как орел муху.

Она покачала головой.

— Но все равно, флешку надо вернуть?

— Зачем? — сказал я. — Вирус моментально развернул нужную программу, а та собрала все секреты и передала по некому адресу. Ну, пусть не все, а те, на которые была заточена. В нужную точку мира. Но такой выход в инет рано или поздно откроется, однако можно и куда проще... В нашем корпусе три тысячи компьютеров!.. Все в Сети. Своей, локальной, без выхода в инет. Начиная от компа босса, где все-все, и кончая слабенькими устаревшими и морально списанными блоками в комнатке охраны, где скучающие ребята режутся в тетрис или где девочки-практикантки на простеньком симуляторе подбирают себе прически, макияж, платья или сапожки. Вот из такого компа можно спокойно взять и вынести. Уже на другой флешке.

Глава 11

Автомобиль подрулил к стоянке, отыскал место и послушно замер. Ингрид вышла вслед за мной, я прошел к подъезду двадцатизэтажного дома старой конструкции, краем глаза посматривая на мощный микроавтобус, что медленно подъехал и остановился у подъезда.

Когда Ингрид подошла к ступенькам, из микроавтобуса лихо выпрыгнули трое крепких парней в бронежилетах, один с кувалдой в руках, а следом за ними вышел Андрей из полицейского управления, улыбающийся и чем-то донельзя довольный.

Старшина доложил Ингрид:

— По вашему вызову прибыли!.. Какие указания?

Она бросила на меня косой взгляд, это я вызвал от ее имени, но смолчала, а им велела:

— Следуйте за нами.

Они послушно пошли следом, она покосилась на Андрея.

— А ты чего?

Он сказал шепотом:

— Капитан хотел засадить меня писать месячный отчет. Представляешь, месячный!.. Тут я ему и говорю, что наша Ингрид отправилась с яйцеголовым, его защищать надо, а кто защитит ее? Он меня и отпустил...

— А отчет? — спросила она.

— Колесниченко напишет, — сказал он ликуя. — У него самый красивый почерк, зато я чемпион по стрельбе из пистолета!

— И чего ты такой хитрый, — сказала она. — Ладно, иди с нами. У спецназа своя задача, у нас своя.

Когда вошли в дом, она одного из омовцев послала на лестницу, двое вместе с нами вошли в лифт.

Поднимались молча, лифт побряхтывает, жалуются, но послушно прет наверх, как старый ослик на пологую гору.

Когда вышли на площадку, Ингрид рванулась вперед, я ухватил ее за руку.

— Слушай, ты совсем обнахалела... Кто из нас самец?

Она оглянулась, лицо рассерженное, но в глазах появилось оценивающее выражение.

— Ну-у... это смотря в каком смысле.

— Я ученый, — напомнил я. — Не гуманитарий, это у них может быть много смыслов, потому и не развиваются, а я, можно сказать, технарь. Потому иду впереди, а ты, попискивая или похрюкивая, это уже на твой выбор, двигайся сзади!

Андрей и спецназовцы слушают с интересом, Ингрид фыркнула.

— Не богатый оставляешь выбор. Подумать только, доминант! Ты в зеркало когда смотрел в последний раз?

— Сейчас смотрю, — ответил я. — И вижу, где у меня правое становится левым, и наоборот. Так что на два шага позади!

— А чадру надеть? — поинтересовалась она.

— У нас с тобой светский ислам, — пояснил я. — Сверху европейцы, внутри — мусульмане. Не отставай, Фатима!.. Когда будут мины, тогда да, вперед!

Оба спецназовца держатся позади молча, но донесся смешок, кто-то вспомнил, что во времена Пророка, будь благословенно Его Имя, когда писали Коран, дороги еще не минировали.

Я снял электрические запоры, даже не упомянув, что вот какие, забыли запереться, рассеянные. Омоновцам и Андрею так вроде бы и надо, ничего не замечают, кроме своего дела, только Ингрид метнула на меня взгляд, полный подозрения.

— Входим, — велела она.

Андрей, которому очень уж, судя по его виду, хотелось ударить ногой в дверь и ворваться с диким ревом, рванул ее на себя, та не успела еще грохнуться о стену, как он влетел в помещение с диким ревом:

— Всем на землю!.. Руки за голову!.. Кто сдвинется — пулю в лоб!

Трое парнишек, что сидят за столом и с азартом режутся в карты, порхнули в стороны как испуганные воробьи и с той же скоростью, стулья с грохотом попадали на землю.

— Стоять! — заорал он. — Стоять, стреляю!

Омоновцы ринулись за убегающими, я подумал, что в такой суматохе может вместо пули в лоб получиться пуля в затылок или в спину, такое не оправдает ни один суд, но ребята действуют хладнокровно, догнали, повалили и, скрутив руки за спиной, быстро надели на запястья наручники.

Я указал взглядом Ингрид на дверь то ли в туалет, то ли в ванную. Крупный плакат с черепом и костями указывает, то ли что там высокое напряжение, не входи — убьет, то ли что перед нами каюта капитана пиратского корабля.

— Там человек, — сказал я тихо.

Она с разбега саданула ногой. В глубине комнаты за компьютерным столом спиной к нам в удобном кресле расположился лохматый парень с огромными, как тарелки, наушниками, делающими его похожим на карикатурную обезьяну.

— Это он, — сказала она с лютой радостью. — Ну наконец-то!

Он ничего не слышал, пока она не подошла и не сорвала с него наушники. Он в ужасе оглянулся, широкомордый, похожий на тех мелких пакостников, что стараются выглядеть крепкими и опасными братками.

Я подумал, не все хакеры в реале похожи на киношных, там их изображают некими гениями не от мира сего, что-то таинственное и романтическое, как раньше восторгались пиратами и прочими ублюдками, потом киллерами и проститутками по вызову. Теперь вот их сменили хакеры, что даже эмблемой взяли себе череп и кости, как же, романтики: пираты грабили корабли, мужчин убивали, женщин насиловали, а когда все ценное переносили к себе, чужой корабль топили вместе с людьми, отсюда и выражение «концы в воду».

Этот косит под киношного, лохмат, неопрятен, на столе рядом с клавиатурой всякая дрянь вроде грязных носков и огрызка булки возле пустой чашки с налетом кофе, но все же морда слишком тупая, глазки, как у идиота.

Я сказал Ингрид со злостью:

— Снова не тот.

— Почему? — спросила она.

— Да он и включить комп не сумеет, — ответил я брезгливо. — Подставной debil. Теперь и он срок получит...

Ингрид спросила резко:

— Имя?.. Фамилия?.. Чем занимаешься?..

— Сергей Кублов, — ответил он испуганно, но тут же опомнился, посмотрел с наглостью на Ингрид и обоих омонцов, на меня даже не обратил внимания. — И что вы мне имеете предъявить?

Кстати, все законы тут скачаны, могу и вам показать...

Я обратил внимание на это «тут», а не «у меня», как сказал бы хозяин этой берлоги, бросил Ингрид:

— Точно не он.

Она посмотрела на него, на меня.

— А кто?

— Какой-то дворник, — ответил я. — Или грузчик с рынка. Ты посмотри на него... Похож на хакера? Да он комп от велосипеда не отличит.

Ингрид развернулась к нему.

— Почему здесь?

Он ответил вызывающе:

— А какое дело полициям?

Андрей вздохнул.

— Вот и результат романтизации профессии хакеров... Даже дворники, посидевшие на их стуле, начинают качать права.

Он подошел к Кублову, выдернул его за шиворот из кресла, с силой резко ударил ногой в промежность. Кублов вскрикнул тонким отчаянным голосом и, ухватившись за гениталии, скрючился в позе эмбриона.

Андрей кивнул омовцам, те подхватили его под руки и поставили на ноги. Андрей ударил снова. Кублов повис на их руках, завизжал:

— Я все скажу, все скажу!

— Скажешь, — согласился Андрей, — а это я пока тебя учу вежливости. Хамить нельзя, понял?... Никому...

Он еще дважды ударил ногой, Кублов выл, весь в слезах и соплях, но сознания не терял, а один из удерживающих омовцев сказал с сочувствием:

— Парень, ты не ту выбрал дорожку... Теперь импотент, точно. А если он еще и по почкам врежет, то писать будешь только под себя.

Второй омовенец сказал с готовностью:

— А я знаю, где садануть, чтобы в нем говно больше не держалось! Будет течь постоянно. Правда, здорово? Хотите, покажу?..

Кублов стонал, вопил, всхлипывал, я едва разобрал слова:

— Все... что угодно... только не надо... я все-все... ой, не бейте... ой...

Я спросил у Ингрид, она наблюдала с холодным вниманием:

— А как же насчет неприменения...

Она хмыкнула, не поворачивая ко мне головы.

— Мало ли где сам ударился! О перила, например. Ты же видишь, какой он неуклюжий.

— О перила? Таким местом?

— Прыгнул по дороге, — объяснила она с надлежащим полицейским высокомерием, — пытаюсь уйти, неудачно приземлился... приперилился. А что не так? Ты же сказал, фильмы смотришь, трюки всякие!

— Ну да, — согласился я, — но там и одного раза вот так приперилиться хватало на всю оставшуюся жизнь...

— Ты же видишь, — сказала она с презрением, — он с первого раза не понял... Прыгал и прыгал.

— А экспертиза?

Она отмахнулась.

— Какая экспертиза?.. Ему все равно либо пожизненное, либо расстрел за участие в таком кошмарном преступлении.

Кублов взвыл:

— Каком преступлении? Я ничего не знаю! Я все расскажу!.. Уже рассказываю!.. Только зачтите как явку с повинной или хотя бы сотрудничество со следствием...

— Куда был перевод? — спросила она требовательно. — На какой адрес?.. Или тебе кажется, что мы пришли посмотреть, какой ты красивый и нарядный?

Он помотал головой.

— Не знаю! Говорю же, не знаю! Я только слышал, там защита маленькая прога для самоуничтожения. Я не знаю, что за прога, но как только ее активировали, она тут же выполнила какое-то задание...

— Какое?

— Основное, — сказал он стонуще. — Для чего-то же ее писали? А потом самоликвидировалась без всякого следа. Это же прога, там такое раз плюнуть и растереть...

Я поинтересовался:

— А скопировать для себя в голову не приходило?

Он посмотрел на меня в затруднении, а Андрей вздохнул, сказал невесело:

— К сожалению, при любой попытке сделать что-то иное, предусмотренное программой, такие вот проги самоуничтожаются!.. Это не что-то особо сложное, сейчас таких полно в инете. Как только разведки мира стали собирать все-все о пользователях Интернета, то сразу появились эти программки. Многие очень не любят, когда за ними наблюдают! Это не только преступники, как вам кажется, а просто нормальные люди вроде меня...

— Но-но, — сказал я, — нормальные — это нормальные, а этот мудака как раз преступник. Его счастье, что я не из полиции, а то бы точно и я влупил, что-то нога чешется. Или все-таки отвезти его в участок мне лично?

Кублов вскрикнул:

— Не-е-е-ет!.. Не надо в полицию. Я все расскажу!

Ингрид повернула голову в мою сторону.

— Чем ты его так напугал?

— Он вообразил меня в полицейской форме, — ответил я.

Андрей проверил, как сидят наручники на завернутых за спину запястьях мудака, толкнул в спину.

— Пошел!.. Может быть, попытаешься напасть на меня по дороге? А то мне пару приемов надо отработать...

— Не-е-ет, — заверил Кублов торопливо. — Гражданин начальник, никаких попыток!..

— Ну что ты за мужик, — укорил Андрей, передавая его одному из спецназовцев, — а с виду так пыжишься, как жаба на болоте... Разочаровал ты меня, разочаровал.

Дверь за ними захлопнулась, Ингрид повернулась ко мне.

— Все рухнуло?

— Ничуть, — заверил я. — Готова съездить еще?

Она посмотрела в мое лицо очень серьезными глазами.

— Вижу, нужно взять с собой и ребят?

— Начинаешь понимать меня, — ответил я. — Неужели я настолько прост и амебист?

Она поинтересовалась:

— Что-то заметил такое, что простые полицейские не видят?

— Да пустяки, — ответил я уклончиво. — На то я и не полицейский, чтобы смотреть как-то иначе. Приближаемся к развязке.

Она с недоверием посмотрела, как я с удовлетворением потираю ладони одна о другую.

— Берем главного? Этого Остапа Ратника?

— Главный не будет прятаться в шарашке, — ответил я. — Но подчистим остатки тех, кого он привлек для черной работы. А они выведут на него. Этот отсутствующий хакер все же оказался ценной находкой.

— Когда он тебе их сдал? — спросила она с недоверием. — Почему я не видела?

— Зря понадеялся на свои хранилища, — пояснил я. — На свою защиту данных. Зря, очень зря.

Она взглянула так остро, словно как-то по-женски ощутила, что я уже пересмотрел все-все, что у этого доморощенного умника не только на хардах, но и на съемниках.

Андрей спросил в нетерпении:

— Едем? Лейтенант?

— Да, — ответила она и посмотрела на меня. — Едем. Яйцеголовый решил окончательно сдать сообщников. С потрохами.

— Точно, — подтвердил я. — Передумал с государством делиться. Лучше вам по миллиону. Нет, это много, один на двоих. Ах да, вас же четверо... Ладно, сами поделите. Миллион не кот накашлял.

Ингрид негодуяще фыркнула, а Андрей сказал весело:

— Ладно, я и за четверть лимона жабьих шкурок все там разнесу!

Глава 12

В авто Ингрид сели кроме нас двое из спецназа и Андрей, остальные вернулись в свой микроавтобус, серенький и неприметный, но у меня в мозгу мгновенно промелькнули все его характеристики, в которых нет ничего от стандартной модели, начи-

ная чуть ли не от танкового мотора и бэтээровской брони.

Ингрид с беспокойством оглянулась на подставного хакера, омоновцы грубо впихнули его в свой транспорт, еще и врезали по шее.

— Может, ты отвезешь?.. Все-таки мы за него отвечаем. По дороге что-то выжал бы из него еще...

Андрей беспечно отмахнулся.

— Ну да, а вы ползете в самое интересное под пули?

— Андрей, — сказала она с укором, — будь серьезнее... Ладно, поехали.

Я ткнул кончиком пальца в экран, Ингрид тут же развернула автомобиль и вырулила на дорогу, а микроавтобус, как привязанный, двинулся на некотором расстоянии, сохраняя свободу обзора и маневра.

Андрей за нашими спинами сказал с непонятной интонацией:

— В последнее время культ хакерства зашкаливает, не находите? В большинстве стран за него уже ввели смертную казнь, а их не становится меньше.

Один из омоновцев, весь рыжий, будто ирландец, сказал зло:

— Потому что бросить гранату на дорогу с автомобилями — нужны кишки крепкие, а вместо красного дать зеленый может любое трусливое дерьмо, если найдет щель в программе светофора. И хотя погибших в таких случаях больше, но совсем недавно, я еще помню, таким давали условные сроки!.. Блин, мой ребенок начал было играть не в Супермена, спасающего мир, а в хакера, что ломает Всемирную компьютерную сеть!..

— Выпорол? — спросила Ингрид.

— Еще как, — огрызнулся рыжий. — Жалко было, но лучше сейчас порка, чем потом в тюрьму.

— Достало, — согласился и Андрей. — Вообще народ обожает бандитов, потому что в каждом из нас есть это подленькое насчет украсть, ограбить, плюнуть в суп соседу. Но в большинстве люди трусоваты, потому и законопослушны, но в мечтах такие непотребства творят!

Я мог видеть их лица только в зеркало, но рассмотрел, с каким неудовольствием рыжий спецназовец посмотрел в мой затылок.

— Но все-таки этих сволочей стараются облагородить! Разбойников выставляют робингудами, пиратов — романтиками, а теперь еще и этих хакеров... Думаешь, наш хакер просто выпендривается?

Я понял, что вопрос косвенно ко мне, ответил протестуя:

— Эй-эй, это гуманитариев развешивайте. Я вам еще и веревки подам! Ученые за ужесточение и просвещенный тоталитаризм. Нам лучше работается в спокойствии.

— Спасибо на добром слове, — сказал рыжий. — Достали недоумки...

— Чистое выпендривание, — пояснил я, — было только на заре персональных компьютеров. Любой вирус можно было написать за десять минут и разослать всему миру, потому что никаких файерволов не существовало, а сам компьютерный мир насчитывал несколько сот владельцев компьютеров. Потом, когда пришел Питер Нортона, а затем появилась Виндоус, писать вирусные проги стало сложнее. Уже не удовольствие, а нудная и кропотливая работа, а кто работу любит? Хакеры начали учиться на этом хотя бы зарабатывать. Криминально, конечно. На том и закончились недоумки, а пошли расчетли-

вые сволочи. А новички просто учатся ломать, этих тоже нужно вылавливать и сажать сразу. Даже если ничего не украли.

Андрей спросил с интересом:

— Тогда в чем их криминал?

— В подготовке к криминалу, — пояснил я. — Таким взламыванием системы привлекает к себе внимание. Демонстрирует мускулы. Дескать, можете пригласить на работу, но жалованье не меньше, чем у директора. А еще свободный график, шикарную машину, смазливую секретаршу... К сожалению, таких людей компании частенько в самом деле берут на службу.

Рыжий спросил с недоверием:

— Зачем?

— Обычно те и занимаются защитой корпоративных сетей от несанкционированного проникновения, но всегда ищут варианты, где украсть, навредить... Кстати, сейчас мы едем в самом деле в опасное место.

— Что там? — спросил Андрей.

— Дикие гуси, — ответил я, — хотя, конечно, дикого в нашем мире уже ничего не осталось, и как бы они ни гордились, но работают по найму, как всякие гастарбайтеры.

Андрей процедил с ленцой:

— Да откуда там дикие гуси...

— Пусть уже не дикие, — согласился я, — но кое-какие привычки сохранили.

Он усмехнулся.

— Хорошо, проверим оружие. Осторожность нигде не мешает. Хотя и помогает мало. Все так ускорилося, завертелось... а в этой мутной воде как раз и ловят крупную рыбу!.. Конечно, не все. Такие лохи, как мы, даже не пытаются...

Рыжий спецназовец толкнул локтем молчаливого друга.

— Васек, не спи! Видишь, пока спишь, все ловят вокруг тебя крупную рыбу. А мы лохи потому, что честные!..

Ингрид сказала зло:

— Не потому, что честные, а потому, что все еще допускаем взломы сложнейших и защищенных систем государства!

— Там не совсем государство, — ответил Андрей, — но ты прав, ломать не строить!.. Как говорят эти гады, дайте любую новую систему, которую создали лучшие умы, и мы за пару дней найдем в ней уязвимости!..

Ингрид прервала чистым ясным голосом и таким холодным, что на меня словно пахнуло ветром из Арктики:

— Подъезжаем.

Я ощутил легкий мандраж, не мое это все-таки дело выслеживать и гоняться за преступниками, мне бы скорее открыли лабораторию...

Оглянувшись, не увидел микроавтобуса, спросил Ингрид:

— А где спецназ?

Она повернула голову к Андрею.

— Он же должен ехать следом?

Тот кивнул.

— Он и едет. Только я велел перекрыть выход с той стороны. Ну не нравится, когда от наших хищных лап ускользает даже мышь!

Она вздохнула.

— Надеюсь, на этот раз никто не ускользнет.

Автомобиль, снизив скорость, начал подбираться к появившемуся впереди строению, словно тигр к оленю.

Здание почти новенькое, я даже не понял, ангар для садоводства высится впереди или цех по сборке компьютеров. Сейчас архитектура какая-то странная, все сверкает, а заброшенность видна только по высокой траве и торжествующему бурьяну, что пророс и там, где часто ступала нога человека и утюжили колеса автомобилей.

Ингрид сказала с некоторой тревогой:

— Мы как на ладони. Если они выставили стража...

Андрей напомнил:

— Я послал омоновцев перекрыть отступление.

— Да, — согласилась она, — это предусмотрено.

Подкравшись к двери, Ингрид взглянула на меня с вопросом в глазах, но я покачал головой. Какая электроника в этом заброшенном месте, с той стороны обыкновенный надежный засов. На всякого умного достаточно простоты, как сказал еще певец купечества Островский.

— Открывай, — сказала она рыжему омоновцу.

Он кивнул, одним движением прилепил к двери металлическую черепашку, размером с ладонь.

Все отбежали на пару шагов и пригнулись. Грянул взрыв, и тут же ринулись в пролом, куда можно и на бронетранспортере.

Сквозь дым и взметнувшуюся пыль я увидел несколько человек, что бросились в разные стороны. Резко и злобно грянули выстрелы, прогремела длинная очередь из автомата.

Ингрид крикнула мне лютю:

— Куда прешь!.. Вернись!

Я остановился, присел, здесь горы деревянных и даже металлических ящиков, в таких перевозят заводское оборудование, не слишком ценное, что-

то типа токарных станков с компьютерным управлением.

Двумя рядами тянутся длинные столы с железной поверхностью, но не цельной плитой, а деревом, оббитым жостью. Под сводом застыли в мертвом молчании передвижные балки с кабиной, в двух местах свисают на тросах все еще блестящие крюки.

Омоновцы, время от времени скупно постреливая, медленно продвигаются вперед, Ингрид и Андрей, держа в руках пистолеты наготове, на полусогнутых перебегают чуть левее, прикрывая друг друга.

Однажды прогремела короткая очередь, тут же еще одна чуть левее. Омоновцы открыли в ответ яростную стрельбу, двигаться пошли быстрее, напористее и почти веселее, старательно подавляя ответным огнем противника и подбираясь к нему ближе.

Я видел, как там вдаль двое успели с разбега вскочить в распахнутую дверь не то кладовки, не то другой части цеха, один из омоновцев с грохотом ринулся за ним, а Ингрид и Андрей побежали за двумя в грязных спецовках, пытавшихся смыться в другую сторону.

Это оказалась такая же заброшенная часть цеха, если не хуже, только огромные промышленные окна целее, хотя такие же грязные.

У меня шаркающий бег трусцой с остановками за спинами Ингрид и Андрея, а они, держа на изготовку пистолеты, настороженно осматриваются, передвигаются бесшумно по шажку, словно на ринге готовые к схватке бойцы без правил, пистолет у каждого в обеих руках, я почему-то вспомнил ковбоев, те стреляли из одной руки и вообще от бедра, а эти вцепились в рукояти так, будто пистолет сейчас вырвется...

...а и вырвется, сказал голос внутри. Убойная сила повышена в десятки раз, потому отдача может вывернуть кисть, а если не удержишь, то запросто выбьет зубы.

— Эй там! — крикнул Андрей. — Это полиция. Здание окружено!.. Выходи с поднятыми руками.

Тремя рядами тянутся станки, еще совершенно новые, только-только заводскую смазку убрали, но уже смотрятся покинутыми сиротами. Скорее всего, пока заказывали, расплачивались и везли сюда, в хай-теке появилась новинка, что делает то же самое быстрее и дешевле. Потому здесь только то, что успели установить на заранее подготовленные фундаменты и... на этом все закончилось.

Резко хлестнули два выстрела, Ингрид отшатнулась за массивный ящик, от уголка отлетела щепка мне под ноги.

Ингрид оглянулась, прошипела:

— Я же велела сидеть!

— А подать лапу? — спросил я.

Она не поняла, рядом Андрей открыл ответный огонь, затем выскочил и бросился вперед, делая рывки в сторону и приседая за ящиками.

У открытой двери три тела в лужах крови, даже мне понятно, изрешечены пулями так, что никакой хирург не спасет, а рыжий омоновец сидит на полу, опираясь спиной на станину токарного станка.

С правой стороны от ключицы расползается красное пятно, он с болезненной гримасой зажимает ладонью рану.

Подбежал тот молчаливый омоновец, который Васек, быстро убрал руку друга от раны и приложил туда салфетку, пропитанную синим гелем.

Ингрид ухватила за переговорник, но рыжий покачал головой.

— «Скорая» будет через три минуты. Васек уже вызвал.

В проеме двери показался Андрей с пистолетом в руке, огляделся, на лице появилась довольная улыбка. Спрятав пистолет в кобуру, пошел к нам быстрыми шагами.

Увидев рыжего на полу, посерьезнел, ускорил шаг.

— Как он?

— Ранен, — ответила Ингрид. — А что с тем, Ратником?

Андрей поморщился.

— Отстреливался, сволочь.

— Убежал?

Он покачал головой.

— Даже не знаю, лучше бы убежал. Но выскочил на меня, стреляя... Я ответил, блин!.. Не хотел же, надо было живым, но рука сама...

Ингрид сказала с облегчением:

— Это хорошо. Меньше работы судьям.

Омоновец простонал:

— Что с ним?

Андрей промолчал, Ингрид ответила за него:

— Андрей всегда был метким стрелком. В голову?

Андрей сказал сокрушенно:

— В лоб. Блин, я же не хотел, нам он нужен был живым! Всех бы выдал, но эти вбитые в кровь рефлекс... лучше бы не служил в ВДВ. Когда вижу направленный в меня пистолет, да еще когда из него стреляют, то...

Ингрид и омоновцы помолчали, всех учат в таких случаях реагировать, не раздумывая, а я прошелся вокруг трупов, стараясь не наступать во все ширящиеся лужи крови.

— Здорово, — проговорил я, с удивлением не

чувствуя священного ужаса при виде убитых. — Не помню, что недавно говорил, что труп в крови такая редкость, такая редкость... Или редкость когда только один труп?

Она посмотрела на меня почти со злостью.

— Не остри.

Я перевел взгляд на тело ближайшего наемника, потрогал кончиком туфли.

— Ты окей?

Андрей оглянулся на меня в изумлении.

— Ты чего?.. Его же изрешетило всего.

— Да так, — ответил я. — Как-то привык, к этому «Ты окей?», а труп бодро отвечает «Окей»...

— А-а-а, — ответил Андрей разочарованно, — а я надеялся, ты свихнулся и нам дадут отпуск. Или хотя бы отгул.

Ингрид спросила устало:

— Что, все потеряно?.. Или посмотрим, кого задержали наши ребята у запасного выхода?

Я покачал головой.

— Не задержали. Ни одного.

Ингрид и Андрей посмотрели на меня в недоумении.

— Почему? — спросил слабым голосом рыжий омоновец.

— Теперь понимаю, — сказал я, — кто-то из нас позволил остальным скрыться. А этих трех пристрелили, чтобы не выдали тех и... одного, который прячется среди нас.

Андрей насторожился, отступил на шаг, быстро посмотрел по сторонам.

— Ты что мелешь?

Рука его дернулась к рукояти пистолета, но Ингрид крикнула зло:

— Андрей!.. Что с тобой?

Глава 13

Он зыркнул в ее сторону, ствол ее пистолета смотрит в его сторону, а держит она рукоять крепко обеими руками, нацелив ствол ему в низ живота.

— Ингрид, — вскрикнул он, — ты что?!. Мы же с тобой столько прошли!..

Она проговорила медленно, не сводя с него взгляда:

— Владимир, объясни.

— Я только предположил, — ответил я, — но его реакция показала, что он в самом деле замешан. И замешан... по-крупному. Так ведь, Андрей? Теперь наконец расскажешь все. Или расскажем за тебя мы. В нашем насквозь просматриваемом мире все оставляет следы... То-то меня не оставляло чувство, что кто-то знает каждый наш шаг и постоянно ставит подножки.

Послышался топот, с той стороны двери вбежали двое омоновцев и заспешили к нам. Оба в недоумении уставились на пистолет Ингрид, нацеленный в грудь Андрея.

Она сказала резко:

— Этого в наручники!... Отвезете в участок, наручники не снимать. Отвечаете головой.

Один из омоновцев забрал у Андрея пистолет, вдвоем подхватили его, уже со скованными за спиной руками. Ингрид повернулась ко мне, рассерженная еще больше из-за того, что я что-то успел понять раньше, чем она.

— След потерян?

— Напротив, — ответил я. — Теперь искать можно от Андрея, а он... да, встречался с теми, кто... под подозрением тоже.

— Совпадение? — спросила она.

— Возможно, — согласился я. — Но не тогда, когда на его счет падает сто тысяч долларов неизвестно откуда. Вернемся в офис, покажу. Согласись, примерно столько бы и ты заплатила за крышу со стороны полиции... или согласилась бы на такую сумму, чтобы крышевать...

— Заткнись, — сказала она резко. — Если нащупал какой-то след, едем сейчас же.

— Зови свою полицейскую, — согласился я. — Люблю мчаться с мигалкой. Все-таки попрошусь в полицию.

Она сказала зло:

— Так тебя и возьмут!

— Доктора наук? — спросил я изумленно. — Еще и ефрейтора дадут!.. У тебя какой чин?

— У нас не чины, а звания. Я лейтенант. Старший!

Я оглядел ее хозяйски.

— Ладно, согласен на лейтенантку.

С воем sireны перед распахнутой дверью остановилась «Скорая», двое вбежали с носилками, третий с чемоданчиком врача.

Молчаливый омоновец начал поднимать раненого рыжего друга, вместе переложили на носилки, а мы с Ингрид вышли из здания на свежий воздух и легкий ветерок.

— Не сомневаюсь, — сказал я, — что главный гад сумел уйти... если он, конечно, здесь был. Но кто-то важный ушел. Андрей хоть и послал спецназ, но явно не к тому выходу.

Она прошипела зло:

— Что теперь?

— Теперь главного гада точно возьмем, — ответил я. — А Андрей уже никого не предупредит... Части головоломки складываются. Потом объясню.

Во всяком случае, теперь никто не предупредит и не пошлет по ложному следу. Давай быстрее в машину!

Через двадцать минут впереди и слева от дороги появился и начал вырастать солидный восьмиэтажный дом, выстроен недавно, но под старину, расположен в охраняемой зоне.

Я оглянулся, «Скорая» увезла раненого, остальные трое омоновцев плотно сжаты за нашими спинами на заднем сиденье, хотя их автомобиль держится за нами неотступно, повторяя каждое движение.

Ингрид гнала машину, как пушечное ядро, я слышал за спиной одобрительные реплики, дескать, сразу видно, не блондинка, это настоящая женщина, слон, а не женщина, любого порвет...

Дорогу к дому перегородила высокая стена с металлическими прутьями в стиле старинных копий, автомобиль подлетел к каменным воротам и в негодование остановился перед шлагбаумом.

Из будочки неспешно вышел парень в пятнистой форме и при кобуре.

— К кому?

— Мальчик, — поинтересовалась Ингрид, — ты хоть понимаешь, кто приехал? Придется проверить твою лицензию.

Парень в испуге метнулся в свой домик, один из спецназа зашел за ним следом и бдительно смотрел, чтобы тот открыл дорогу и никаких кнопок больше не касался.

Во дворе ничего лишнего, везде асфальт, здесь еще город, а не. Машина моментально пролетела к подъезду.

Ингрид буркнула:

— В таких домах вместо бабки-консьержки уже кто-то с автоматом. Идите за мной, вперед не вырывайтесь.

Мы с омовцами взбежали по ступенькам, входная дверь массивная, изготовленная по индивидуальному заказу, даже с узором по краям, а ручка выполнена в виде горбатого дракона.

Ингрид протянула руку к коробочке с цифрами, я перехватил ее за кисть.

— Стоп. Ты знаешь номер нужной квартиры?

Она бросила в мою сторону злой взгляд.

— Нет. Но консьерж знает.

— Не стоит, — сказал я. — Погоди, тут все просто.

Я потянул за ручку, дверь открылась. Рот распахнула не только Ингрид, но и спецназовцы покачали головами.

— Ты, — проговорила она, — знал?

— Просто забыли захлопнуть, — пояснил я невинным голосом. — Проходите...

Ошеломленные, они послушно вошли, я переступил порог за ними следом. Дверь за нами захлопнулась с неприятным металлическим лязгом, словно бронированные ворота тюрьмы для особо опасных.

Охранник сперва высунул голову, не поверив, что кто-то вошел вот так просто, выскочил в подъезд, но моментально присмирел, увидев за Ингрид и мною дюжих спецназовцев в их бронекостюмах и с автоматами в руках на изготовку.

— Я слушаю, — проговорил он встревоженно.

— Слушай, — разрешила Ингрид, — а мы пока пошли.

Лифт моментально и бесшумно поднял на восьмой этаж, я успел подумать, что во мне тоже живет, видимо, потенциальный снайпер и гангстер,

инстинктивно предпочитаю верхние этажи, с них так удобно выскакивать на крышу, стрелять во всяких там двуногих, а оттуда удирать на вертолете.

Ингрид подбежала к двери с номером пятьдесят восемь, протянула руку к кнопке звонка, но вдруг оглянулась на меня.

— Может быть, — сказала она желчно, — и здесь забыли закрыть?.. Попробуешь открыть?

Я посмотрел на дверь, перевел взгляд на Ингрид.

— А в чем проблема? Дверь в самом деле не заперта. Такую не выбьешь, открывается на себя, просто потяни, если сумеешь, за ручку...

Она нахмурилась, взялась за ручку двери, я успел увидеть на ее лице растерянное выражение, в самом деле оказалось не заперто, но в следующее мгновение скользнула в щель, а за нею вошли, как терминаторы, и все три спецназовца.

Я вошел последним, интеллектуалу это беганье и стрелянье претит, я рожден для научного поиска, взлета мысли, скорее бы в сингулярность, подалее от этой первобытной, хоть и временами приятной, как выяснилось, дикости убивания один другого.

Доносится громкая музыка модного ансамбля, все трое, ступая неслышно, прошли из прихожей в комнату. Длинный диван к нам повернут спинкой, на экране прямо перед ним мечутся в стремительном танце полуголые девки.

Я не стал смотреть, кто там наслаждается музыкой и зрелищем, потихоньку отступил, уже охватив все взглядом и увидев больше, чем ожидал.

Дверь на площадку отворилась бесшумно. Я огляделся, на площадку выходят двери четырех квартир, двери нестандартные, но одинаковые. Уже их нестандартность вызывает вопрос, вряд ли че-

тыре хозяина скинулись на одинаковые двери, скажем, ради дешевизны закупки оптом и установки. Все заселяются в разное время, и все тут же меняют стандартную дверь на свою индивидуальную, на которую устанавливают замок во своему выбору.

Чувство всесилия почти пьянит, раздражает только слабость тела. Мысль носится быстрее, чем фотоны в квантовом компьютере, но тело двигается, будто я черепаха, пролежавшая в леднике сто тысяч лет, и только-только оттаивает.

Электронный замок только ощутил приближение моей руки, как тут же втянул штыри в пазы, как улитка рожки. Я потянул дверь на себя, поехали медленно, величаво, давая мне возможность тоже войти с достоинством и неспешностью человека с весом.

Прихожая обставлена со сдержанным шиком, богатство не бросается в глаза, даже зеркало во всю стену от пола и до потолка всего лишь зеркало, а не произведение искусства. Мебель в гостиной выглядит подчеркнуто сдержанной, как если бы аристократ встретился с бывшими одноклассниками из народа и старался держаться, как они.

Я сделал пару шагов, ощутил опасность, но повернуться не успел. В затылок уперлось холодное и твердое. Я застыл, а злой голос громыхнул над ухом:

— Не двигаться!..

— Да не двигаюсь, — прошептал я, едва-едва шевеля губами, — совсем не двигаюсь...

— Повернись, — велел он.

Очень медленно я повернулся. Крепкий мужик отступил на два шага, словно я теперь, когда вижу его руки, ухвачу за кисть с пистолетом, выверну и отберу оружие.

Высокий и крепкий, широкие плечи и массивная голова, настоящий боец, таких тренировать для спецназа и прочих служб легко, уже приходят подготовленные улицей и местными разборками.

Я стою смиренно, а он смерил меня испытующим взглядом, моментально оценив рост, тонкие руки, впалую грудь и перепуганный взгляд.

— Кто такой?

— Владимир Лавронов, — пролепетал я. — Доктор наук, работаю в Научном центре Мацанюка в отделении нейрохирургии, откуда украли двенадцать миллионов... Меня таскают с собой, как подозреваемого. С ума сойти! Я и бутерброда не украду со стола коллеги... Не подумайте, что такой правильный, но либо уроню, либо сам упаду!

Он хохотнул, но взгляд оставался жестким. Оставив пистолет в одной руке, он открыл на столешнице планшет, потыкал пальцем, всмотрелся.

— Как, говоришь... Ага, нашел... Ого, работаешь над продлением жизни?.. Сочувствую, парень, но свою жизнь ты продлишь вряд ли...

— Ой, — сказал я пугливо, — что случилось?

— Наш босс, — ответил он, — он не любит...

— Чего?

Он жестко ухмыльнулся.

— Пленных не любит. Что с ними делать, не знаешь?.. За нами нет тыловых частей с концлагерями. Сволочь он все-таки. Не любит он, а зачищать нам.

Я сказал дрожащим голосом:

— А что такое «зачищать»?

Он хохотнул.

— И полицейские тоже сволочи. Зачем потащили за собой доктора наук? Он же таких денег стоит... Страна учила его, учила, а тут... Где они сейчас?

— Внизу с консьержем говорят, — ответил я. — Он не пропускает людей с оружием. Говорит, что не положено даже милиции, если та без ордера... Ну, а я без оружия, пошел пока сам по адресу, куда они идут...

Он посерьезнел.

— Полиция уже здесь?... Стой, не двигайся... Босс, полиция вошла в здание. У меня один из них... Что?.. Да, жду.

Отключив связь, он посмотрел на меня серьезными глазами.

— Что, — спросил я дрожащим голосом, — плохо?

— Дело в том, — ответил он медленно, — что мой босс прибудет сюда раньше твоих.

Пистолет он уже опустил, прекрасно понимает, таких докторов наук десяток согнет одной левой, а я с замиранием сердца чувствовал, как уходит моя жизнь с каждой минутой.

Видеокамеры на пролетах лестниц показывают двоих крепких мужиков, тяжелые и массивные, бегут вверх по ступенькам так же легко, как спускались бы с пригорка, одни мышцы, у обоих пистолеты в кобурах скрытого ношения, а у одного еще и узи под курткой.

Понятно, у них еще одна квартира двумя-тремя этажами ниже. А то и вообще на первом, чтобы можно было в экстренных случаях выпрыгнуть через окно.

Решайся, сказал я себе. Человек ты или тварь дрожащая? Человек способен убивать себе подобных, чего ни один зверь не умеет. Тот, что идет впереди, их босс, видно по манерам, походке, движениям, он в самом деле точно не тварь дрожащая... Я теперь еще и психоаналитик, все знания и вра-

чебные случаи, даже самые сложные, знаю и могу сам диагностировать...

Да, он задаст пару вопросов и сразу же убьет. Если не пустит пулю прямо с порога.

Пистолет у этого орла, что говорит почти с чувством, в руке как влитой, не выдрать...

— Мне дурно, — сказал я слабым голосом, — голова кружится... Мне волноваться нельзя...

Я пошатнулся и на подгибающихся ногах сделал к нему шаг. Он нахмурился, а я, закатывая глаза, рухнул на него, цепляясь за его одежду.

— Да что ты за слабак, — сказал он в бешенстве и попробовал подтащить меня к креслу.

Глава 14

Я ухватился обеими руками за пистолет, в моем распоряжении даже не секунды, а крохотные доли. Боевик среагировал поздно, я почти чувствовал, как его мозг дал сигнал мышцам руки, та начала напрягаться, но я уже изо всех сил повернул ствол и его же пальцем нажал на спуск.

Выстрел прозвучал глухо, боевик дернулся и сразу обмяк. Я поспешно отступил, а его тело рухнуло в кресло, куда собирался бросить меня. Пистолет все еще в его ладони, а из правого бока, где пуля просадила печень насквозь, толчками выплещивается темная кровь.

Я поспешно принялся выдирать рукоять из его пальцев, а то вдруг заостенеют, хотя мозг тут же подсказал, что трупное окоченение начинается только через час после смерти, а заканчивается через сутки-двое. Пистолет массивный и тяжелый, словно целиком из куска стали, едва поместился в

моей ладони, но это так, впечатление, на самом деле вполне поместился, тоже как будто делали для меня...

В мозгу в бешеном темпе крутятся картинки как с ним обращаться, разбирать и собирать, кто изобрел и как стрелял Пушкин, ну прям не жить без таких ценных сведений, все-таки мозг у меня дурак, это я только умный...

Судя по видеокамерам в коридоре до двери этой квартиры остался один пролет, оба не то устали, не то просто настороже, пистолеты уже в руках.

Я ждал у двери и смотрел через камеру на площадке, как вожак толкнул эту дверь ногой и быстро шагнул через порог.

Я как стоял сбоку, так и остался, дверь прикрыта, пистолет держу обеими руками, и едва босс вошел, я тут же дважды надавил на спусковую скобу, целясь в правый бок.

Он едва успел дернуться, как я повернул ствол, между дверью и отвесом щель, пролезет мой большой палец, там мелькнул темный костюм второго, и мой палец инстинктивно надавил на скобу. Выстрел грохнул дважды, я прислушался к грохоту рухнувшего тела и поспешно отступил дальше в комнату.

Сердце стучит мощно и победно, странное ощущение всеисилия начало заполнять от кончиков ушей до пят, как горячая вода комок ваты. Все-таки я человек, а не тварь дрожащая. Человек убивающий, потому что только убивая себе подобных, обезьяна стала человеком.

Злой голос Ингрид прозвенел так неожиданно, что я подпрыгнул в испуге:

— Ты куда исчез?

— Рядом, — сообщил я слабым голосом. — У них тут весь этаж куплен! Все четыре квартиры! На-

верное... Давай быстрее, мне тут так страшно, так страшно... Квартира восемьдесят семь, я в гостиной на диване, валидол пью.

Она прокричала на бегу:

— Тебе плохо?

— Очень, — крикнул я несчастным голосом. — Как мир жесток!.. Как люди так могут?.. Это невыносимо!.. Почему они все такие злые?..

Через полминуты за дверью послышался приближающийся топот. Камеры показывают, двое спецназовцев отстали от Ингрид на несколько шагов, а она летит, как пантера в прыжке, готовая выбить дверь всем тренированным корпусом.

С той стороны раздался ее крик:

— Ты в комнате?

— Да, — прокричал я. — Тут такой ужас, такой ужас!

Через камеру я видел, как она уже в прихожей, перепрыгнула через тело убитого первым, остановилась, оглядываясь по сторонам, оттуда ведут три двери, к ней подбежал омоновец, она жестом велела ему осмотреть тело на полу, а сама ворвалась в комнату ко мне.

Я на диване сижу в той позе, что для лежачего называется «разлежся», так вот я почти именно разлежся, но только сидя, ничего не вижу и не понимаю, слабый и перепуганный, давление за двести пятьдесят, пульс за сто сорок, а мандраж за тысячу.

Она резко остановилась передо мной на бегу.

— Не ранен?

— Ранен, — ответил я с возмущением. — Мое достоинство!.. Да не то, что вы все думаете, демократы чертовы, а настоящее!.. Он меня дурными словами обзывал!.. Какие же есть некультурные люди...

Она с явным облегчением перевела дух.

— Что здесь случилось?

— Здесь был еще один, — сообщил я всхлипывающим голосом. — Он появился внезапно, как Бэтмен!.. Убил всех троих и скрылся так же молниеносно...

В комнату вошел, держа пистолет наготове, второй омоновец. Увидел нас и, спрятав оружие, опустился на корточки перед убитыми.

Ингрид сказала резко в переговорник на груди:

— Капитан, нужны данные о...

Я поспешно протянул руку и оборвал связь. Она в бешенстве выкатила глаза, яростная, как Иаиль, убивающая полководца Сисару.

— Что с тобой?

— Тихо, — прошипел я. — Нельзя раскрывать парня!

Она вперила в меня злой взгляд, я кивнул на оглянувшегося омоновца.

— Смотри, самец уже все понял. У мужчин мозг все же быстрее. Понял, что нужно молчать и делать вид, что эти неизвестные сами друг друга перебили.

Она прошипела:

— Почему?

— Кто-то работает под прикрытием, — пояснил я. — Рискнул, спасая гражданского, это я гражданский, если еще не поняла. Ценный гражданский, хотя и тварь дрожащая! Нет, уже не дрожащая, а вот насчет твари пока не знаю... Его нельзя раскрывать. Это меня можно, хоть и не получится, а неведомого героя никак нельзя. А то что за благодарность за спасение?.. Лучше скажите, что это вы всех перебили!.. И тем самым прикроете отважного и благородного полицейского... А может быть, он вообще не из полиции, а из силовых структур?

Она бросила сердито:

— Мы и есть силовые!

— На силу есть суперсила, — ответил я мудро. — А если он еще силовее? ФСБ, АНБ или Налоговая?

Омоновец пробормотал:

— Ингрид, яйцеголовый прав.

Она скривилась.

— Редкий случай... Обычно он умнее всех только за обеденным столом. Там и силен, и ловок, и вообще крут. Хорошо, скажем, обычная бандитская перестрелка за сферы влияния. Тот, кто убил, успел скрыться, но мы его ищем.

— Умница, — сказал я обрадованно, — хоть и женщина.

Она сказала требовательно:

— Но ты хоть что-то видел? Как вообще догадался пойти в эту квартиру?..

Я ответил как можно искреннее и честнее:

— Вы же все видели мебель в той квартире!

— И что?

— Видно же, — пояснил я, — что там чего-то недостает. Я понял, что по крайней мере вторая квартира на этаже тоже принадлежит им. Ну, где-то есть, наверное, соединяющая эти квартиры дверь, но я не стал искать, мне только научные тайны подавай, а не квестовые, потому вышел на площадку, а оттуда через наружную, так проще.

— И влип! — бросила она зло.

— И влип, — согласился я. — Как печально...

— Ну хоть что-то увидел?

Я помотал головой.

— Ничего!..

— Совсем?

— Ну да, — сообщил я. — Это когда там выстрелы затихли, я высунулся тихохонько и увидел, как

за кем-то закрывается входная дверь. Точно то был Бэтмен. Или хотите сказать, Бэтмен ярый националист и борется с преступностью только в Америке?

Омоновец сказал весело:

— В самую точку! Более того, в отдельно взятом городе Готэме. На остальную Америку ему насрать... Он вообще сепаратист. Ты его плащ увидел?

Я помотал головой.

— Нет, только каблук!.. А у Бэтмена тоже плащ? Я думал, только у Супермена...

Он молча кивнул, а Ингрид сразу же потребовала:

— Какой каблук? Опиши.

Я ответил оскорбленно:

— Я что, женщина?.. Или как-то похож?.. Не надо меня так оскорблять грубой толерантностью! Я не больно в каблуках, я вообще в вашей обуви не копенгагничая!.. Хотя, конечно, босоножки отличу от унтов или солдатских сапог, но и то не со стопроцентной как бы уверенностью...

Омоновец хохотнул, сказал деловито:

— Ингрид, ты еще про вязание крючком спроси. Он хоть и яйцеголовый, но все-таки самец... ну, наверное, самец. Значит, и мышление самцовое.

Ингрид сказала в переговорник:

— Капитан, тут были помехи... Да, уже устранили. В общем, в квартире восемьдесят семь три труп. Пришлите экспертов, пусть посмотрят.

Она кивнула и посмотрела на меня.

— Все, уходим.

Я оглянулся на трупы.

— Немногое ваши эксперты нащупают.

Она насмешливо прищурилась.

— Уверен?

— Только предположение, — ответил я мирно, — я же не специалист. Я просто умный.

Ее губы поджались, а в глазах блеснуло острое недовольство. Все-таки женщина есть женщина, в полиции или где-то еще, повышенная эмоциональность сказывается, как ни маскируй, а мне нравится вот так слегка дразнить, раскачивая ее полицейские устои.

Странно, особого страха так и не ощутил даже сейчас, хотя, говорят, приходит позже. Нет, совсем не дрожащая. А что за тварь, разберусь. Может быть, я вообще тигр или лев. А то и дракон.

Омоновцы остались в квартире с убитыми, а меня Ингрид увела в полицейскую машину. По дороге не била, хотя выражение лица да, именно такое, поглядывает со злостью, опаской и недоумением.

— Никогда не пойму ученых, — сказала она с сердцем, когда мы уселись и закрыли за собой дверцы. — Что-то у вас не как у людей!

— А что не так?

Она ответила резко:

— Мне кажется, тебя это даже не взволновало!

Бойся проницательных женщин, мелькнула у меня мысль, не понимают, но чувствуют.

— Взволновало, — ответил я вяло, — но потом подумал, а на фига?.. Их восемь миллиардов землю топчет. Да пусть хоть все там поубивают друг друга, лишь бы здесь было в порядке. У тебя комп все еще подключен к серверу? Вашему, полицейскому? Хотя он не полицейский да и не совсем ваш...

Она посмотрела с подозрением.

— А что?.. И у нас хочешь что-то украсть? Мы бедные.

— А через ваш?

Она подумала, сказала в нерешительности:

— Ну, если поделишься...

— Тогда поменяемся местами, — предложил я. — А то буду отсюда тянуться к клавиатуре, начну задевать твои сиськи, а это отвлекает...

— Чего-чего?

— Даже когда смотрю, — сообщил я галантно, — отвлекают! А уж пощупать...

— Я тебе пощупаю, — огрызнулась она. — Тянись оттуда. Сам сказал, ученые умеют сдерживать позывы.

— Да я сдерживаю, — пояснил я, — но мозг такое рисует...

— Молчи, — прервала она и торопливо вылезла из машины. — Садись! Не хочу и слушать, что ты мог навоображать. Ты же не человек, а что-то вроде богомола.

Я сел на ее место, она обошла машину и устроилась рядом на правом сиденье, ревниво смотрела, как мои пальцы быстро-быстро порхают над виртуальной клавиатурой.

— Ты же медик, — сказала она с подозрением, — а это у тебя откуда?

— Общее развитие, — сообщил я скромно. — Это женщины рано специализируются, а мы широки, широки...

На экране появилось несколько мелких окошек, я увеличивал по очереди, хотя для себя уже определил, но Ингрид и так раскрыла рот, узнавая знакомые помещения моей лаборатории, а я выделил и увеличил на весь экран комнату на нижнем этаже, где Моника на своем рабочем месте скрупулезно подготавливает растворы, время от времени сверяясь со списком и дозировками.

Глава 15

Ингрид всмотрелась в нее, перевела взгляд на меня, но я помалкиваю, снова начала вглядываться в растатуированную сотрудницу.

— Это... она!

Я переспросил:

— Что она?

— Украла, — шепнула она. — Я чувствую!

— Женский мир, — пробормотал я, — никто не думает, все чувствуют... Еще немного, и погрузимся в мир меча и магии. Начнем ведьм жечь, красиво, одухотворенно, патриотично...

— Кто будет жечь? — спросил она резонно. — Если мы, ведьмы, и захватили власть?.. Ты ее уже проверил?

Я пробормотал настороженно:

— Как? Я только включил...

— Да кто тебя знает, — буркнула на. — Ты как-то уж чересчур быстро находишь ответы.

— У Шерлока не было компьютера, — напомнил я, — а вот ответы он находил. Я, кстати, тоже нашел.

— Ну?

— Она в самом деле была в тот день в здании, — ответил я. — Оставалась с вечера. Все ушли по домам, а она осталась. Потом выключила свет, обесточила аппаратуру и...

Я сделал паузу, она спросила жадно:

— Отключила видеонаблюдение?

— Умница, — похвалил я. — Это у тебя женская интуиция или мужская логика?

Она отрезала сердито:

— У меня женская логика!

— Женской не бывает, — напомнил я. — То вообще не логика.

— Тогда просто логика, — ответила она. — Видишь, какая я покладистая? Как покладешь, так и лежу. Почти как та твоя пигалица. Значит, берем ее? Не пигалицу, а эту нататуашенную?

— Погоди, — сказал я. — Сперва проверим. А если осталась, чтобы повязаться с кем-то из женатых? У нас есть пара таких, у которых жены просто стервы.

— Что? — спросила она с интересом, — такие еще остались? Здорово. Молодцы.

— И ты такая?

Она фыркнула.

— Нет, конечно. Но я за то, чтобы ваше подлое племя держать в узде. Народами в интересах мира и спокойствия должны править женщины. Хорошо, поедem.

— А у тебя есть, — поинтересовался я, — что предъявить?

— У тебя есть, — напомнила она. — А ты обязан сотрудничать со следствием.

— Ну, если обязан...

Она грубо согнала меня со своего места, женщины рулят в нашем мире, автомобиль под ее управлением рванулся в сторону шоссе, как застоявшийся конь.

Всю дорогу она молчала, злая и сосредоточенная, автомобиль не катит, а летит над асфальтом, распугивая все остальное на дороге, так что да, простому человеку хорошо служить в полиции, привилегии всем нам повышают самооценку и продлевают жизнь.

Я обычно сразу поднимаюсь в свою лабораторию и не выхожу оттуда до конца рабочего дня, который у меня, как почти у всех мне подобных

полусумасшедших длится дольше официального, но сейчас, раз уж там все опечатано, не стал подниматься, на первом этаже в препараточной такие же экраны, легко настроить на просмотр изображения с видеокамер.

В коридоре встретился Лазаренко, уже спешит на выход, и так задержался, весь в себе, вздрогнул, наткнувшись на Ингрид, что рассматривает его с мрачным недружелюбием, как непонятного жука, что вдруг да укусит, потому его нужно пристукнуть раньше.

— Ой... простите! А, Володя, ну ты как?

— Завтра вернусь к работе, — пообещал я. — А пока вот помогаю нашей доблестной полиции. Это вот и есть доблестная полиция, старший лейтенант Вервольфова. Представляешь, появился новый вид преступности, вернее, мотив: любой ценой заполучить побольше денег, чтобы купить бессмертие! Вот она и вылавливает таких... ну, ты понял.

Он снова опасно посмотрел на Ингрид.

— Значит, мир меняется к лучшему.

Она рыкнула:

— Что хорошего?

Он сказал чуть живее:

— Зато исчезли самые распространеннейшие преступления! Например, на почве ревности!.. Сейчас норма, что муж трахает в обеденном перерыве сотрудниц, а его жена совокупляется с коллегами. И даже ссор не возникает, а раньше... подумать страшно!.. за такую ерунду вообще убивали, представляете?

Я буркнул:

— Не представляю. Я вообще-то не так стар. И вообще... думаю, такое в книжках напридумано. С чего это я стал бы злиться, что моя жена с кем-

то повяжется? Лишь бы с работы не опаздывала, все-таки обед она готовит. Нет, это все для кина...

Он посмотрел с некоторым подозрением, не уверенный, что не прикалываюсь, но ответил очень серьезно и правильно, поглядывая на Ингрид:

— Было такое, Володя. И почти совсем недавно. Я застал лично, хотя был еще пацаном. Так что да, сейчас преступлений меньше. Чтобы миллиард украсть из банка, какие мозги надо иметь? А вот ревновать мог каждый... И ножом пырнуть любовника жены. Гамлет вон кого-то вообще задушил из-за платочка Фриды...

Он все поглядывал на Ингрид, но перлы мечет зря, не врубилась, вряд ли знает, кто такой Гамлет, это все из уходящего мира.

— Ну бывай, — сказал он. — Хорошо выглядишь!

И бочком-бочком прошмыгнул спиной по стеночке мимо Ингрид в сторону выхода.

Я распахнул перед Ингрид двери в одно из наших помещений, где мышек сортируем и группируем по заданным параметрам, она прошла строго посередине между клетками, еще бы отодвинулась, да некуда, осматривается с брезгливостью, пахнет мышиным пометом и самими мышами, а также химикалиями, это мы привыкли и не замечаем...

— Побрызгайся духами, — посоветовал я. — У вас же они всегда с собой?

— У кого это у нас? — переспросила она с высокомерием. — У полиции?

— У самок, — уточнил я. — Замена феромонов. Садись вот сюда. Клавиатуру не дам, испортишь, но экраны включу... Вот, смотри.

Пока она всматривалась, я успел сходить к кофейному аппарату и вернулся с двумя большими пластиковыми стаканами.

— Спасибо, — сказала она сухо и протянула руку.

— Вообще-то я оба взял себе...

— Лопнешь, — заявила она и отобрала стакан, выбрав тот, где кофе визуально больше. — Чем она занимается?

— Черновая работа, — пояснил я. — Но без нее не обойтись даже в самой чистой науке. Видишь целый ряд чашечек?

Она наморщила нос.

— Какие же это чашечки?

— Эх ты, — сказал я с укором, — для тебя и коленная чашечка наверняка не чашечка, а какая-то противная косточка... Ладно, пора с нею пообщаться. Рабочий день заканчивается, вот-вот уйдет.

— А что ей предъявишь?

— Догадки, — ответил я загадочно. — Посмотрим, что ответит. А там уже решим, что дальше. Ты мне только подыгрывай.

Она фыркнула.

— Ты это называешь мужской логикой?.. Это хуже, чем женская интуиция. Ладно, хочу посмотреть, как опозоришься.

— Какая ты добрая, — сказал я грустно.

Я так и вошел со стаканом кофе в руке и с наслаждением отхлебывал, наблюдая со спины за Моникой. Ингрид плотно прикрыла за собой дверь, могучая и подчеркнуто мускулистая, поправила кобуру с пистолетом и дубинку у другого бедра и неспешно подошла к ее столу.

Моника вскинула голову, взгляд недружелюбный, Ингрид все поняла и, показав полицейскую бляху, сказала жестким голосом:

— Полицейский департамент Москвы.

Она сделала нарочитую паузу, и Моника спросила хмуро:

— И что?

— Расследуем дело, — проговорила Ингрид таким голосом, будто заговорил ледник, потопивший «Титаник», — о хищении и двух... нет, пяти убийствах. Я вправе привлечь к ответственности лиц, что отказываются от сотрудничества или скрывают какие-то сведения. Вы все поняли? Повторять не надо?

Моника смотрела все еще зло и неприступно, однако во взгляде появилась нерешительность, а после недолгого колебания ответила хмуро:

— Не отказываюсь, но ничего не знаю о ваших хищениях.

— Вы можете не знать напрямую, — отрезала Ингрид, — но вы могли участвовать косвенно, даже не подозревая, что замешаны в тягчайшем преступлении! Потому советую отвечать без утайки, точно, подробно и ничего не скрывая.

Моника произнесла недружелюбно:

— А мне скрывать нечего.

— Точно?

— Ни в чем противозаконном не участвую, ни в чем не замешана!

— Хорошо, — произнесла Ингрид загробным голосом, — первый вопрос, с какой целью вы остались в тот день, когда была совершена кража, на службе уже после рабочего дня?

Моника вздрогнула, ответила быстро и почти инстинктивно:

— Я не оставалась!..

Ингрид сказала безжалостно:

— Думаете, если отключили все видеокамеры на этаже, то это спасет? Напротив, я повешу на вас и

пару трупов. А то и больше. Или еще что-нить найду. У нас есть хар-р-рошие висяки. От пожизненного до каторжных работ на урановых рудниках светит. Представляете, урановые рудники в самом деле существуют.

— Но я не...

Ингрид прервала, повысив голос:

— Камера на противоположной стороне улицы захватывает и выход из вашего центра!

Моника проговорила слабо:

— И... что?

— Все ваши работники вышли, кроме вас!..

Моника побледнела, мне стало жалко, как они все сразу становятся жалобными, когда с них слетает бравада, вот и сейчас просто перепуганная женщина, а женщин инстинкт велит защищать.

— Не вышел еще и Медведев, — сказал я с великодушием человека к слабой женщине, пусть она и вся в татуировках, как зэк с солидным стажем. — Продолжать?

Ингрид сказала с сарказмом:

— Мы его сейчас вызовем и допросим в отдельной комнате. Скажем, что вы во всем сознались.

— Даже бить его не будем, — сообщил я. — Хотя, конечно, если начнет запыраться... Знаете ли, дружба дружбой, но бигмаки врозь. Особенно такие, как делают здесь.

Моника, бледная настолько, что даже вызывающие татуировки поблекли, стали мелкими и жалкими, вскрикнула тонким голосом:

— Не нужно!..

— Почему?

— Я все скажу. Только его не вызывайте!. И вообще ничего ему не говорите...

Ингрид сказала без всякой жалости:

— Это будет зависеть от вашей откровенности, понятно. Нас не ваши отношения интересуют, а уголовная составляющая.

— Какая уголовная?

— Если она не присутствует, — пояснила Ингрид, — то никто ни о чем не узнает. Ваши отношения — ваше личное дело. Но если...

Моника сказала быстро-быстро:

— Нет-нет, я все скажу! Да-да, все.

— Так говорите.

Она сказала потеряннным голосом:

— Мы с ним в самом деле встречались несколько раз после работы прямо в отделе.

— Жена в самом деле ревнива? — спросила Ингрид с недоверием.

Моника помотала головой.

— Нет, ей все равно.

— Тогда почему?

Она ответила жалким голосом:

— Ему хотелось чего-то необычного! Мужчины все такие, рутинный секс приедается быстро... Думаете, зачем я вся в татуировках? Тоже старалась разнообразить, заинтересовать, хотя это больно и противно...

Ингрид поморщилась.

— Верю. На мой взгляд, в мире нет мужчин, ради которых стоит вообще пошевелить даже пальцем, а не то чтобы делать тату... Дальше!

— В общем, — сказала Моника упавшим голосом, — он представлял, что мы встречаемся тайком от его жены и моего ревнивого мужа...

— Вы замужем? — прервала Ингрид.

Моника снова помотала головой.

— Нет, и никогда не была. Наши тайные встречи были для игры, вроде бы рискуем, таимся, наруша-

ем законы и приличия... Ему хотелось быть тайным нарушителем, то ли пиратом, то ли корсаром... Меня представлял флибустьершей!

Ингрид посмотрела на меня озадаченно. Я подумал, сказал ей с некоторым колебанием:

— Он вообще-то человек... экстравагантный. Скучное ему в самом деле скучно. Если риска в нашей работе нет, то он хотя бы его воображает... Это да, можно поверить, а вот ей нужно...

Ингрид прервала:

— Арестуем его и допросим.

Моника вскрикнула, как раненая птица:

— Нет! Не надо. Я докажу, что он был со мной.

— Как? — спросила Ингрид в лоб.

Моника замялась, посмотрела на меня пугливо, почти прошептала:

— Дело в том, что у нас все шло к окончанию... Я это чувствовала, страшилась, но что может слабая женщина? Потому решила сделать запись на память... И сама установила камеру. Там автоматически выставляется время, вы можете убедиться, что он все время был со мной!

Ингрид кивнула, поинтересовалась:

— С какой целью записывали? Для шантажа?

Моника вздрогнула.

— Как вы можете?... Это единственный мужчина, которого люблю... я готова оберегать его ценой жизни!.. Он никогда бы не узнал про эту запись, а я бы до старости берегла воспоминания.

Я с удивлением заметил, что Ингрид вроде бы даже неловко от таких откровений, явно больше привыкла догонять, сбивать с ног и вязать, а если что не так — стрелять быстро и точно.

— Хорошо, — сказала она, — давайте эту запись. Обещаю, о ней никто не узнает.

Через несколько секунд Моника протянула ей крохотную флешку.

— Это здесь.

— Хорошо, — ответила Ингрид и добавила мило: — Надеюсь, больше не потревожим. Владимир, оставим ее наедине со своими... проблемами.

В коридоре я сказал с удивлением:

— Ты даже расчувствовалась. Кто бы подумал!

— Когда собачка прищепит лапку, — ответила она, — кто не сочувствует? Сейчас то же самое... Как говоришь, Медведев? Это тот, толстый и с бутербродом?

— Запомнила, — ответил я. — Да, именно с бутербродом.

— Извини, — сказала она. — В самом деле сожалею, что это один из твоих друзей.

— Да, — ответил я без охоты. — Особых друзей у меня на работе нет, но Медведев был один из самых близких, к кому я был... расположен. Вообще меньше всего бы на него подумал. С другой стороны, он рискованный. Другие все-таки более правильные. И... понятно теперь, почему не увидел его тогда, когда ты меня силой притащила в свой участок и угрожала не то убить, не то посадить...

— Не увидел на записях камер?

— Да, — подтвердил я. — Он просто не появился на них в тот вечер, днем раньше оставшись ночевать с Моникой в лаборатории.

Она сказала независимо:

— Все равно бы это тебе ничего не дало.

— Возможно, — согласился я. — Но вот так он вообще выпал из любого списка. Что послало нас

по ложным следам. Наверное, пора зайти к нему... Побудь здесь, хорошо?

Она сказала встревоженно:

— Он не опасен?

Я усмехнулся.

— Здесь все научные работники. Мы не умеем стрелять и не бросаемся друг на друга с топорами. Да и не убийство он совершил, и даже не чемодан спер...

Она покачала головой.

— Ладно, но не рискуй. Мало ли чего тебе хочется пообщаться наедине... Иди, только быстро!

— Жди здесь, — велел я.

Глава 16

Она кивнула, а я пошел в левый коридор, где у нас тренажерный зал, роскошный солярий, спа, комната для релаксации, джакузи и даже бассейн, чем мы вообще не пользуемся, зря Мацанюк старался, у нас другие интересы, все мы немножко сумасшедшие и заиклены на работе, Медведев тоже таков, даже Моника для него не просто плоть для чувственных утех, а средство для достижения цели...

Когда-то с супружескими изменами боролись яростно и беспощадно. В доцивилизованное время уличенных женщин жгли на кострах, в цивилизованное адюльтер стал причиной убийства уличенного в измене супруга или самоубийства, тяжелых увечий и болезненных разводов, но в конце концов было принято мудрое решение, что если запретить никак не удастся, то нужно разрешить и сделать вид, что это нормально.

Потому сейчас все знают ту строфу из Библии, где Господь велел плодиться и размножаться, но насчет ограничений смолчал. Еще все знают абзац из учебника биологии, где рассказано, что только могучий и все подавляющий инстинкт размножения у мужчин когда-то спас человечество от вымирания, потому не стоит с ним бороться, рекомендуется только принимать некоторые меры контрацепции.

И сразу человечество вздохнуло свободнее, а жить стало еще легче и еще беззаботнее.

Помню, как недавно ко мне зашла Вероника, наша сотрудница, очень печальная, поссорилась с бойфрендом из-за пустяков, я ее утешал, как мог, но она даже после вязки оставалась печальной, жаловалась на его нечуткость, я как мог объяснял, что все мы нечуткие, но не потому, что не чуткие, а мужчины смотрят в общем, мелочи не замечают, но не из-за грубости или желания обидеть, просто готовимся спасти мир, потому копим силы, и вообще не стоит придавать слишком много значения так называемой интимной жизни.

И все-таки она ушла, так и не принявшая новые нормы, когда многоженство все еще запрещено законом, но в реале фактически уже принято общественной моралью.

При нынешней эпидемии вседозволенности в сексуальных свободах сперва мощно расцвело то, что раньше было только в анекдотах: когда сначала совокуплялись, а потом знакомились, затем к этому привыкли, секс на стороне перестал быть неким вызовом, мужья перестали ревновать жен к их вязке на службе и по дороге домой, жены смирились еще раньше, и вот тогда после некоторого периода турбуленции как раз и начали формироваться се-

мы нового типа, когда с одним мужчиной живут две или больше женщин или с одной женщиной двое-трое мужчин.

Старые термины типа полиандрия или полигамия не подходят, как и промискуитет, это все старое и косное, а здесь узаконенная свобода выбора семьи без четко очерченных рамок.

Косенков наслаждается жизнью с тремя, а в соседней лаборатории Веселовского, где работает сплоченный коллектив, постепенно сложилась крепкая семья из четверых мужчин и одной женщины.

Их иногда называли пандавами, но их единственная жена обычно напоминала, что у пандавов было пять мужей на одну Драупади, то ли блистая эрудицией, то ли намекая, что не прочь принять в семью еще одного-двух самцов.

Правда, Медведев мне казался слишком простым для таких вывертов, к тому же увлечен работой. Это у бухгалтеров никакой оргазм не сравнится с чувством, когда сходятся все цифры в балансе, а у Медведева высшее наслаждение всегда было увеличить жизнь мышкам еще хотя бы на полгода, что для человека означало бы сорок лет прибавки.

Еще в коридоре услышал сухой стук сталкивающихся костяных шаров, осторожно приоткрыл дверь бильярдной. Медведев в гордом одиночестве с азартом гоняет шары на зеленом поле.

Те с сухим костяным стуком красиво разлетаются, как испуганные воробьи, кто-то даже прячется в норку, Медведев передвигается вокруг стола гордый и довольный, явно получил какой-то особенный карамболь, фукс, а то и абриколь с дабл-киссом.

— Привет, — сказал я.

Он вздрогнул, оглянулся, но тут же широкое мясистое лицо стало еще шире, весело хохотнул, уставился в меня блестящими глазами.

— Бутерброд хочешь?.. У меня еще три вон там в корзине. Здравствуй, кстати. Что-то ты совсем исчез... Но выглядишь просто превосходно!

— Да ладно тебе, — ответил я вяло. — Чувствую себя так же хреново.

Он покачал головой.

— Нет-нет, ты уже не бледная немочь, которую хоть в гроб клади, а весьма такой жеребчик.. Анализы сдавал? Нет? Давай я сейчас возьму!

Я отстранился.

— Ни за что. Ты простой укол делаешь так, будто биопсию берешь.

— Ну ты же не мыша, — возразил он. — Чего тебя жалеть?

— Нет, — отрезал я. — Не дамся. Я вообще-то заглянул по другому поводу.

Он сказал подбадривающе:

— Ну-ну, давай быстрее! Что-то ты совсем невеселый!

— Помнишь, — сказал я, — когда ты так убежденно и с огнем в глазах рассказывал нам с Лазаренко, что мораль отмерла, что человек на любое преступление пойдет, чтобы заполучить бессмертие?

Он раскрыл шире глаза.

— Уже и не помню... Ну-ну, дальше!

— Но ты же не на любое пойдешь, — сказал я, — верно?

— Ты всегда разбирался в людях, — сказал он поощряюще. — Мало ли что мы говорим! И мало ли что нам хочется. А ты что, как Раскольников, мучаешься каким-то чувством вины?

Я покачал головой.

— Нет, я зашел по другому поводу...

— Давай, — ответил он бодро. — Всегда рад с тобой пообщаться по любому поводу.

— Гм, — сказал я, — да уж и не знаю... В общем, полиция копала, копала, даже рылась, но в конце концов распутала все узелки в этом деле хищения денег. Сложном деле, надо признать. Не простаки провернули операцию!

Он спросил с оживлением:

— Что, кто-то из наших?.. Кто, Лазаренко?.. Ну, наконец-то!.. Я, правда, так и думал.

Я покачал головой.

— Нет, не он.

Он вскинул брови в изумлении.

— Все-таки сам Геращенко?.. Да, на него подумать труднее. С другой стороны, заведующий лабораторией, у него больше возможностей...

— На него подумать труднее, — согласился я. — Но и он... не он.

Он покачал головой.

— Ты меня пугаешь. Мы что, такие дураки, думали не на тех?

— Именно, — подтвердил я. — Даже не связали сразу то хулиганство пьяных гопников, когда разбили окно, и похищение двенадцати миллионов...

Он посерьезнел.

— А как это может быть связано?

— Среди тех гопников оказался орел, — пояснил я, — что сумел отключить питание.

Он покачал головой.

— Это ничего не даст. Аварийное подключается моментально.

— Между отключением стационарного и подключением аварийного, — напомнил я, — есть та

микросекунда, когда связь нарушена. Человек даже не заметит, что лампочка потускнела на миллионную долю светимости, потому что моментально восстанавливается уже от аварийного, однако за это время можно кое-что сделать, если быть наготове.

Он смотрел на меня серьезными глазами.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — ответил я. — Ингрид была права, похитили деньги изнутри. В нашей лаборатории. Как ты думаешь, кто?

Он сдвинул плечами, в голосе прозвучало раздражение.

— Не играй словами, дело очень серьезное. Если что-то узнал, говори.

— В полиции проверили всех, — произнес я невесело. — Сперва через крупное сито, потом через мелкое... В конце концов остался только ты. У тебя и доступ, и только у тебя была возможность. Да-да, в полиции разобрались с твоей игрой в Дон Жуана, что соблазняет чужую жену!

Он пробормотал:

— Что ты несешь?

— Ты не учел одну вещь, — сказал я. — Моника отключила все камеры, но не знала, что днем раньше установили еще одну. Вот на ней-то помимо ваших утех есть момент, когда ты, заставив Монику надеть костюм портовой шлюхи на испанском галеоне, сам быстро провел свое хищение... на что понадобилось вместе со всеми твоими неуклюжими движениями три секунды. Запись есть в облаке, хочешь представлю в суде?.. Как только по записи увидели код, который ты набрал, дальше пошло проще. Это хороший след, по нему вышли на твой счет. Правда, там было

только девятнадцать миллионов долларов из восьми и двенадцати... Один пришлось истратить на гопников, байкеров и наемных киллеров?.. Кто бы подумал, на Каймановых островах все еще можно прятать украденное!.. Но сейчас их уже изъяли. Можешь проверить.

Он нервно дернулся, выхватил мобильник, но взглянув в мое лицо, заставил губы растянуться в улыбке.

— Ну и шуточки у тебя... Это я хотел позвонить жене.

— Лучше адвокату, — посоветовал я. — Хотя в твоём случае он уже ничем не поможет. Вот почему ты и в веганы пошел, потому что даже двадцать миллионов не спасут, если вес за двести килограммов, отдышка и давление в покое за сто девяносто. Зато веганом как раз бы дотянул до начала эпохи бессмертия, а там с двадцатью миллионами получил бы его в числе первой тысячи. Расчет точен, ты в этом всегда был хорош.

Он покачал головой, на меня посмотрел исподлобья, в лице появилось неприятное выражение.

— Ты-то зачем влез в это дело?

— Деньги ты украл у нас, — напомнил я. — Сама по себе справедливость для меня мало что значит. Если бы украл у казино или обчистил кассу ипподрома на скачках, я бы слова не сказал. Но ты обокрал ученых!

Не отрывая от меня взгляда, он пошарил растопыренной ладонью на полке, где лежат цветные мелки, в голосе прозвучали боль и злость:

— Тебе-то что?.. По всему свету в трех с половиной тысячи лабораторий ищут способ достичь бессмертия! Семьсот тысяч ученых работают над

этим день и ночь!.. Думаешь, если нам прекратят давать деньги, мир не получит бессмертие?.. Зачем ты, сволочь, помогал полиции? Там лохи, им только карманников ловить. Но ты влез в это дело и... все испортил.

— Это да, — согласился я. — Портить я могу. Слежку за мной ты установил?

Он покачал головой.

— Нет, конечно. Это дикие гуси решили, что ты опасен. Как вижу, они оказались правы, а я тебя недооценил.

— Гусей ты тоже недооценил, — сказал я. — У наемников нет чести, зато есть опыт выживания. Уже просчитали, как оседлают тебя и завладеют добычей. Увидели быстро, что ты не крут, а просто человек, который оказался в нужное время в нужном месте. И потому сумел ухватить такие деньги, о которых никогда бы и подумать не смел.

Он сказал с отчаянной надеждой:

— А если бы я предложил тебе половину?

— Профессионал бы предложил раньше, — сказал я с упреком. — Тогда был бы шанс... А сейчас сюда едут. Думаю, даже ОМОН захватили. Не потому, что ты так опасен, я же говорил, ты и муху не сможешь убить, просто двенадцать миллионов внушают уважение простому человеку.

Он вынул руку из-за спины, я с холодком рассмотрел в его ладони крохотный шприц с тонкой иглой. Жидкость неприятно зеленая, прозрачная.

— Да, — сказал он, — вижу, ты все понял правильно. Это егаланц. Убивает мгновенно.

— Не поможет, — ответил я как можно более уверенным голосом, хотя внутренности от ужаса

свело. — Я включил запись. Сейчас все, что видят камеры здесь, видят и в полиции.

Лицо его перекосилось ненавистью.

— Но ты, сволочь... до бессмертия точно не доживешь!

Мои мышцы напряглись, готовые метнуть тело в сторону. За спиной с грохотом распахнулась дверь, прогремел страшный, просто нечеловеческий голос Ингрид:

— Замри!.. Не двигаться!.. На колени!

Он застыл, но на колени опускаться не стал, перевел взгляд с моего лица на дверь.

Ингрид подбежала и быстро заслонила меня собой, держа Медведева на прицеле.

— На колени!

Пистолет она держит крепко и профессионально строго, Медведев прошипел с ненавистью:

— Нет уж, не возьмете.

Его рука со шприцем пошла к его шее. Ингрид напряглась, я ощутил, что сейчас выстрелит ему в руку.

— Ингрид, не смей!

Она огрызнулась, не поворачивая головы:

— Должны предотвращать...

— Он ничего не сделает, — заверил я. — Смерти страшится, не видишь? Крохотный шанс дожить до бессмертия остается и в тюрьме. У живого всегда есть шанс. У мертвого нет.

Она заколебалась, чувствую, а Медведев прикоснулся острием иглы точно к сонной артерии и посмотрел нам в глаза.

— Это будет на вашей совести.

Ингрид снова чуть не нажала на спуск, я торопливо опустил ладонь на ее руку, заставляя пистолет смотреть стволом в пол.

— Нет!.. Он Достоевского читал.

Она зыркнула на меня люто.

— И что?

— Я Достоевцев знаю лучше, — заверил я. — Согласны на все, только бы жить. Все оставшиеся годы готов стоять в дерьме по ноздри и питаться им, но никогда с собой не покончит.

Медведев некоторое время смотрел ненавидяще, потом лицо исказилось гримасой, выронил шприц и, всхлипнув, обреченно протянул руки вперед.

— Да, — сказал я с сочувствием. — Все-таки ты эта... дрожащая.

Ингрид, осторожно ступая, чтобы на наступить на шприц, подошла и со зловеще металлическим звуком защелкнула на кистях рук наручники и только тогда сказала почти с ненавистью:

— Ты что, гад, разбежался? То жопу из кресла поднять не можешь, за стены хватаешься, а сейчас сам шкурой рискуешь неизвестно зачем!

В комнату вбежали двое запыхавшихся полицейских из охраны внизу, подхватили Медведева под руки и, держа почти на весу такую тушу, вытащили в коридор.

Ингрид проводила их взглядом, повернулась ко мне, все еще злая, как кобра, которой наступили на хвост грязным сапогом.

— Ты придурок!.. Знаешь это? Придурок!.. А если бы он ткнул тем шприцем?.. Ладно-ладно, не смотри так. Поняла, проехали. У него в самом деле шанс дожить?

Я изумился.

— В тюрьме?.. Ты знаешь, сколько людей на свете?.. И все имеют право получить бессмертие раньше заключенных. А еще их дети, внуки, правнуки...

Она оглядела меня с головы до ног.

— Ничего себе ты ему пытку обеспечил. Он перед тобой просто зайчик.

— День закончился хорошо, — ответил я. — По чашке кофе и — на работу! Надеюсь, там уже сняли печати с двери лаборатории?

— Печати? — переспросила она. — Какие печати?

Оглавление

Часть I

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	68
Глава 9	76
Глава 10	85
Глава 11	93
Глава 12	100
Глава 13	109
Глава 14	113
Глава 15	123

Часть II

Глава 1	135
Глава 2	143
Глава 3	151
Глава 4	160
Глава 5	168
Глава 6	175
Глава 7	183
Глава 8	191
Глава 9	199
Глава 10	207
Глава 11	217
Глава 12	223

Глава 13	233
Глава 14	242
Глава 15	251

Часть III

Глава 1	262
Глава 2	273
Глава 3	281
Глава 4	291
Глава 5	299
Глава 6	311
Глава 7	319
Глава 8	329
Глава 9	338
Глава 10	349
Глава 11	358
Глава 12	366
Глава 13	376
Глава 14	384
Глава 15	392
Глава 16	402

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

КОНТРОЛЕР. Фантастика Юрия Никитина

Никитин Юрий Александрович

КОНТРОЛЕР
Книга первая
На пороге

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *Е. Джелилова*

Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.06.2016. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «GaramondC». Печать офсетная. Усл. пѣч. л. 21,84.
Тираж 5000 экз. Заказ 4506

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-88158-1

9 785699 881581 >

В электронном виде
www.litres.ru

ЛитРес:
ОДНА КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО-РДЦ-Екатеринбург, ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ЮРИЙ НИКИТИН К О Н Т Р О Л Е Р

Владимир Лавронов, доктор наук, со скальпелем в одной руке и пистолетом в другой, действует в мире завтрашних идей, хай-тека, биотехнологий, в стремительном ритме современной жизни с ее идеалами, близостью бессмертия, сингулярности, сетевыми и религиозными войнами, локальными конфликтами и мятежами... и постоянно сталкивается с новыми вызовами глобальных рисков, какие просто не могли существовать раньше.

Обреченный на смерть неизлечимой нейродистрофией, он решается на рискованнейшую операцию. Но никто, кроме нас, читателей, не ожидал, что результат получится неожиданным.

ISBN 978-5-699-88158-1

9 785699 881581 >